

**ВСЕ ВИДЫ БАНКОВСКИХ УСЛУГ ПРЕДОСТАВИТ
«РЕСУРС-БАНК»**

- **Открытие расчетных счетов**
*Расчетный счет в «РЕСУРС-БАНКЕ» — это:
Быстрое, четкое и качественное обслуживание.
Консультации клиентов по любым вопросам
финансово-хозяйственной деятельности.
Гарантированное получение наличных денег.
Прием платежных документов с 9.00 до 18.00.
Телефон: 306-68-19*

Открытие валютных счетов — с 1 октября 1992 года

- **ПРИЕМ СРЕДСТВ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ НА
ДЕПОЗИТНЫЕ СЧЕТА С ВЫПЛАТОЙ
ВЫСОКИХ ПРОЦЕНТОВ ПО ВКЛАДУ**
Телефон: 306-68-14
- **ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ КРУПНЫМ КОММЕРЧЕСКИМ
ОРГАНИЗАЦИЯМ КРЕДИТОВ НА ВЗАИМОВЫГОДНЫХ
УСЛОВИЯХ**
Телефон: 306-68-03, 306-79-18
- **ПРИЕМ ВКЛАДОВ НАСЕЛЕНИЯ (минимальный процент по
вкладу — 46% годовых)**
Телефон: 306-78-55

**НАШ АДРЕС: 111398, Москва, Перовская ул, д. 28.
Проезд до станции метро «Перово».**

**ВРЕМЯ РАБОТЫ: с 9.00 до 18.00, кроме субботы и
воскресенья.**

**После 3 сентября наш адрес: 109240,
Верхняя Радищевская, д.2 (рядом с м.«Таганская»)**

Владимир ЛЕПЕХИН

СЦЕНАРИЙ ДЛЯ АВГУСТА 1992 ГОДА

В прогнозах моих, увы, мало оптимизма. Но зная, что происходит сегодня в парламенте и правительстве России, иную развития политической ситуации я себе представить не могу. Цель публикации — не эпатаж, а приглашение к размышлению. Разумеется, я был бы рад, если бы предлагаемые мной сценарии были жизнью опровергнуты.

Материал подготовлен при участии консультантов ВС России Михаила Малюткина и Дмитрия Журавлева.

Итак, программа углубления экономических реформ, предложенная правительством России, многими воспринимается в штыки. И не только парламентариями и экономистами, но и теми, кто способен не только критиковать, а еще и действовать (о них — ниже).

Что произойдет, если предположения о возможном провале реформ Ельцина — Гайдара подтвердятся, станут фактом?

В этом случае к осени основным дестабилизирующим фактором — как в экономическом, так и в политическом смысле — станет все возрастающее давление на центр, на российское правительство местных администраций, различных региональных структур. В регионах уже начинаются разборки предприятий и населения с властью по поводу товаров и цен на них, зарплат и работы... У местных руководителей один аргумент: виноваты не мы, виноваты Москва, центральное правительство, избранный вами президент. Давление, а также кризисные явления (падение уровня жизни, безработица и т.п.), с которыми уже столкнулись исполнительные структуры, органы МВД и армия, заставят все эти структуры действовать. До сих пор, как известно, они поддерживали, хотя и все менее активно, правительство Ельцина.

Но первыми при таком развитии событий начнут действовать парламентарии, которые раньше многих осознают ту горькую правду, что реформа Ельцина провалилась. Более того, парламентарии не забыли трепку, которую задали им в апреле правительство,

президент и пресса, и перейдут — сразу же после летнего отпуска — в атаку на правительство и президента. Поводов для этого больше чем достаточно. Например, задержки (по экономическим или политическим соображениям) с предоставлением западных кредитов, что окончательно похоронит и авторитет Гайдара, и шансы на успех реформ...

Словом, депутатам не останется ничего иного, кроме как собрать чрезвычайный съезд.

Для того чтобы созвать внеочередной съезд, достаточно наличия 330 подписей. Насколько мне известно, 300 с лишним подписей, собранных блоком «Российское единство», уже хранятся в надежном сейфе, а в течение нескольких дней к ним без труда можно будет присовокупить несколько десятков подписей центристов и, таким образом, поставить президента перед фактом.

Как в этой ситуации будет действовать президент?

К моменту, когда участники съезда начнут требовать выдачи им скальпа Гайдара, на стол президенту лягут доклады заместителей, а также заинтересованных органов о трагическом положении трудящегося населения и смуте в регионах. Доброжелатели уже с апреля давят на президента: «Смелее бери власть в свои руки, разгони парламент...». Старые друзья, у которых президент будет искать поддержки и советов, в массе своей, чувствуя запах жареного, от него отвернутся, а если что-то и посоветуют, так то же самое: «закрутить гайки».

Чувство безысходности, вакуума, в

Продолжение на с.3

Фото В.Шишова

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Г.Крошин:

Мы-то, дураки, думаем, что наши избранники законы для нас принимают, вкальвают над ними в поте лица, получая за это хорошую зарплату, а они, оказывается, нас просто... надувают бессовестно. Не принимают ничего. И не вкальвают. Правда, зарплату исправно получают...

8

А.Агеев:

Последние коммунистические сны рассеиваются. И самым последним рассеивается самый сладкий — о «равенстве» и «социальной справедливости».

10

А.Акопян:

«Сотрудничество с КГБ» вновь стало козырем в политической борьбе. На этот раз — в Армении.

13

2 ЭКОНОМИКА

М.Леонтьев:

То, что сделал Матюхин, беспрецедентно: он превратил нарождающиеся российские коммерческие банки в арены политической борьбы, прописав в банковскую систему лошадиную дозу политической демагогии.

20

Л.Буйко:

Правительство Гайдара пыталось провести реформы по типу Бальцеровича, а получились реформы по типу Раковского. В результате — гиперинфляция в условиях социализма, вместо рынка — толкучка.

22

3 ЖИЗНЬ

Л.Колосов:

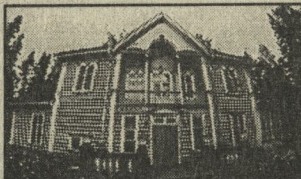
Среди моих агентов были и члены мафии, и представители высших кругов Италии.

27

Е.Гаер:

Нужна «малая» ООН, которая бы занималась проблемами малочисленных народов, чем не занимается пока ООН «большая».

35

К.Рыбак:

«Охотничий домик» Геринга как военный трофей главного маршала авиации Голованова перекочевал в Подмосквье.

37

И.Фейн:

На сто процентов уверен, что один комплект олимпийских золотых медалей из тех, что будут разыграны в Барселоне, можно было вручить давным-давно.

39

4 КУЛЬТУРА

Т.Литвинова:

Что будет с моей страной, я не знаю. Порой мне кажется, что ее может спасти только чудо. Но я уверена, что оно произойдет...

50

Е.Карцева:

...Таким разговорчивым, как в этот последний вечер, перед больницей, я его никогда не видела: он рассказывал о своих планах на ближайшие годы... На седьмой день лечения Симонову стало хуже...

53

В.Аксенов:

Впрыгнув в комнату, кот заколесил, хвост трубой, меж ног своего папы и его любовницы. Громко и торжественно он пытался донести до них свою новость...

59

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации СССР. № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский
Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Григорий Вайсман
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов
Отдел экономики и науки: Елена Колесникова
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина
Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел международной жизни: Консуэло Сегура
Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак
Отдел писем: Наталья Туровская

Подписку за рубежом осуществляет агентство Econews: box 378
Geneva 1211 Switzerland.
Fax: 41.22 — 349.05.80
Tel: 41.22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 24.07.1992 г.
Тираж 156.300 (1—100.000)

Над номером работали:
В.Старчевский, Н.Ударцева, Р.Катеева

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 3050

Окончание. Начало на с. 1

котором президент и его окружение, вполне вероятно, окажутся к осени, вплоть до ощущения, что тебя вот-вот придут арестовывать обнаглевшие депутаты, заставит российское правительство как-то действовать, что-то предпринимать (как скоро и как решительно — это другой вопрос).

ДЕЙСТВОВАТЬ можно по-разному. Вот наиболее вероятные сценарии.

СЦЕНАРИЙ ПЕРВЫЙ: «БЛИЦКРИГ»

Не в пример Горбачеву, оказавшемуся в аналогичной ситуации к августу 1991 года, российский президент действует решительно и жестко. Ельцин обвиняет депутатов в попытке сорвать реформы, в ответ на попытку сбора съезда, в повестке которого предусмотрен импичмент, распускает парламент, вводит в столицу верные полки, смещает с должностей либо изолирует каким-либо иным способом оппозицию — не столько партии, разумеется, а тех людей из властных структур (3—5 тысяч человек), которые представляют для него реальную опасность. Чем наступательнее будет позиция президента, тем гарантированной будет успех предприятия — хотя бы на первом этапе.

Разумеется, в случае успеха мировое сообщество и российская пресса отреагируют как надо. Еще бы: законный президент предотвратил попытку переворота, разогнав толпы «красно-коричневых»...

Сценарий этот, в общем-то, примитивен. Он самый простой, а посему, видимо, наиболее оптимальный и надежный из возможных (не столько ЛИЧНО для президента, сколько для наиболее лихой части его команды, проигрывающей при любой существенной коррекции курса), однако для успешной реализации его необходим ряд условий, и в том числе:

— наличие у президента верных полков;

— решимость окружения президента (Бурбулиса и проч.) пойти на жесткие меры в отношении оппонентов и противников.

Верные полки Ельцин растерял, а Бурбулис и Ко к тому, чтобы репрессировать несколько тысяч человек, включая вчерашних соратников по борьбе с коммунистами и гкачепистами, явно не готовы.

Следовательно, этот вариант развития событий если не отпадает, то маловероятен.

СЦЕНАРИЙ ВТОРОЙ: «ГЛУХАЯ ОБОРОНА»

Поскольку Ельцин не способен пока действовать решительно, точнее — не

способен понять, зачем нужно действовать решительно и жестко, он, скорее всего, займет выжидательную позицию.

Допустим, Ельцин признает решения съезда, а Хасбулатов уговорит его сдать сначала Гайдара, затем Бурбулиса и прочих (и уговорит съезд этим удовлетвориться). В этом случае депутаты, возможно, и успокоятся, в особенности если президент предложит в премьеры человека, чья кандидатура удовлетворит как часть демократов, так и часть традиционной элиты (например — Вольского). Но здесь имеется ряд «но».

Во-первых, замена Гайдара на Вольского мало что даст по существу. Экономический кризис будет нарастать, и, соответственно, рейтинг Вольского, как допрежь рейтинг Гайдара, а точнее, Павлова—Силаева, будет падать, что приведет к новому витку напряженности и разборок в «Белом доме».

Во-вторых, успокоенность депутатов будет временная — до ближайшего серьезного события, поскольку дело вовсе не в Гайдаре и его программе (его судьба как раз-таки мало волнует депутатов), а в самом Ельцине.

В-третьих, зная характер Ельцина, логичнее предположить, что он не признает решений внеочередного съезда. Более того — наверняка не удержится от каких-либо крепких выражений в его адрес. Депутаты из числа «заединцов», впрочем, только того и ждут и немедленно попытаются объявить президенту импичмент, в результате чего между сторонниками президента и его противниками начнется самая банальная вялотекущая гражданская война в гамсахурдиевском стиле (пикеты и баррикады вокруг «Белого дома», «штурмы» телецентра и т.п.), в ходе которой Хасбулатов и компания развернутся на 180 градусов и начнут склонять президента не к уступкам съезду, а наоборот — к решительным действиям.

Поскольку президент к решительным действиям будет не готов, он для начала отбудет на лечение, после чего спикер парламента (чем черт не шутит) взойдет на трибуну побольше и заявит: «Президент не способен управлять страной по причине болезни, а потому власть — это парламент, то есть я...». Это или какое-нибудь подобное заявление может стать сигналом к выступлению главных сил, которые, «восставшая доброе имя президента», разгонят толпы «люмпенов» на улицах и «красно-коричневый» парламента, а заодно — и правительство. Будет сформировано «Правительство народного доверия», законодательные функции перейдут к какому-нибудь Временному комитету народного согласия (Учредительному собранию)... По ТВ выступит демократичный штатский — глава нового правительства, который и расставит все точки над «i».

«Третьей силе», пришедшей к власти, дабы «защитить демократию», ни к чему будет разворачивать репрессии. Тех, кто осознает, что же в действительности произошло, будет минимум, да и те, в большинстве своем, предпочтут промолчать, а то и поддержат новую власть.

Однако и этот сценарий реализуем при определенных условиях:

— при наличии **организованной оппозиции** в существующих структурах власти;

— при наличии **нескольких ключевых фигур**, способных решиться, в сущности, на переворот: фигуры № 1 — организующей переворот и координирующей действия всех его участников; фигуры № 2 — знамени переворота (авторитетной, харизматической фигуры, потенциально — нового президента); фигуры № 3 — обеспечивающей «инфраструктуру» переворота (какой-нибудь авторитетный в армии генерал).

Фигуру № 1 сейчас высчитывать бессмысленно, о ней, как правило, становится известно задним числом.

Фигуры № 2 сегодня в России явно нет. Вольский на подобную роль не решится. Руцкой — при всей своей показной жесткости военного — тоже. Впрочем, Руцкой, как я полагаю, готов заметить президента (в то время как Вольского вполне удовлетворил бы пост премьера), но, во-первых, лишь будучи уверенным в том, что Ельцин не возвратится из «Горок», а во-вторых — если его об этом попросит парламента (Учредительное собрание). В качестве фигур № 2 могут ЧИСТО ТЕОРЕТИЧЕСКИ рассматриваться также А.Яковлев и М.Горбачев. Первому президентство уж точно ни к чему, второй хотел бы, да больно дырявое получилось бы знамя... Более никто из действующих политических «светил» на эту роль не годится.

Фигура № 3 на политическом горизонте также не просматривается. Среди старых генералов авторитетных фигур нет, молодые (Грачев и др.) — авторитета в армейской среде еще не нарастили. Громов не пользуется авторитетом среди коллег в силу, как утверждают, стоящих за ним афганских грешков. Да и кто из военных согласится рисковать после августа 1991-го?

Словом, сценарий № 2 также вряд ли осуществим.

СЦЕНАРИЙ ТРЕТИЙ: «СОЗРЕВШИЙ ПЛОД»

Согласно этому сценарию, Ельцин выжидает, парламента действует, президент огрызается, завязывается драка, но «третья сила» в нее не ввязывается, ждет, когда власть сама упадет ей в руки.

Для этого, с одной стороны, депутаты науськиваются на президента. «Красно-коричневым» обещается поддержка в

случае, если они будут смелее.

С другой стороны — президент и его окружение подталкиваются к борьбе с «красно-коричневыми».

(Попутно в прессе создается образ красно-коричневой угрозы — как единственного противника демократии и самого страшного, что может быть в этой стране.)

С третьей — аккуратно дестабилизируется ситуация в стране. Для этого не нужно поднимать на дыбы забастовочные регионы, достаточно, к примеру, контролировать железнодорожный транспорт, то есть, фактически, — поставки продовольствия и топлива в крупные города.

В конце концов — конечно, не в августе, а, допустим, к декабрю — плод созревает: производство к тому времени падает на 50%, в столицу не завозят мазут и хлеб, толпы осаждают «Останкино», Моссовет, «Белый дом»... Некто организует «утечку» информации из Министерства безопасности, что в аппарате президента вскрыта коррупция, а сам президент ударился в запой. «Вдруг» выясняется, что с Россией все хотят воевать, причем все — одновременно. Наконец, ИТАР—ТАСС сообщит, что из Н-ской воинской части неизвестными лицами украдено несколько ракет с ядерными боеголовками...

В этой ситуации введение полков туда, куда надо, пройдет на «ура». «Российские вести» сообщат, что в Н-ске обнаружены следы террористов, укравших ракеты, а посему в Н-ском и прилегающем к нему регионах введено чрезвычайное положение. Толпы будут разогнаны, мазут и хлеб завезены, кое-кого из аппарата президента (тех, кто окажется особо непонятливым — как год назад гэкачеписты) отвезут в «Матросскую Тишину», а с Ельциным... Ну, что-нибудь придумают, как с ним быть.

(К слову, примерно такой сценарий писался весной и летом 1991 года в структурах союзной власти, однако в этот процесс влезли гэкачеписты, которые, фактически, все «испортили». К примеру, за несколько недель до 19 августа в КГБ и МВД было смещено со своих постов несколько десятков человек, в том числе и первый заместитель Крючкова, которые, в случае объявления ЧП, в отличие от пресловутой восьмерки, стали бы играть всерьез.

В вышеприведенных сценариях мы исходили из того, что произойдет, если российские парламентарии решатся на внеочередной съезд. Но весь трагизм или, наоборот, комизм ситуации состоит в том, что, несмотря на наличие всех предпосылок для проведения съезда, у делегатов нет главного — решимости. Они ведь, как и все сегодня в структурах власти, лишь надувают щеки, однако решиться на серьезные действия, нарушающие привычный и уже ставший ми-

лым сердцу парламентариев кабинетно-буфетный ритм жизни, не способны.

Словом, самым реальным, как я полагаю, является следующий сценарий.

СЦЕНАРИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ: «ПЕРЕЗРЕВШИЙ ПЛОД»

Парламентарии ждут очередного съезда. Ельцин к этому времени осуществляет мелкие перестановки в правительстве, происходит неоднократная корректировка правительственной программы экономических реформ и т.п.

На VII съезде народных депутатов России (допустим, в октябре — декабре с.г.) начинаются разборки по схеме сценария № 3: парламент нападает, президент, отвечает, «Российское единство» предлагает объявить Ельцину импичмент, но предложение не проходит. Между тем ситуация в экономике все ухудшается, уже не 12, как сегодня, а все 50 областей России вводят собственные таможи и отказываются отчислять деньги в бюджет России, возрастает социальная напряженность, как возрастает и недовольство политической Ельцина и им лично в органах исполнительной власти и армии. Молодые генералы, прошедшие закалку в Приднестровье и других, далеких от академии и Кремля местах, постепенно нарачивают не только авторитет, но и соответствующее отношение к «либеральным соплям-воплям». Все участники будущей драмы, тем не менее, как могут, оттягивают развязку.

Однако развязка неминуема, и если не в октябре 92-го, то в октябре 93-го или в октябре 94-го. Кто выиграет в результате — сегодня я бы утверждать не решился.

КАКОВО ЖЕ РЕЗЮМЕ?

Дабы исключить развитие событий по экстремальному варианту, необходимо незамедлительно принимать меры, к числу которых я бы отнес следующие.

Внеочередной съезд все же проводится, но в нем участвуют все, а не только члены фракции «Российское единство», при этом импичмент президенту ни при каких обстоятельствах не объявляется.

Ельцин назначает нового премьера, например, того же Вольского. Гайдар при этом остается до поры до времени вице-премьером, дабы довести до конца свои игры с Международным валютным фондом.

Ельцин объявляет сроки новых выборов в высший законодательный орган страны, в связи с чем разворачивается подготовка проекта Закона о выборах, к которой привлекаются представители всех фракций, а также партий.

Вводится новая должность в правительстве — вице-премьер по национальной безопасности. Кандидатура определяется в результате совместного совещания органов МБ, МВД и армии. Переформируется Совет по оборонной политике, которому предоставляется время на телевидении.

Совет по предпринимательству при президенте РФ переформируется в Совет при премьер-министре — как орган, параллельный правительству, но совещательный, инновационный, фактически — легализованное лобби российского предпринимательства. Ему также предоставляется время на телевидении.

Принимается ряд популистских мер: к примеру — предаются гласности факты коррупции в высших эшелонах власти, урезается до минимума зарплата депутатам, принимается особое распоряжение правительства по МВД, МБ, армии, касающееся государственной поддержки этих структур, помощи при передислокации, предоставлении льгот и т.п.

Было бы неплохо, если бы пресса перестала пугать людей полумифической «красно-коричневой» угрозой, а занялась высвечиванием теневых фигур, поисками новых лидеров, экспертов и специалистов, созданием идеологии «икс», способной консолидировать и мобилизовать нацию, задать ей вектор развития (такая идеология, между прочим, создается, однако прессу почему-то по-прежнему интересуют политики «старой генерации»: то Горбачев, то Хабдулатов).

Можно было бы назвать еще несколько десятков мероприятий, которые, на мой взгляд, являются сегодня куда более важными для будущего страны, российской экономики и демократии, чем бесконечные поездки по Америке и Европе с целью в очередной раз заверить наших друзей (зачем?), что «коммунистический идол больше в России не возродится» (ну и что?).

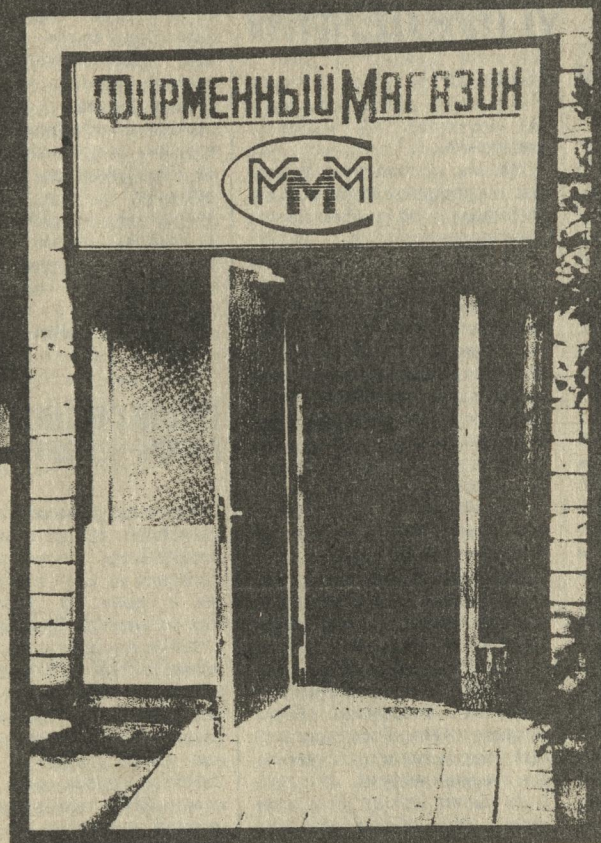
Цель всех этих мероприятий — решить, как минимум, две задачи:

— не дать растечься политизированной массе к полюсам — «красно-коричневому» и «бело-коричневому», а, наоборот, создать скрепы, наштамповать различными структурами (а главное — содержательной деятельностью) центр, сцементировать его;

— вернуть доверие к президенту со стороны властных органов, предотвратить структурирование недовольства в армии, аппарате и т.п.

Однако, увы, решать подобные задачи сегодня не только не с кем, но и некому, а посему мы снова возвращаемся к сценарию № 4.

У "МММ" НЕТ ПРОБЛЕМ !

НОВЫЙ
ФИРМЕННЫЙ
МАГАЗИН
"МММ"-
ОСТАНКИНО"
ПРИГЛАШАЕТ!

ГОСТЬ НА ПОРОГ - РАДОСТЬ В ДОМ.
ТОВАРЫ ОТ "МММ" - ЭТО НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ МНОГИХ,
МНОГОЕ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ !

**В РОЗНИЧНОЙ И ОПТОВОЙ ПРОДАЖЕ
НЕОГРАНИЧЕННЫЙ ВЫБОР ТОВАРОВ.**

От простого термоса за 173 рубля до великолепного телевизора за 47500 рублей;
от детской майки до модной утепленной куртки за 6390 рублей;
от изящного купальника до элегантного пальто на синтипоне за 7655 рублей;
СВЧ-печи, пылесосы, насосы погружные, мотоциклы "Восход" ...

Товары летнего ассортимента для отдыха производства Японии, США, Южной Кореи, Западной Европы.

Условия покупки для организаций и частных лиц - оптимальные:

- цены существенно ниже коммерческих
- без предоплаты
- по безналичному и наличному расчету / за наличные - на 8% дешевле/

ул. Ботаническая, 29, метро "ВДНХ", тролл. 73, 36 до ост. "Гостиница Останкино".

/095/ 111 00 65, 111 20 70

Для "МММ" - почтенный покупатель дороже денег !

ДЕНЕЖКА НИЧЬЯ НЕ ЩЕРБАТА !

УГЛУБЛЯТЬ «ПРОГРАММУ УГЛУБЛЕНИЯ»

(парламент своей работой доволен)

Несмотря на устойчивое дилетантское мнение непосвященных журналистов (см. фельетон... «И за ту девуку!» в этом номере), граждан, рядовых читателей, избирателей и телезрителей о том, что народные избранники не слишком вкалывают, количественные итоги работы наконец завершившейся IV сессии ВС России впечатляют. За 10 месяцев работы (самая длинная из всех сессий) принято 533 документа, в том числе 130 законов и 153 постановления. Эти цифры были обнародованы на итоговой пресс-конференции в «Белом доме», в которой участвовали заместитель председателя Верховного Совета Юрий Воронин и председатели палат ВС Николай Рябов и Рамазан Абдулатипов. Причем законы, по мнению Юрия Воронина, хорошие — например, о налогах: «Раньше-то у Российской Федерации вообще не было законодательной базы о налогообложении...»

Заместитель председателя назвал еще ряд позитивных результатов плодотворной деятельности парламента: ВС дважды пересмотрел минимальные размеры

зарплат и пенсий, приблизил к вводу в действие Закон о медицинском страховании, повысил роль Высшего экономического совета в процессе законотворчества. В качестве достижения парламента, как можно было понять со слов Юрия Воронина, следует считать и то, что правительство наконец-таки представило «Программу углубления экономических реформ»:

— Помните, 8 месяцев назад Гайдар говорил, что у нас слишком много программ, зачем нам, дескать, еще? Хватит, давайте работать и т.д. А потом, видимо, правильно понял, что программа все-таки нужна. Сейчас она представлена. И мы на Президиуме решили, что углублять надо именно эту программу.

На напоминание корреспондента «Столицы» о том, что Научный совет при председателе ВС, раздав поручения академиком, практически решил создать к осени новую программу, Юрий Воронин сказал: «Но в их программе многого же нет: ни внешнеэкономической деятельности, ни правовой основы реформы... И что же плохого, если это будет до-

работано?»

Возник, естественно, и вопрос о средствах массовой информации, об «Известиях». Участвовавшие в пресс-конференции председатели обеих палат вместе с заместителем спикера активно защищали позиции ВС, говоря о том, что «Известия» самовольно захватили чужую (союзную) собственность, пусть отдадут ее владельцу — Верховному Совету России — и выпускают свою газету как хотят...

— «Известия» ведут себя как диктаторы, — сказал Рамазан Абдулатипов. — И удивляться тут нечему.

Идет обыкновенное растаскивание государственной собственности, — заключил Юрий Воронин. — То же происходит и, например, с союзными Госбанком. Посмотрите: был Государственный банк, и вдруг он становится коммерческим, а при этом делят между учредителями. Это общее явление сейчас. И вопрос об «Известиях», как и о Госбанке, — это вопрос прежде всего не идеологический, а экономический.

Г.К.

когда-нибудь Конституционный Суд будет рассматривать дела, касающиеся нынешних партий и общественных движений, то в конвертах с грифами «сов.секретно» и «особая папка» он обнаружит во множестве сведения о том, что завладелось на каком-то складе и заводе, почему в Рязани водка, сколько тушенки дают за «Жигули»...

Илья РАСКИН

ГРУЗИЯ ОБЩАЕТСЯ С МИРОМ ЧЕРЕЗ МОСКВУ

Все чаще у российских потребителей средств массовой информации возникает подозрения (а CNN и ITN дважды в день их укрепляют), что события в России, рядом с ней и на достаточном удалении иногда не совсем так, как их подает отечественная пресса. Это вызывает их, налогоплательщиков, законное недовольство и беспокойство. Теперь еще и сами «части СНГ» то и дело возмущаются по поводу, как они говорят, несбалансированности информации. Отдельные прорывы не меняют кардинально картины, хотя и представляют важность как явление.

Моссовет пробует такой прорыв поощрять, сделавшись в очередной раз испытательным полигоном, на этот раз по донесению до общественности информации о ситуации в Грузии.

Сначала о своих впечатлениях от поездки в Грузию рассказали на пресс-конференции депутаты Моссовета, побывавшие там по приглашению сторонников конституционного строя (корреспондент «Столицы» был вместе с ними, его впечатления в прошлом номере). Результат: почти никто из присутствовавших не мог поверить в информацию о закрытии газет, репрессиях, арестах.

Через полторы недели приехали уже сами грузины: журналисты закрытых газет, представители Хельсинкской группы, депутаты ВС Грузии. Они привезли новые списки репрессированных, они просили одного: чтобы пресса об этом рассказала россиянам. Любопытно, что корреспондентка РИА, при-

МЫ ГОВОРим «БИЗНЕС» — ПОДРАЗУМЕВАЕМ «ПАРТИЯ»

(Об одной из причин межпартийных миграций)

По имеющимся сведениям, в последнее время несколько десятков членов Республи-

канской партии России покинули партийные ряды. Эти граждане вовсе не разоча-

ровались в политике как таковой и в партиях вообще, напротив, они подтвердили свою высокую политическую активность и сознательность тем, что тут же влились в другие ряды — ДПР Николая Травкина. Что заставляет людей совершать такие малопонятные для широкой публики телодвижения? Увы, в очередной раз выясняется, что мир не так прост, как нам кажется, а гораздо проще. Дело в том, что в ДПР создана компьютерная система связи с региональными отделениями, а в РПР такой системы нет. Ну и что же? — спросите вы. Эх, святая простота! Ведь компьютерам все равно, какую информацию обрабатывать. И эта система используется (кроме прочего, разумеется) для оперативного обмена региональной коммерческой информацией, что для бизнеса — большое подспорье. Так что если

Рис. А.Зайца

существовавшая на обеих встречах, каждый раз упорно спрашивала, почему нет представителей другой стороны, имея в виду Госсовет Грузии. Любознательность ее удовлетворим: другую сторону можно услышать в постпредстве Грузии на улице Палиашвили. Мы, например, это сделали и побывали на встрече с членами Госсовета, приехавшими устанавливать отношения с парламентом России. Естественно, их взгляд на ситуацию в республике совершенно иной.

Короче говоря, грузины едут в Москву за справедливостью. А говорят еще империя пала, центр исчез!

Александр КАСАТОВ

НА «СВОБОДЕ» — СВОБОДНЫЕ МЕСТА

На радио «Свобода» кадровые новости: ушли со своих постов В.Матусевич, возглавлявший русскую службу, и американец С.Е.Уинбуш, директор станции. Что это значит? Комментирует шеф московского корпункта «РС» Е.Г.КОЖЕВНИКОВА.

— Никакой подоплеки, в частности политической, в этом событии нет. Это здесь, в России, привыкли, что люди занимают руководящие посты всю жизнь, а на Западе смена руководства — обычное дело. На «Свободе», скажем, средний срок «руководящей» работы — четыре года, и в этом отношении Матусевич и Уинбуш побили рекорды, проработав дольше всех. Кстати, и тот и другой давно уже подумывали переходить (по семейным обстоятельствам) на другую работу.

— Кто теперь ваши руководители?

— Сейчас их обязанности выполняют заместители, но места вакантны, объявлен конкурс.

— Но все же, какие-то причины для смены руководства, наверное, есть? Скажем, можно предположить, что в условиях гласности, насыщенности информационного рынка внутри СНГ «Свободе» придется заново искать свое лицо, менять структуру

и содержание вещания?

— Нет, смена руководства с этим не связана. Хотя вы, конечно, правы — изменения в вещании давно назрели, и в сентябре вся структура наших передач будет пересмотрена от «а» до «я». Скажем, сводки последних новостей, которые раньше были так значимы, сейчас уже не столь важны — многое можно свободно узнать и здесь, но вот комментарии, анализ со стороны... Мне кажется, есть роль, которую мы здесь можем сыграть.

— Кстати, вот вы говорите: «анализ со стороны». Всегда ли вашим сотрудникам удается сохранить объективную позицию? Московские корреспонденты «РС» — это ведь «наши люди», они, очевидно, вовлечены в нашу жизнь, в какой-то мере ангажированы здешними страстями и интересами. Скажем, Марк Дейч публикует свои статьи и расследования в «Литературке», у нас в «Столице». Мы ему за это благодарны, но как на это смотрит руководство вашей радиостанции?

— Я думаю, если бы они не были ангажированы и вовлечены в процессы внутри страны, им было бы трудно эти процессы освещать. И, кроме того, ведь все наши корреспонденты — внештатные сотрудники, мы не можем как-то ограничивать их право публиковаться там, где они пожелают. Конечно, если при этом соблюдаются известные правила профессиональной этики.

— И наконец, что мы можем ждать от «РС» в будущем?

— Я надеюсь, новых интересных программ. Мне кажется, что у «РС» достаточно хороший фундамент для того, чтобы быть интересной и полезной станцией. Мы ведь живем в такие судьбоносные времена! Быть здесь журналистом и как-то способствовать этим процессам, чтобы реформы действительно шли, чтобы людям было лучше жить, чтобы эта страна, моя отчизна, занимала в мире то место, которое ей надлежит занимать, а не была бы бедным родственником... Я думаю, что радио «Свобода» и те люди, которых оно может привлечь к сотрудничеству, способны внести в это свой вклад.

Илья РАСКИН

Кто есть who?

ГВОЗДИ БЫ ДЕЛАТЬ ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ

Несмотря на то, что Лев Убожко считает, что печать в СНГ «идет вразрез с учением Маркса», мы с ним беседуем часто. Он звонит по воскресеньям и спрашивает, как дела. У него тоже все в порядке. А это значит, что он вернулся из очередной поездки по стране: из Новочеркаска, с Дальнего Востока, из Сибири. Там он обличал бюрократов и лжедемократов. Там он работал. Как мог — агитировал.

Воспользуемся «Краткой биографией Льва Убожко — кандидата в народные депутаты РСФСР». В ней сказано, что в МГИМО его не приняли, потому что отец у Льва Григорьевича генералом или работником обкома не был. А принял его в МИФИ.

Как пишет Убожко в другом документе — брошюре «Как я стал диссидентом», общественная жизнь вокруг него не затихала ни на минуту. Он был пропагандистом, редактором стенной газеты, командиром народной дружины, лектором-международником, внештатным инспектором ЦК профсоюза и снова лектором-международником, на сей раз общества «Знание» Тимирязевского района города Москвы, «добившись в течение полугода признания меня лучшим лектором этого района».

Вообще же биография Льва Григорьевича не столь необычна, сколь загадочна. «В 1965 году, — пишет Лев Убожко, — я получил высшее политическое образование и в этом же году поступил на второй курс юридического заочного института города Свердловска».

В январе 1970-го Льва Убожко обвинили в распространении антисоветской литературы и порочащих советскую власть заведомо ложных измышлений.

Попав в лагерь к уголовникам, Лев Григорьевич занялся — по старой своей лекторской привычке — пропагандой «восстановления ленинских норм партийной жизни». После его лекций заключенные «стали много раз-

мышлять и политически создавать». Руководство лагеря, естественно, вызвало психиатров, после чего пропагандиста перевели в специализированную психиатрическую больницу, где он должен был «лежать круглые сутки на кровати наподобие дебила».

Если верить медицинским документам, в августе 1972 года комиссия Института судебной психиатрии имени Сербского диагноз Убожко определила так — шизофрения параноидальной формы. Как сообщает сам Убожко, это «самый сложный диагноз, при котором у больного появляются галлюцинации и бредовые идеи».

В июне 1987 года Лев Григорьевич был освобожден и сразу же начал воплощать мечту о собственной политической партии в жизнь. 9 мая 1988 года он один из тех, кто создал Демократический союз, а потом откалывается в Демократическую партию. Нынешние политические воззрения Льва Убожко покоятся на двух «китах» — неприятии социализма и отрицании нынешних «псевдодемократических» российских властей.

Оно и понятно. Реабилитировали Убожко тоже советски.

В постановлении пленума Верховного суда СССР от 10 октября 1991 года прямо сказано: «Материалами дела не доказано распространение Убожко так называемой «Хроники текущих событий». Кому теперь нужна такая реабилитация?

Эдуард ДОРОЖКИН

Григорий КРОШИН

...И ЗА ТУ ДЕВКУ!

Куда, куда вы удалились?..

Вместо эпиграфа цитата из монолога Руслана Хасбулатова:

«...Продолжим работу. Очень мало людей. Куда делись слева сидящие все люди? Ну вот вы видели... вот здесь сидели, утром сидели, теперь куда они делись? На митинге, что ли?»...

Действительно, куда? Неужели все до единого — в туалет? И митингов в тот день вроде не было. Фантастика какая-то: были парламентарии и — нету. Сидели, полулежали, стояли у микрофонов, худо-бедно кнопки нажимали, дремали, листали газеты, зевали, вертели, что-то выкрикивали, смеялись невпопад, разгадывали кроссворд, шептались с соседом — в общем, были в наличии. А теперь, после первого получасового похода в буфет... Пустой зал, никакого тебе кворума. А сессия-то идет... Да еще эти телекамеры проклятые включены, знай себе в пустом зале пустующие кресла народных избранников норовят высветить: мол, вот как они тут работают, наши трудяги-депутаты!.. Да еще эти журналисты с балкона зыркают вниз, им-то вообще сверху видно все.

В том-то и дело, что видно. Каюсь, грешен: это именно я, периодический обитатель парламентского балкона, на вас, братцы-избранники, самому спикеру «накапал». Было дело.

Пригласил как-то председатель Хасбулатов к себе в кабинет нас, группу членов Гильдии парламентских журналистов, для теплой и неп-

ринужденной беседы. Ну, беседа состоялась, прошла она в уютной обстановке просторного кабинета, с чаем, кофе и печеньем. И несмотря на эту «халяву», на такое гостеприимство и радушие, я возьми да и совсем неблагодарно ляпни вслух:

— Руслан Имранович, хотелось бы одну больную для меня тему затронуть: как-то так получается, что иные аномальные традиции бывшего антидемократического союзного парламента, оказывается, в нашем с вами, наоборот демократическом, российском парламенте не только успешно внедряются, но и в еще более аномальном, даже уродливом виде. — Хозяин кабинета насторожился, вынул даже трубку изо рта, но меня уже не остановить: — Не считаете ли вы, что законы, принятые российским парламентом, таковыми, то есть принятыми, подчас вовсе не являются? Фикция, обман зрения.

— Не понял. Как это?

— А так: за них голосуют... пустые кресла.

В самом деле. Это явление уже известно всем, и не только депутатам, и не только журналистам, и не только российским. Иностранцы тоже смеются. Про подобную ситуацию откровенного постоянного обмана, даже, скорее, подлога, происходившего еще в союзном парламенте, мне уже приходилось писать в фельетоне «...И за того парня» («Столица» № 21, 1991): о том, как «длиннорукие» многостаночники-депутаты жали кнопки голосования не только за себя, но и «за того парня», за двоих-троих еще...

Ныне же могу на любом суде свидетельствовать о значительной переп-

лунутости этого бывшего союзного рекорда российским: например, член Верховного Совета РФ Расул Михайлов однажды на моих глазах единолично голосовал и за того парня, и за ту девку, и за другую, и за третьего, нажимая в своей работе аж за весь отсутствующий ряд, в креслах которого, между тем, были предусмотрительно оставлены красные карточки более чем десятка (!) манкировавших сессией избранных... Словом — МО-ЛО-ДЕЦ! ШАЙ-БУ!

И ведь эта добрая очковтирательская традиция отлаженно действует не только на совместных заседаниях палат, но и на отдельных. Как-то захожу на Совет Республики и слышу, как в микрофон председательствующий на заседании зам спикера палаты Виктор Жигулин со слезой в голосе умоляет редких избранных, видать, по ошибке заскочивших в зал:

— Уважаемые депутаты, обеспечьте кворум!.. Вот, хорошо, сейчас депутат Озерова обеспечит нам кворум...

Бегавшая в это время по пустым рядам взад-вперед депутат Озерова нервно вздрагивает, краснея и озираясь на телекамеру:

— Ой, ну зачем вы вслух-то? Здесь же корреспонденты...

— Да нет, — успокаивает ее председательствующий, — нашу палату телевидение не показывает, не беспокойтесь.

Кажется, успокоил. Депутат Озерова из последних сил, пока не погасло табло, успевает дотянуться до последнего пустующего кресла и нажать кнопку, обеспечивая-таки кворум... Уфф! Слава Богу! Проголосовали. Принято!..

Эти мои примеры, похоже, спикера озадачили, хотя виду он тогда, на той встрече, и не показал.

А на следующее же утро на совместном заседании палат вдруг ка-а-ак врежет в микрофон: что-то, уважаемые депутаты, мол, людей присутствует маловато, так, а ведь все депутаты, вот, зарплату вроде получают, так, не знаю, вот, как же нам, вот, дальше-то быть, так, вот, с вами, так...

С закрытыми ушами

Вместо эпиграфа опять цитата из монолога Руслана Хасбулатова:

«...Давайте проверим... небось, у каждого по десять карточек уже. Вчера ведь только что говорили. Ну, конечно, вот видите, пришли и с закрытыми глазами, и с закрытыми ушами... получили задание поддержать что-то, как

будто здесь сидят другие, которые не поддерживают, как манекены, вот выполнили свое дело и все».

Если по-русски и коротко, то суть проста: на табло сплошной обман. То есть мы-то, дураки, думаем, что наши избранники законы для нас принимают, вкальывают над ними в поте лица, получая за это хорошую зарплату, а они, оказывается, нас просто... надувают бессовестно. Не принимают ничего. И не вкальвают. Хотя, правда, зарплату — не будем возводить на них напраслину — исправно получают. Этого у них не отнимешь. Уже пробо-вали... Дудки!

А потом, что ж удивляться, когда скверные, сырые, непродуманные законы считаются вполне хорошими, сухими и продуманными, то есть принятыми и вступившими в законную силу, когда ужасные, подчас реакционные решения и постановления — одобренными, а позарез необходимые — проваленными... Особенно обидно, когда решения, весьма нужные демократам, оказываются проваленными... теми же самыми демократами. И вовсе не потому, что эти демократы не дошли до сути, а потому, что они в нужный момент просто не дошли... до зала заседаний. Именно тогда, когда в них ощущается острая необходимость, их нет как нет в зале. Но при этом, как назло, за них, чересчур честных, никто из коллег кнопки не нажимает... Так случилось, к примеру, когда Лев Пономарев предложил включить в повестку дня сессии насущнейший вопрос о надвигающейся фашистской угрозе. И что же? А ничего. Благополучно провалили. Нет, большинство-то вопрос набрал, но для принятия решения не хватило всего нескольких голосов. Чьих? А как раз их, почему-то отсутствовавших — Д.Волгонова и А.Любимова, В.Степанкова и С.Шахрая, В.Варова и В.Жигулина, Б.Золотухина и С.Ковалева, Е.Кожокина и С.Степашина и др.

А присутствовавшие лично или нажимавшие кнопки «за того парня» и «за ту девку» «манекены выполнили свое дело»... Принято!

Регламент, Григорий!

Вместо еще одного эпитафия снова цитата из монолога Руслана Хасбулатова:

«...Давайте мы вот что сделаем. За три неявки, неучастие в работе Верховного Совета налагать соответствующие денежные санкции — вычет заработной платы... Прошу голосовать. Вне-сем в соответствующий регламент... Отклоняется. Не хотите, значит, работать»...

Фото ИТАР—ТАСС

Кому ж охота. Стоило поставить спикеру этот вопрос ребром — о лишении избранников зарплаты, — поднаторевшие в законотворчестве депутаты мгновенно возбудили вопрос о регламенте, о волонтеризме, даже об авторитаризме председателя парламента. Ишь ты, на самое наше святое замахнулся! Да при этом еще — наглость какая! — посмел сравнить нас, самых что ни на есть Народных Заступников, с обычными служащими обыкновенного предприятия?! Мол, там ходят на работу регулярно, вкальывают от и до, и здесь, видите ли, так же надо... Это ж надо такое вымолвить на всю республику: «Каждый член Верховного Совета обязан работать»? Не-ет, это, конечно, ни в какие ворота не лезет! Как будто нас для того сюда избирали всем народом, чтобы мы здесь работали. Абсурд!

Вот в этом месте депутат Геннадий Горелов и не выдержал:

— У нас же не предприятие! — гневно бросил он от микрофона в лицо спикеру. — У нас коллегиально работающий орган!

Но — не на того спикера напал:

— Нет, у нас предприятие, со своими законами, со своей иерархией, — прочел профессор Хасбулатов популярную лекцию депутату. — У нас предприятие, у нас организация!

Да тут еще известный полемист депутат Владимир Варов не мог не высказать, апеллируя к руководителю регламентной группы Г.Дорофееву:

— Регламент, Григорий!

На что спикер попросил его не шантажировать. Тоже хороший довод в

споре.

...В общем, непримиримая борьба депутатов со спикером парламента за сохранение собственной зарплаты продолжается. Кто из них прбедит, покажет время. Жаль только при всем при этом, что никто из нас с вами, читатель, не победит, это уж точно. Похоже, мы все пока что стремительно проигрываем.

Что же нам остается? Разве что в последний раз привести цитату из монолога чуть прозревшего Руслана Хасбулатова:

«...Мне сообщили, что в зале 110 человек. Со всеми народными депутатами (для справки: кворум только членов ВС равняется 168 чел. — Гр.Кр)... Вы законы уважаете? Не уважаете те законы, которые принимаете! Какие решения могут считаться принятыми, что за решения, что это за законы?»

Наверно, впервые стопроцентно и единогласно соглашусь с Русланом Имрановичем. Действительно: ЧТО ЭТО ЗА ЗАКОНЫ?

Вот в чем вопрос.

Фирма
«МАРЖ»

тел. 444-31-46

Реставрация старых дач.
Замена венцов и фундамента.
Поставка стройматериалов.
Токсикологический и
радиационный анализ почвы и
воды.

Александр АГЕЕВ

ЖИДКИЙ СУП И МЕЛКИЙ ЖЕМЧУГ

Итак, жили-были три приятеля, три инженера — Иванов, Петров и Сидоров. Работали на одном заводе, женились на подругах, произвели детей и квартиры получили в одном подъезде. Долго ли, коротко ли, а социализм сменился капитализмом. Иванов стал главой малого предприятия, Петров — начальником цеха все на том же заводе, а Сидоров попал в авткатастрофу и получил инвалидность первой группы. Теперь у детей Иванова на десерт ананас, у детей Петрова — мандарин, а дети Сидорова довольствуются чаем без сахара. Спрашивается: остались ли Иванов, Петров и Сидоров друзьями?

Фотоколлаж А.Зайца

Я лично не готов к ответу однозначному и категорическому, который, конечно же, напрашивается. Здесь великое множество всевозможных «если»...

Например, вполне возможно, что Иванов относится к своему (честно заработанному, разумеется!) богатству с юмором и не задирает носа перед соседями, Петров радуется коммерческому успеху товарища и, проходя грязным осенним вечером мимо его «Мерседеса», не испытывает отрицательных эмоций; ну а Сидоров — тот вообще человек ангельского характера, истинно по-христиански примирившийся со своей бедой и даже детям сумевший внушить высокий смысл пустого чая. Тогда проблемы нет.

Но не смахивает ли это на сюжет пасхальной открытки или святочного рассказа? На продукт капиталистического «соцреализма»? А если Иванов, Петров и Сидоров никогда не были приятелями, даже враждовали?

Увы и увы, но гораздо вероятнее, что Иванов зазнался, Петров жестоко комплексует, а дети Сидорова бьют детей Иванова и царапают гвоздями лакированные крылья «Мерседеса»... В общем подъезде копится и копится напряжение, которое рано или поздно разрядится, если... Если что?..

Последние коммунистические сны рассеиваются. И самым последним рассеивается самый сладкий — о «равенстве» и «социальной справедливости».

Проблемы будут у всех, но это будут разные проблемы. У одних будет суп жидок, а у других — жемчуг мелок. И этот факт — почти уже свершившийся — пока что с большим трудом помещается в сознании.

Однако что же, при социализме разве не было неравенства? Было, и еще какое! Но это было другое неравенство. Оно было организовано, и организовано так, что миллионы людей проживали жизнь, ни разу по-настоящему его не почувствовав. Социалистические Иванов, Петров и Сидоров никогда не жили в одном подъезде, как приходится теперь их однофамильцам переходного к капитализму периода. Социалистическое неравенство измерялось не столько объемом кошелка, сколько количеством власти. А среди нормальных людей гораздо меньше считающих себя призванными к власти, нежели считающих себя достойными материального благополучия. Приобщившийся к власти как бы уходил в особый, дьяволу посвященный монастырь, становился «не от мира сего». Никаких болезненных струн в душе нормального и здорового человека это не задевало, тем более что его тщательно оберегали от лишних впечатлений.

Зато возвращение — вместе с капитализмом — неравенства на уровне кошелка и желудка будет переживаться гражданами мучительно и долго. Никаких защитных психологических механизмов у бывшего советского человека на этот случай не припасено. А ситуация наша, если уж на то пошло, потенциально гораздо более конфликтна, нежели та, что взорвала Россию в 1917-м. Российское сословное государство складывалось веками, перегородки между сословиями и социальными группами были освящены историей и традицией, и еще перед самой революцией можно было встретить миллионера в поддевке, ломающего шапку перед своим бывшим хозяином — обедневшим помещиком в гордой, хотя и засаленной дворянской фуражке. Неравенство было не просто закреплено законом, оно было нормой, привычкой, постоянно формирующей элементарное бытовое поведение. И все же, когда реформы и война поставили помещика, купца, крестьянина и рабочего лицом к лицу, они не смогли сдержать взаимного страха и взаимной ненависти...

Бывший советский человек, напротив, вспоен и вскормлен на идее равенства, причем тотального, когда равенство гражданских прав отождествлено с равенством доходов. На уравнилельный принцип, как краеугольный камень, до сих пор опирается вся реальная жизнь — от жилищной политики до организации здравоохранения и образования. По всей стране у всех все было почти одинаковое — квартиры, мебель, одежда, машины, еда... Вырваться за уровень, вычисленный и заданный государством, можно было только в криминальном порядке. Гармония наблюдалась почти космическая...

Неизбежно упрощая, я бы сказал, что есть два варианта справедливости — идеальный (небесный) и реальный (земной). Первый на земле, по определению, недостижим, ибо это не что иное, как Царство Божье. Что же касается второго варианта справедливости, то он существует и совершенствуется человечеством десятки тысяч лет и называется право.

Особенность нашего человека в том, что он два этих варианта катастрофически смешивает. Он хочет, чтобы право было справедливо — в том, высшем смысле, чтобы земная жизнь управлялась по небесным законам. Но поскольку реальное право явно не дотягивает до высшей справедливости, оно всегда под сомнением, то есть — в условиях нашей страны — либо вообще не соблюдается, либо соблюдается формально. Это значит, что в душе царят сумятица и хаос. Рождаются в душе весьма возвышенные,

но глуповатые вопросы, например, справедлива или несправедлива частная собственность? Справедливо или несправедливо, что человек, производящий товар, получает меньше, чем человек, торгующий этим товаром? Справедливо ли, что некто побегал, посутился, сделал пару-тройку телефонных звонков и заработал миллион, а большинство гнет спину по восемь часов в день и получает гроши?

Предположим даже, что сегодня люди, несколько «распропагандированные» прессой и телевидением, пожалуй, признают справедливость миллионной прибыли биржевика. Но спросите их же: справедливо ли, что сын миллионера — растленный тип, лентяй и мот, получит отцовское состояние в наследство, не ударив и пальцем о палец? Тут абсолютное большинство вскричит: «Нет! Несправедливо!», опять смешав «небесное» и «земное». Да и я скажу — «несправедливо», но по праву.

Словом, весь этот длинный и банальный разговор о справедливости я затеял для того, чтобы собраться с духом и как можно более уверенно произнести: неравенство справедливо. Увы...

На небо мы, ежели будем жить по-человечески, во благоверении попадем, что не снимает с нас ответственности за устройство здешней жизни.

Чем в нынешних условиях мы можем помочь себе и друг другу, как нужно действовать, чтобы растущее напряжение между «новыми богатыми» и «новыми бедными» не разрядилось погромом, то есть очередной многолетней паузой в развитии?

Наша «свободная пресса», по моим наблюдениям, прежде всего польстилась на свободу от читателя и реальности и сеет либо панику («все неправильно!», «мафия!», «нищета!», «голод!», «социальный взрыв!», «цены! цены! цены! цены!»), либо неумеренные надежды на близкое экономическое чудо. Одни газеты зовут назад, в благословенные времена дешевизны и разворачивания. Продовольственной программы, другие вперед — к всероссийскому «дьюти фри».

Вся эта перманентная истерика и тщеславная суета сбивает обывателя с толку, он не знает, что ему делать и кому верить.

Я думаю, что прежде всего нужно опомниться и взять себя в руки. Опомившись — оглядеться и попробовать понять, что в нынешней ситуации ненормально и временно, а что — разумно и навсегда. Если мы «идем правильным путем», то обнищание людей с руками-ногами, с головой и профессией — ненормально, следовательно — временно. При капитализме (даже не очень развитом) врач, инженер, адвокат, квалифицированный рабочий, университетский профессор и школьный

учитель отнюдь не бедствуют. Если, конечно, их знания и умения соответствуют их дипломам. Впрочем, и сейчас у нас бедствуют только те из них, кто остается на государственной службе, а бедность нашего государства — явление относительное и, надо думать, временное. Люди при любых условиях будут рождаться, болеть, учиться и судиться, и молодежь, обходящая ныне соответствующие институты и факультеты за версту, еще, может быть, пожалует об этом, потому что даже такой огромной стране, как наша, не требуется пятьдесят миллионов предпринимателей.

Для людей, имеющих достойную, социально необходимую профессию, самое главное в смутные времена — не сломаться духовно, не сосредоточиться на своем жидком супе, не впасть в самопрезрение, сравнивая свои доходы с доходами, скажем, уличного коробейника. Завтра торговля вернется в магазины, и коробейнику придется искать другую работу — магазинов на всех, промысляющих ныне мелкой коммерцией, явно не хватит.

С другой стороны, каждому нужно трезво оценить себя, потому что лучше быть хорошим коробейником, чем плохим инженером. Во всяком деле встречаются случайные люди, однако при социализме, с его фантастической шкалой «престижных» и «непрестижных» профессий, процент случайных людей был непомерно высок. Вот этим, оказавшимся не на месте, придется по-настоящему несладко. Молодые еще в силах «переменить участь», и пусть поторопятся это сделать, но как быть пожилым и деморализованным? Можно, конечно, ответить на их жалобы: «и поделом!» (и даже в самом «высшем» смысле их нынешний крах «справедлив»), но общество и государство не имеют права от них отворачиваться. Когда они выбирали себе поприще, их выбор не был свободен — на него влияло тогдашнее состояние общества и государства. Судьба этих людей — долг, который надо честно признать, не прикрываясь демагогией о «справедливом воздаянии». Страна, проигравшая неправедную войну и даже сменившая после этого политический строй, не имеет права оставить без пенсии ветеранов своей разбитой армии.

Рано или поздно жизнь в нашей стране наладится.

Однако ничто и нигде не устраивается само собой, по щучьему велению и в одночасье. Основы будущего общественного порядка должны закладываться уже сейчас. И если неравенство неизбежно, надо начинать учиться жить при нем. Учиться и «богатым» и «бедным». Учиться использовать его достоинства и нейтрализовать его недостатки.

Для того чтобы научиться жить в условиях неравенства, надо соблюдать прави-

ла своеобразной социальной «психогигиены». Эти правила — существенная часть общечеловеческой культуры. Справедливости ради следует сказать, что «прогрессивная пресса» начинает нас к ним приобщать. Но как примитивно, неуклюже, бестактно это подчас делается! Богатому говорят: «не кичись!», а еще чаще, и с другой интонацией, — «жертвуй!», «делись!», «выручай!», и после этого: «откуда деньжонки?». Бедному советуют: «не завидуй!», но бывает: «смирись!», а то и «встань в очередь!». В результате те и другие совершают, мягко говоря, малодостойные поступки.

В самом деле, у нас нет многого необходимого. Например, того, что я для себя называю «инфраструктура неравенства».

Я не готов дать здесь развернутое определение этого понятия, но, в сущности, это очень просто. Всякий, кто бывал на Западе, прекрасно знает, что примерно равные по качеству вещи можно там купить — в разных, разумеется, магазинах — по ценам, различающимся иногда в десятки раз. Богатые покупают дорого, средние и бедные — дешево, причем богатым не приходит в голову схитрить и «отовариться» в супермаркете — это неприлично. В результате только наметанным глазом можно отличить бедного от богатого в нью-йоркской, скажем, толпе.

Сколько я себя помню, у нас все рестораны были одинаково дорогие, почему и ходил туда советский человек не обедать, а «гулять», «обмывать» и «снимать»... Между тем рестораны могут быть дешевые, недорогие, семейные, приличные, богатые, роскошные, ночные и т.д.

То же самое можно рассказать о западных квартирах, домах, городских районах, курортах, больницах, школах, университетах, авиакомпаниях, бюро путешествий, гостиницах и много еще о чем. Ни один социальный слой не обделен — у каждого есть свой «джентльменский набор» благ, услуг и радостей, необходимый для полноценной жизни. Человеку не говорят «нет», если у него мало денег, — ему объясняют, где он может получить желаемое и за те деньги, что у него есть. А то и бесплатно — если речь идет уже о куске хлеба и о крыше над головой.

А как развивается ситуация у нас? Все вновь открывающиеся у нас магазины рассчитаны на богатых (хотя и торгуют они несусветной дрянью, нахватанной на сомнительных барахолках всего мира). Все вновь открывающиеся у нас кафе и рестораны ждут к себе богатых или иностранцев (хотя готовят в них скверно). Все новые развлечения, появившиеся в последние два-три года, рассчитаны на легкие, шальные деньги (причем все эти казино, игорные дома, варьете и пр. опасны для жизни — там стреляют и, случается, убивают). И нельзя сказать, что от предпринимателей в этой гонке отстают наше родное государство — с недавних пор любые поездки за границу — толь-

ко для богатых; все гостиницы для них же и так далее. Потихоньку разворачивается долгожданный рынок квартир, и можно уже догадаться, какой это будет рынок, если все пойдет так, как идет сейчас. Совершенно верно — это будет рынок для богатых, причем дорого будет стоить любая квартира в большом городе.

Что должен рано или поздно почувствовать — и уже чувствует — обыкновенный человек, наблюдающий все это? Только одно: он — лишний в своей стране, его проблемы никого не заботят. Любой киоск, любая витрина любезно сообщают ему: «Ты — голодранец! Ступай себе мимо!»

Не думаю, что этаким «пир во время чумы» будет шуметь на наших просторах долго. Не знаю только, что случится раньше: сокровища новых богачей «экспроприрует» доведенная до отчаяния, отесненная от всего «голытьба», или эта диковинная «экономика», рассчитанная на быстрый «хапок» и на удовлетворение потребностей богатых, разорится сама? Сами-то наши «богатые», по всей видимости, больше готовы к первому варианту (недаром перебираются сами и перевозят семьи за кордон), нежели ко второму.

Почему вообще «экономическое мышление» в нашей стране непременно протекает в русле «мало, но дорого», хотя есть не менее выгодный вариант: «дешево, но много»? Почему почти весь наш бизнес согласен крутиться, только имея в виду получить прибыль в 500, 300, 200, в крайнем случае 100 процентов? Ни одному западному предпринимателю такие проценты и не снились. Ни в одной нормальной стране этого просто не может быть, а страна, где такое реально, — не страна вовсе, а паровой котел без клапана.

Словом, между «богатыми» и «бедными» идет тихая, необъявленная, изнурительная война, в результате которой жемчуг все мельче, но и суп все жиже...

И я понимаю, конечно, что решать на фоне военных действий все те проблемы, о которых говорится в моей статье, — примерно то же самое, что рассуждать о совершенствовании виноградарства в Нагорном Карабахе.

Но я надеюсь все-таки, что эта война, как и все войны, — не навсегда. Когда-нибудь воюющие поймут — чем гуще суп у одних, тем крупнее жемчуг у других, и уж тогда разговор пойдет на ином, практическом уровне. И чем скорее это произойдет, тем лучше.

АКОП АКОПЯН

ЭХО КАРАБАХА В ПАРЛАМЕНТЕ АРМЕНИИ

Когда президент Армении Левон Тер-Петросян с парламентской трибуны трижды сказал: «Всем быть у телевизоров в восемь вечера» — я, как и почти четыре миллиона моих соотечественников, в ожидании телеобращения к народу несколько часов терзался в догадках: может, президент решил все-таки признать Нагорно-Карабахскую республику? А может, он устал бороться за возрождение независимой Армении, которая, оказавшись под обломками коммунистической империи, сегодня котируется на уровне среднеафриканской страны, и решил заявить об уходе в отставку? Или, наконец, вводится печатающаяся где-то за рубежом национальная валюта — армянский «драм», и вскоре наша экономика выберется из предсмертного коллапса? И страна сможет по-настоящему помочь сотням тысяч бездомных в зоне страшного землетрясения 7 декабря 1988 года, а еще — сотням тысяч беженцев из Азербайджана, из Карабаха?

Но все прогнозы оказались пусты: после полуторачасового выступления президента стало ясно, что у нынешних властей Армении с конца июня к давнишним внешним врагам прибавились не менее опасные внутренние в лице оппозиции. А еще конкретнее — в лице старейшей партии «Дашнакцутюн», которая популярна сегодня не только во всех зарубежных армянских диаспорах, но и в самой Армении, и в Нагорном Карабахе.

О чем же говорил Тер-Петросян в тот жаркий вечер, 29 июня в прямом телеэфире? Кстати, ему самому стало настолько жарко (во всех смыслах), что на глазах телезрителей, предварительно попросив у них разрешения, президент республики сначала снял пиджак, затем закатал рукава сорочки... В середине, повторяю, прямого телеобращения к нации, когда приводились убийственные аргументы против дашнаков, на экранах телевизоров задержалась из-за технических помех «картинка» (позже местные острословы высказывали догадку о захвате телестудии возмущенными дашнаками) и диктор Ереванского ТВ, извинившись, сказал, что выступление президента будет повторено через час.

Главными аргументами Тер-Петросяна были обвинения дашнакской оппозиции в сотрудничестве с бывшим КГБ бывшего СССР. Армянский

вариант «КГБгейта» выглядит следующим образом. На основе полученных из-за рубежа писем пяти бывших дашнаков президент предъявил руководителю афинского бюро «Дашнакцутюн» Грайру Марухяну три обвинительных пункта:

1. Сотрудничество с советским КГБ и последовательная реализация его программ, направленных на подавление национально-освободительной борьбы и движения за независимость.

2. Развал структур «Дашнакцутюн», которые могли сыграть огромную роль и в решении проблемы Нагорного Карабаха, и в деле укрепления армянской государственности.

3. Втягивание Армении в гибельную войну со всеми ее соседями, чтобы в результате реализовать свою «идею фикс» — завладеть властью в Армении.

Спустя пять дней после заявления президента экс-председатель республиканского КГБ (с 1978 по 1988 год) генерал-лейтенант и почетный чекист (в Армении «лауреатов» этого высшего знака КГБ СССР можно пересчитать по пальцам одной руки) Мариус Юзбашян со страниц парламентского официоза «Республика Армения» проиллюстрировал слова Тер-Петросяна конкретными и, в принципе, сенсационными фактами. В частности, выяснилось, что чекистам Армении — полпредам

бывшей империи в республике — всегда была нужна секретная информация. И в этом смысле дашнакское руководство представляло для них оперативный интерес. Контакты с ними происходили не только в Армении и Москве, но и в Женеве, Бейруте. Об этом был подробно информирован Центр в лице Владимира Крючкова (тогда еще заместителя главы КГБ СССР и одновременно руководителя советской разведки). Не без габистского прикрытия «идеологический противник» Г.Марухян со товарищи, не скрывая своих фамилий, жили и в Москве, и в Ереване на спецдачах, куда вход посторонним, естественно, запрещен.

О чем же шла речь на секретных randevу полпредов двух заклятых враждебных организаций? Участник этих встреч, бывший начальник первого отдела КГБ Армении полковник Рудольф Григорян дополняет своего бывшего шефа: «В ответ на наши предложения сбавить антисоветскую пропаганду дашнаки, в свою очередь, просили сбавить и антидашнакскую, чтобы не дискредитировать эту партию в глазах зарубежных армян... То, чего не может сделать дипломатия, делают «органы» и разведка — в этом специфика нашей работы. Мы исходили из того, что (к сожалению, не всегда с поощрения Центра) нам нужна информация о Турции — подробная секретная информация и, естест-

Президент Армении Левон Тер-Петросян

венно, достоверная, лучше — в документах. Возможностями же дашнаки за рубежом обладали большими, вплоть до связей в высших сферах США, Греции, Ливана и в самой Турции... Мы могли использовать их потенциал в получении экономической и научно-технической информации — доступ ко всему этому у них очень большой. Это нужно было, чтобы дать толчок научно-техническому развитию в республике...»

Юзбашян и Григорян утверждают, что скрыть свою тайную связь с КГБ дашнаки никак не смогут. Имеется еще, как минимум, дюжина человек — участников этих замечательно замаскированных операций, не считая водителей, официантов, обслуживающего персонала на «спецобъектах», а это, как правило, офицеры КГБ. И что любопытно: из Центра в Ереван ничего не сообщали о многих своих тайных встречах с руководителями дашнакской партии. Бывшие чекисты высказывают теперь предположение, что Москву больше устраивали у власти (после падения коммунистов) дашнаки, как люди более лояльные, чем лидеры, пришедшие на волне карабахского движения.

Что еще можно было бы причислить к сенсациям телевизионной июньской речи президента? Оказывается, депутаты армянского парламента от «Дашнакцутюн» (по подсчетам Тер-Петросяна, их десять чело-

век) получают ежемесячно на руки 300 долларов, а новобранцы этой партии также не остаются в обиде, хотя имеют «зеленых» на пропитание ровно в 10 раз меньше. Однако все эти аргументы руководителя Армении были, как мне кажется, фоном для главной цели Левона Тер-Петросяна, о которой попытаемся сказать чуть позже.

Итак, глава государства выступил. На следующий день газета «Республика Армения» поместила рисунок чемодана-кейса, а внутри него — президентский указ о выдворении в течение ближайших 48 часов гражданина Греции Марухяна, который, таким образом, стал «персона нон грата» не только в Турции, но и в Армении. Перед отлетом за границу он сожалел о случившемся и напомнил о печальных методах сталинщины 30-х годов. Отвечая на вопрос о том, намерен ли он подавать в суд, как ему публично предложил Л.Тер-Петросян, опальный дашнак потребовал передать огласке все документы, имеющиеся в распоряжении президента Армении, предполагая фальсификацию изложенных им фактов. А насчет иска Марухян собирается проконсультироваться с западными юристами, ибо даже в самых демократических странах не принято, чтобы кто-то требовал от кого-то подать на него в суд, как это сделал президент.

На следующий же день по Еревану стремительно распространились слухи о возвращении суда вооруженных отрядов дашнаков, сражающихся в Нагорном Карабахе (по словам Тер-Петросяна, их всего 100 человек). Видимо, стало попахивать «грузинским сценарием» смещения законных властей, коль в фойе зданий местного правительства, ряда министерств и телерадиокомитета появились усиленные наряды спецназа МВД Армении. Слухи о передислокации бойцов-дашнаков, слава Богу, остались слухами. Хотя они успели дойти до радиослушателей и телезрителей России, нарушив их представления о политической стабильности в независимой Армении, где у власти находятся отнюдь не перелицованные коммунисты «эпохи Горбачева».

Тогда все ограничилось 40-тысячным митингом на Театральной площади (именно здесь когда-то начинал путь к вершинам власти комитет «Карабах» во главе с Л.Тер-Петросяном). Митинг создали дашнаки и еще семь оппозиционных партий, накануне объединившиеся в парламентский блок «Национальный союз». А несколько десятков сторонников дашнаков устроили перед входом в парламента обструкцию некоторым депута-

там, представляющим Армянское общенациональное движение (АОД), лидером которого неофициально считается президент республики. Вот и все.

Однако в последующие дни дашнаки предприняли более решительные шаги. В гостинице «Эребуни», что напротив резиденции правительства, партия провела, по сути, свой 25-й съезд с участием зарубежных делегатов. Впрочем, дашнаки, как и их единомышленники в рядах остальных оппозиционных партий, благоразумно решили оппонировать нынешним властям исключительно мирными средствами. Конечно, это немного успокоило жителей республики, но только временно, ибо позиции противоборствующих сторон остались непримиримыми и вопрос стоит ребром: «Кто кого?».

Находящийся в Ереване директор Института армянских проблем (Мюнхен) и глава армянской редакции радиостанции «Свобода» Эдуард Оганесян объявил во время встречи с журналистами, что три месяца назад представители одного австрийского информационного агентства показали ему несколько документов, говорящих о связи Левона Тер-Петросяна с КГБ вплоть до 1988 года. «Но я, — заявил бывший диссидент, — не стал верить этим документам, так как в подлинности их не был уверен, и поэтому убедил этих людей ни в коем случае их не обнародовать. Сегодня же не исключено, что какая-то из многочисленных дашнакских газет опубликует вышеупомянутые документы по принципу «каков привет, таков и ответ».

Однако все в Армении смутил следующий пассаж того же Э.Оганесяна: «Положим, что «Дашнакцутюн» сотрудничала с КГБ. Ну и что? Хорошо делала. Кому какое дело? Это революционная партия, и она может сотрудничать не только с КГБ, но и самим Сатаной, если это сотрудничество на пользу армянскому народу. Или вот другое обвинение: будто дашнаки получают какие-то денежные суммы. Не получают. Но даже если и получают, кому какое дело, что мы имеем больше денег? Дадим каждому 10 тысяч, и президент должен только радоваться, что люди его страны получают деньги...»

Словом, президентская речь не только «подарила» малоизвестному Марухяну «ельцинскую» репутацию гонимого властями, но, самое главное, — общество стало стремительно раскалываться на сторонников президента и его противников. Сегодня за полупустым семейным столом, в переполненном городском транспорте, в очередях за

хлебом все допытываются друг у друга относительно политических симпатий и антипатий. Случаются уже и курьезы: в Армении теперь даже на матчах футбольных команд, которых внезапно развелось ровно столько, сколько партийных касс и штаб-квартир (чуть ли не две дюжины), зрители идут согласно политическим, а не спортивным пристрастиям. Словно красиво забитый мяч тождествен разоблачительной речуге на многочисленном митинге или в парламенте.

Если бы межпартийные распри ограничивались коридорами власти Армении и местами публичных ристалищ, вряд ли я взялся бы за статью. Но эта «зараза» со скоростью иных эпидемий проникла на карабахские фронты, в приграничные отряды самообороны республики. И получает теперь продолжение в тыловом, продовольственном, даже медицинском и боевом обеспечении армянских бойцов, которых пытаются разделить по «партийной принадлежности».

Почему же этот взрыв страстей произошел в данный момент, не раньше и не позже? Еще полгода назад, помнится, на четвертом съезде АОД Тер-Петросян призвал своих однопартийцев быть особо лояльными к традиционным партиям на политической арене республики и прежде всего — к «Дашнакцутюн». И позже он неоднократно встречался с Марухяном, обсуждая вопрос о создании коалиционного правительства. Неужели компромат на дашнаков собирался в расчете, что рано или поздно они начнут претендовать на власть?

Как бы то ни было, «карабахская карта» вернулась бумерангом в Ереван из НКР, где «Дашнакцутюн» имеет наибольшее влияние и в парламенте, и на фронтах. Неустойчивое равновесие сложилось и в армянском парламенте, где силы, поддерживающие президента, уже составляют явное меньшинство. Спрашивается: куда же делись те члены комитета «Карабах» и их единомышленники по АОД, обеспечившие избрание Левона Тер-Петросяна на пост сначала главы ВС Армении, а позже и всего государства? Значит, все-таки были и есть у властей ошибки, промахи как во внутренней, так и во внешней политике? Тогда об этом надо говорить столь же громко, как и разоблачая своих внутренних врагов. Ведь все эти дрязги разносятся за пределы Армении, их слышат все. И, видимо, не случайно наступление азербайджанской национальной армии в Карабахе приняло столь широкомасштабный характер. Словом, самый неподходящий момент выбран для выяснения отношений между властями и оппозици-

ей Армении. Не благоразумнее ли было вести дискуссии, совместно искать истину в подходах по той же карабахской проблеме? А подходов сегодня два. Один из них — признание принципа самоопределения Нагорного Карабаха, независимости НКР и последующее заключение военно-политического договора между ней и Арменией. Эту концепцию защищают 7 из 8 представленных в армянском парламенте партий. Другой подход — это концепция АОД и самого президента, считающего, что попытки насильственного решения карабахского вопроса ведут к конфронтации и войне уже не только Армении, НКР и Азербайджана, а многих держав, имеющих в данном регионе особые стратегические интересы.

Сегодня оппозиция вместе с карабахцами объявила, что никогда не согласится на «культурную автономию» Нагорного Карабаха в составе Азербайджана, куда их «вгоняют» дипломаты из СБСЕ и ООН. А нынешние власти, учитывая расклад сил, остановились на «нулевом» варианте решения карабахской проблемы, на возврате к статус-кво, который был до начала событий в 1988 году. Поэтому оппозиция спрашивает бывших членов комитета «Карабах»: куда же вы звали народ на своих митингах, чего требовали от прежних коммунистических властей, зачем добивались принятия (не отмененного, кстати) постановления ВС Армении от 1 декабря 1989 года о «бумажном» присоединении Карабаха к Армении? Как сегодня утешить родителей, потерявших своих детей на карабахских фронтах? Что отвечать беженцам? (А ведь и стресс после землетрясения 1988 года у людей отнюдь не прошел.) И, как справедливо предупредил спикер армянского парламента Бабкен Аракчян, карабахская проблема может иметь еще один вариант своего разрешения, когда в конце концов «в составе какого-то государства Армения будет иметь культурную или административно-территориальную автономию».

Где же выход из нынешнего политического кризиса в Армении? Самый демократичный вариант, на мой взгляд, предложил сам президент республики: предоставить ему конституционное право, в случае острого политического кризиса, распустить с помощью референдума парламент... А в случае отрицательного результата этого референдума, то есть если народ будет против роспуска парламента, президент автоматически уходит со своего поста. Либо наоборот: парламент — также с помощью референдума — может требовать отставки президента. В случае

если народ не согласится с требованием парламента, последний распускается и президент объявляет новые выборы.

С такой законодательной инициативой Левон Тер-Петросян выступал дважды, однако ВС Армении никак не отреагировал на нее. Может, депутаты недостаточно смелы, не уверены в своих силах и поддержке избирателей? Идя по ельцинскому пути выяснения отношений со строптивым парламентом, Левон Тер-Петросян высказал готовность создать инициативную группу для сбора 200 тысяч подписей, необходимых для проведения референдума. Ибо, как бы ни понизился его рейтинг в результате последних распрей, пока 59,1 процента голосов ему обеспечены — об этом свидетельствуют и результаты социологических опросов. Думаю, не ошибусь, если скажу, что Армения переживает наиболее драматичный момент за последние 70 лет. Если нынешнее государство действительно демократическое, то противостояние между властями и оппозицией должно войти в цивилизованное русло. Для этого всем политикам необходимо все-таки верить высшему лицу Армении — президенту. Сегодня Левон Тер-Петросян, хочет этого оппозиция или нет, — явный лидер армянской нации, армянского народа. Хотя «карабахский бумеранг» и может оказаться решающим в раскладе противоборствующих сил.

P.S. Когда эта статья уже была передана в редакцию, случилось то, чего следовало ожидать: оппозиционный еженедельник «Азатамарт» опубликовал копию документа, не менее сенсационного, чем «бомба» президента, — справку о том, что Левон Тер-Петросян входил в состав особого резерва местного КГБ. Напомним, что в конце 70-х нынешний глава республики работал ученым секретарем в Матенадаране — хранилище древних рукописей. Между прочим, опубликованный документ был подписан тогдашним начальником первого отдела республиканского КГБ Усиком Арутюняном, при коммунистах дослужившимся до поста шефа чекистов Армении и звания генерал-майора. Он один из немногих сохранил свой пост и при смене властей. А примерно три месяца назад Арутюняну доверили возглавить только что учрежденную налоговую инспекцию республики, куда вслед за своим прежним шефом потянулись бывшие чекисты.

В телеинтервью республиканскому ТВ 12 июля Усик Арутюнян подтвердил подлинность опубликованного документа, сделал несколько уточнений. Первое — в особый резерв КГБ обычно зачислялись тысячи людей по всей нашей бывшей стране в качестве военнообязанных (чаще всего те, кто, подобно Тер-Петросяну, владел восточными языками).

Второе — учет «особых резервистов» КГБ СССР велся районными военными комиссариатами на случай военных действий с соседними странами, причем об этом, по словам Арутюняна, сами резервисты могли и не знать. В частности, тот же Тер-Петросян в случае «ЧП», как отмечается в опубликованной справке, должен был явиться в распоряжение Спандарянского РВК армянской столицы. Третье — список подобного ранга резервистов КГБ СССР отправлялся в региональный кавказский центр, располагающийся (до сих пор?) в Краснодаре, с грифом «совершенно секретно». Офицеры особого резерва (а президент Армении — старший лейтенант запаса) при этом никаких обязательств или «сделок» с КГБ СССР или республик не заключали.

По весьма правдоподобным сведениям, сегодня в Государственном управлении национальной безопасности Армении — такова новая вывеска бывшего КГБ республики — ведется служебное расследование по выяснению «водопроводчиков». Сам Усик Арутюнян высказал такую догадку: после того, как однажды в начале 90-го года митингующие совершили нападение на штаб-квартиру КГБ Армении, тогдашний шеф местных чекистов, прикомандированный сюда из Москвы, Валерий Бадамянц, на всякий случай срочно отправил грузовым военным самолетом 50—60 тонн секретных документов в Смоленск. Есть вероятность, что при «сортировке» и отправке столь ценного груза кто-то решил заиметь на всякий случай «политический капитал», и отобрал ряд документов, дискредитирующих нынешние власти Армении. Короче говоря, «документальная» война продолжается.

Неспокойно в приграничных районах Армении

Фото ИТАР—ТАСС

ДЫВЫСЬ, ЕЩЕ ОДИН ПУП У ЗЕМЛИ ВЫРОС!

Я все время путал «незалежность» и «незаметность». Запомните: первое — это независимость. Второе — это бедность. Говорят, большая разница. Не спутайте. Это очень важно.

*Ой, кохайтеся, дивчата,
Та не з москалями,
Москали бо злы ребята,
Зроблют лихо з вами.*

(Тарас Шевченко, величайший украинский поэт и величайший же украинский художник)

Ильф писал: «Наконец-то. Какашкин меняет фамилию на Любимов».

Дождались. Киевская «Коза» («Комсомольское знамя» — переименовалась в «Незалежность», а площа Жовтневой революции в Майдан Незалежности.

Свершилось. Жаркие слезы трехсотлетней воли к свободе от тупоконечных москалей стекают по широким усам.

Боже, переведи меня через тот Майдан...

Хроника суверенитета: под жовто-блакитными знаменами октябрат принимают в козачата. Дивчинки в венках с лентами, хлопчики в шароварах и папахах. В семь лет подписывают клятву беречь пуще живота ридну мову и незалежность Родины, ну и потом, как положено, — быть веселыми ребятами и уважать старших. Это уже не ленивые октябраты восьмидесят седьмого — это октябраты самого что ни на есть семнадцатого года. Видел я глазки у знаменосца. Это еще на семьдесят лет.

По всему Крыму у солдат с погон спороты буквы «СА», отчего вид у них потасканный донельзя. Ну просто больно смотреть. И так наш солдат

самое чучело в мире, а ему еще хотят на погоне написать «АУ».

Под незалежность завели два национальных телеканала. По одному круглый день трио бандуристов и немолчная лира Шевченко, по другому — заседания Рады (анафема Богдану Хмельницкому, не отдадим сукам москалям любимых Сиракуз) и струнные концерты под портретом Сковороды. «Дивчинка, що для тэбэ українська мова?» — «Ну, слова гарни». «Наши диты не вырастуть манкуртатами!» Умные зрят вперед: сразу два национальных телевидения — к отмене всех остальных. Опыт богатый. Российское ТВ на Украине вырубалось в восемь вечера до самого августовского контрпереворота. В аккунат к началу первого выпуска «Вестей». До 1991 года. В самый небывалый разгул перестройки и гласности. Уж не нынешний ли свободолюбивый президент над вами властвовал тогда?

Зато теперь у них свое время. Хоть на час, а не так, как у вас в Москве. Наверное, чтоб неудобней было смотреть иностранное телевидение и ездить к окоянным на поезде. Когда я спрашивал у друга, зачем оно вам, он меня послал. К Кравчуку.

На Украине никогда не было свободной прессы. Еще в прошлом году таможня интеллигенция с оглядкой вырезала смелые публикации из «Комсомолки», светоча свободы с чужих берегов. В России это как-то прекратилось году в восемьдесят девятом. Много смелости стало. Нет, не много — нормально. Украине так дышать сроду не давали. О чем вы говорите, конференс последнего фестиваля «Золотой Дюк» был заранее затревожен в одесское УКГБ и обрезан напополам. Это 1990 год! Да по той стороне улицы, где УКГБ стоит, одесситы до сих пор ходить боятся, сам видел. На противоположной людно, на этой — машины одни. Иногда еще москали обнаглевшие.

Митинг против ГКЧП в Киеве прошел 26 августа. Куры и те смеяться устали.

В таких условиях что президентские выборы проводить, что национальное самосознание выращивать, что свободу заводить — результат один: наверху непременно усядутся чудаки на букву «эм».

У чудаков творческий потенциал — неисчерпаемый. Свою армию заведут, свою конституцию, свое летосчисление, свой велосипед придумают. Бумаги настригут, назовут «деньги». С виду лотерейный билет, а обеспечивается всем достоинством Украинской республики. Подделка осуществляется на простейшем цветном ксероксе и карается по новому чудакскому закону.

За такие деньги бьют по морде канделябром.

Ща объясню.

Купон с подпольной кличкой «карбованец» идет к рублю один к одному. То есть сахаросвекольная республика сбросила иго, метропольная валюта — рубль — объявлена недействительной. На рубли можно купить японский телевизор «Сони» в кооперативной будке и бухло на развале (портвейн с водярой один в один по московскому времени, пиво вдвое дешевле). Плюс транспорт и почта.

Ну так и гребись все конем, велика Россия, кушайте сами свой киевский торт. Это если нормальные люди реформу делают, а не национальный банк Украины. Потому что нормальные помимо зарплаты производят полный обмен рублевых накоплений один к одному или к двум — как заблагорассудится, — а потом уничтожают украинскую рублевую массу под присмотром наблюдателей российского Госбанка.

Потому что инфляция и рост цен (это одно и то же, вообще-то) останавливаются, когда перестают печататься новые деньги, не обеспеченные ничем, кроме социалистического

гуманизма, извечной тяги русского народа к хлебу и маслу либо столетиями поруганного национального достоинства. И совершенно неважно, как эта новая деревянная макулатура называется — эстонская ли крона или, предположим, тувинский тугрик (тут у националов фантазия не бог весть какая). Важно, остались ли в обращении их деревянные недействительные рубли. Потому что у меня на границе с Украиной или Эстонией не сидит Никита Карацюпа с верным псом Индусом и никто не мешает тамошним ребятам ездить с мешками рублей в Москву, где на эти рубли еще что-то покупается. Растет покупательная способность — растут цены. Гайдар из сил выбивается, социальные программы сворачивает, чтоб только рубль укрепить, — а толку из-за таких подлянок ноль целых. Только из-за того, что кому-то хочется ходить в шароварах, есть вареники с вишнями и быть самостийными всем назло. Национальное самосознание, братки.

ЛЮБОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ — ОБЫКНОВЕННАЯ ФИКЦИЯ! — заявляю это и крайним литовцам, и офигенным украинцам, и русским, и даже евреям, которые, в принципе, не сильно на себе рубаху рвут. Нет национального самосознания, а есть повод покрасоваться в папахе перед девочками да дать соседу в морду.

Национальное самосознание — это, с одной стороны, чупрыны, вышитые рубашки, рушнички и свитки, пиво называется «пыво», а телевидение — «телебаченнем». Понятно, папахи, черкески с газырями, бороды лопапой. Все это может не надоесть рано или поздно только казакам, которые в детстве в войнуху не наигрались, теперь добирают: «Сотник Голопуенко, почему ваши люди опять обоссали забор?»

А с другой стороны, это дикая гордость от былых героических побед и славы оружия до Дмитрия Донского и Тараса Бульбы включительно. Как мы вам всем давали оторваться. И жидив били, и ляхив, и татарву, и есть еще порох в пороховницах. И Пидпалый еще жив, и Ковбасенка еще не вбились. Еще покажем хер в окошко.

Умник корреспондент спрашивает пацана в папахе: «Що ж за козак без шаблюки?» Без сабли, то есть. «Пидрастем еще», — задумчиво отвечает козак. Трохи повремени, дядьку, дай пидрасти. Вспомнишь еще пятый год. И Якова Свердлова добрым словом вспомнишь.

А все с песенок начиналось, «Венсеремос» там, «Реве та стогне». Теперь по всей юго-западной оконечности России национальные самосоз-

нания дерутся. А «Независимой газете» еще иск пытались учинить за предположение об обмене ядерными ударами.

Уж на что прибалты народ сознательный — так нет же. Национальная идея любого сделает невменяемым. В Латвии процент коренной национальности самый маленький в Балтии — фифти-фифти, — так они от испуга за продолжение рода озверели окончательно. В рижском горсовете ставился на голосование вопрос о применении смертной казни за нарушение закона о языке. Дискриминируются даже бывалые энэфэловцы из русских — хоть и за свободу вы, а все равно кровь неправильная. Не понять вам, дозорцевым и костенецким, всей прелести Латвии без русских.

А что вы скажете за эстонскую долларовую визу? Это не от туристов защита — кто нынче поедет туда без кроны в кармане? Это они опять же местных русаков выживают — у половины родственники в прилегающих областях, не больно-то теперь покатаешься. По-людски это?

Вот оно какое, наше товарищество.

Денис ГОРЕЛОВ,
по бабушке — ГОРДИЕНКО

P.S. А защита от чужих названных валют может быть одна — денежная реформа с введением нового вида рубля и обменом накоплений только гражданам Российской Федерации (опять ни сна ни отдыха измученному Гознаку). Плюс пункт во внутривосском договоре. А то завтра Татарии тоже взбредет на ум завести какое-нибудь единое чирлик-дырликовое пространство — зря там, что ли, зелеными флагами машут?

ТОРГОВЫЙ ДОМ

КАЛИТА

Продовольственные товары
лучших зарубежных фирм
за рубли и СКВ.

(Оптовым покупателям
предоставляется скидка.)
129085, Москва, пр-т Мира, 99
Тел. (095) 287-35-62.
Факс (095) 215-00-29

НАКОРМИЛИ 34 МИЛЛИОНА

Старший председатель Правления фирмы «Макдональдс Ресторанс оф Канада Лимитед» господин Джордж А. КОХАН побывал в Москве и дал интервью журналу «Столица».

— Господин Кохан! Ваш ресторан «Макдональдс» на Пушкинской площади в Москве гораздо известнее его владельца. Это не смущает?

— Наоборот. Я очень рад, что московский «Макдональдс» остается пока самым посещаемым в мире: за 28 месяцев работы мы накормили более 34 миллионов человек: в среднем по 40—50 тысяч каждый день!

— Откуда берете сырье?

— Во всяком случае, из Канады его не возим. Исходные продукты закупаем примерно у 45 поставщиков — как в России, так и в других республиках. Чтобы обеспечить стабильное снабжение ресторана, мы вложили 45 миллионов долларов США в строительство пищевого комплекса в Солнцевском районе Москвы. Получилось одно из самых технически совершенных предприятий в Европе. Кстати, мы помогли и продолжаем помогать тем подмосковным и российским хозяйствам, с которыми сотрудничаем: в 1989—1990 годах фирма импортировала для них семена картофеля, огурцов и салата латука на 700 тысяч долларов, а также поставила этим хозяйствам сельхозоборудование на 300 тысяч долларов.

— Откуда такой интерес работать здесь, в России? Многие иностранные бизнесмены жалуются, что здесь невозможно делать бизнес...

— Я не жалею, я работаю. Это огромный для нас рынок! С гигантским потенциалом! Мы — пионеры в этом деле и пришли к вам надолго. А те, кто жалуется, желают быстрого, сиюминутного эффекта, мгновенной выгоды. Это не бизнесмены, это пираты: хапнут пять процентов комиссионных — и бежать отсюда... Им, как правило, наплевать на помощь России. Мы очень гордимся, что оказались здесь именно сейчас, в период экономических преобразований.

Кроме ресторана на Пушкинской площади строим в Москве еще два — на Арбате и на Огарева. Но мы не только кормим, а занимаемся и благотворительной деятельностью: недавно собрали на Западе около двух миллионов долларов для нуждающихся детей всех стран СНГ, для их лечения, для бесплатных обедов. Постоянно помогаем детям Москвы.

— А что больше всего мешает? Ведь проблемы, наверное, есть?

— Как без них... Перед последним визитом президента Ельцина в Канаду наш премьер Малруни спросил меня: «О чем мне говорить с Ельциным?» Я сказал: «В России действует много валютных курсов рубля, это неудобно. Поговорите с Ельциным об этом». Как вы знаете, сейчас в России уже один валютный курс рубля...

Мы — рублевая фирма, получаем прибыль в рублях и хотим, чтобы все эти деньги

остались на русской земле. Поэтому вкладываем их в развитие нашего производства здесь. Но то и дело упираемся в налоговые ограничения! Еще проблема: право решения вопросов пользования землей надо бы дать о д н о й инстанции, а сейчас их несколько...

— Несмотря на проблемы, вы не унываете. Видно, не так уж рискованно делать здесь бизнес.

— Рестораны «Макдональдс» есть в 60 странах мира. Мы выбирали: идти в Россию или, скажем, в Грецию, Италию? Там нам предлагали множество льгот: чтобы стимулировать интерес инвестора, ему надо что-то дать, верно? Так что риск здесь, конечно, большой, но мы, повторяю, не пираты какие-нибудь. Работаем на перспективу и верим в успех.

Я тоже сделал огромный личный вклад в эту страну: вложил сюда... своего сына Крэга.

— Он трудится в вашей фирме?

— Нет. Он представляет крупнейшего нашего партнера — фирму «Кока-кола».

— Слышал, что ваш комплекс в Солнцево посетил недавно российский министр сельского хозяйства. Ему понравилось?

— Он ходил, смотрел и никак не верил, что все это в России...

Г. К.

ХРОНИКА

В середине июля Борис Ельцин утвердил Положение о Российском агентстве интеллектуальной собственности при президенте Российской Федерации (РАИС).

Новое агентство пришло на смену упраздненному Государственному агентству по авторским и смежным правам СССР.

РАИС будет на деле защищать неприкосновенность интеллектуальной собственности. В Уголовном кодексе есть статья, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение авторских прав, но за 70 лет по этой статье не было возбуждено ни одного дела. Авторов произведений литературы, искусства и науки грабят по сей день нещадно и безнаказанно. В области аудио- и видеопродукции, в издательском деле процветает пиратство. Впечатляют его масштабы: в прошлом году было украдено интеллектуального труда на полтора миллиарда рублей.

Отныне РАИС станет стражем порядка в творческой сфере. Многочисленные инспектора (сейчас их в агентстве 135, а будет в четыре раза больше) проконтролируют обязательную выплату авторского гонорара, установят «слежку» за всякой государственной или частной конторой, которая захочет ускользнуть от «расплаты» с автором. Радио и телевидение будут вынуждены платить творцам за всякое исполнение их произведений. Газетам и журналам при перепечатке материалов придется раскошелиться. РАИС призывает творцов активной бороться за свою собственность: не только просить защиты у агентства, но и самим судиться с «пиратами» до полной победы. РАИС также поможет авторам подороже продать вдохновенье... простите — рукопись: агентство разрабатывает предложения о повышении ставок авторских гонораров.

РАИС — бюджетная организация с правом ведения хозяйственной деятельности, за услуги будет брать с авторов вознаграждение: от 10 до 33 процентов отбитого у «пиратов» гонорара.

ДЕНЕГ НУЖНО МНОГО, НО НЕ РАЗНЫХ

Не знаю, кто персонально повинен в том, что в стране иссякал наличность. Но слышан о финансовых изысках автономий и областей, которые наверняка со временем пополнят коллекцию экономических казусов.

На литейном заводе КамАЗа в Набережных Челнах отпечатаны «внутренние дензнаки» достоинством 10, 15 и 25 рублей. Отстояв смену у печей, металлурги смело могут в обмен на эти бумажки требовать колбасу и масло, билет на самолет или стрижку «каре». Завод, куда купюры с профилем Ильича хронически запаздывают, отвалил труженикам прилавка и службы быта миллион, на каковой и осуществил самостоятельную эмиссию.

Чеки, купоны, облигации невнятных займов и прочие эрзац-деньги гуляют по Якутии, Кемеровской области и Алтаю. Отпечатанные в местных типографиях бумажки порой нокаутируют рубль, которому по планам пора твердеть и конвертироваться.

Сторублевые татарские чеки идут на «черном рынке» один к одному. Они обратили в бегство карточки на водку, масло, маргарин, мясо, копченую колбасу и раскрепостили их владельцев, ранее приписанных к своему магазину. Гони чеки и покупай за столик бутылку водки, чтобы запить колбасу, и благодари Бога — ибо за «деревянные» поллитра прозрачной обойдется в 170. Не отстают и Нижний Новгород. После дли-

тельной командировки в этот город Григория Явлинского там ждут появления «явлинков».

Бурлит Чечня, куда, судя по прессе, везут местные независимые деньги, отпечатанные почему-то в Балтии. Азербайджан кроет безденежье манатом — так будет называться национальная валюта, которая высочайшим указом вводится в теплой республике с 15 августа. В менее импульсивном Казахстане, видимо, параллельно с рублем будет ходить национальный тумен. И этот финансовый диалог напоминает цикл есенинских персидских виршей: «Я спросил сегодня у менялы...» А белорусские шутики окрестили «зайчиками» местные «ассигнации» с изображением живности.

Всучив суверенным гражданам заменители, местные власти обложили не только центр, но и своих подданных. Налогами. В Чечне они делятся на республиканские и местные. В числе первых, к примеру, лесная подать, вторых — сбор за право проведения местных аукционов и лотерей. В Омске застонали собаководы, отстегивая в год седьмую часть месячного зарплатного минимума. Если вы азартны, не торопи-

тесь на скачки в Казань. Лучше попытайте счастья на московском ипподроме. Здесь, по крайней мере, счастливица не лишат пяти процентов выигранного в тотализаторе. А если у вас есть лошадь и вы ее хотите выставить в Казани на состязания коммерческого характера, с вас причитается две с половиной минимальные месячные зарплаты, даже если ваша кобыла — аутсайдер. И не дай вам Бог использовать татарскую символику для облагораживания выпускаемой продукции. Дань — полпроцента от стоимости товара.

Изобретательны в Татарии финансисты. Предприятия и организации, которые не раскошались на милицию и не помогают работникам метлы, обязаны вносить один процент от годового фонда зарплаты в бюджет родной суверенной республики. Не остановившись на достигнутом, Татария вкуче с сопредельными Башкирией и Удмуртией, а также с далекой Якутией и немирной Чечней наложила независимую руку на доходы федерального бюджета. В ответ Российский парламент уполномочил Центральный банк перекрыть туда и без того хилый финансовый ручеек, прекратить выдачу экспортных лицензий, приостановить поставку продукции и ограничить денежную эмиссию в мятежные регионы.

А тем временем финансовую дыру расширили те, кто должен был ее штопать. Впервые за полувек историю Пермской фабрики Гознака там умыкнули 72 купюры достоинством в 500 и 1000 рублей...

Александр АГОПОВ

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

КЛЮЧ ОТ КВАРТИРЫ, ГДЕ ДЕНЬГИ ЛЕЖАТ?

По-хозяйски выйти на рынок жилья решили приморские мафиози. В результате на этом местном рынке уже появились пострадавшие. Один из жителей Владивостока собрался продать свою квартиру за миллион и... едва не расстался с жизнью. Накануне покупатели предложили ему свою цену — 300 тысяч и несколько раз крепко избili за несговорчивость. Теперь «наторговавшийся» продавец квартиры вынужден скрываться. А владивостокские крутые ребята смело могут требовать патент на новый вид вымогательства — квартирный рэкет. Приватизация жилья с последующей куплей-продажей обещает стать одной из главных статей доходов преступных группировок.

НЕ УВЕРЕН — НЕ ПОДЖИГАЙ

Оригинальное средство борьбы с лесными пожарами изобрел Совет министров Бурятии. Он установил новую цену на древесину, заготовленную после того, как в лесу отпыхал очередной огонь. «Свежая гарь» сосны, например, будет стоить в два раза дороже негоревшей древесины этого вида. Такое решение вызвано стремлением руководства Бурятии сократить количество пожаров и снизить расходы, связанные с их тушением. Оказывается, по оценке специалистов, до десяти процентов лесных пожаров в республике вызваны поджогами с целью заготовить древесину по бросовым ценам на «свежую гарь». Этим летом лес горел в республике уже на площади более 30 тысяч гектаров.

КАК ИЛЬИЧ В ЦЕНЕ ВЫРОС

Диалектическим единством формы и содержания руководствовался глава кооператива «Медея» Мераб Зумбадзе, покупая семитонный бронзовый памятник Ильичу, до недавнего времени стоявший в центре грузинского города Чиматура. Бывший отдел благоустройства, став кооперативом с одноименным названием, сбавил основоположника за три тысячи. «Медея», став обладателем горы цветного металла, загнала монумент тбилисскому любителю наглядной агитации за 3.800 долларов и 20 тысяч рублей. Тот, в свою очередь, решил, что образ вождя мирового пролетариата должен взволновать турецких подданных. Продать за бугор чиматурскую достопримечательность помешала полиция. Вожди нужны и на родине, особенно бронзовые.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА... ПРОДАВЦА

Упорядочить уличную торговлю во Владивостоке взялись городские власти. Здесь ввели именные талоны с фотографиями их владельцев на право свободной торговли. Тех, кто не имеет подобных документов, а также сертификатов качества на продаваемые продукты питания, отстранят от частной коммерческой деятельности да еще возьмут с них крупный штраф. Отныне и зарубежным гостям придется соблюдать эти правила — работа администрации их тоже не обошла стороной. Свой товар они смогут продавать теперь в специально отведенных местах с обязательной уплатой торговой пошлины в городскую казну.

Георгий Матюхин ушел с поста председателя правления Центрального банка России в лучших советских традициях — «по состоянию здоровья»
Вспомним: два года назад, когда после весенних выборов в России воцарилась новая демократическая власть, он был поставлен во главе реформируемого российского банка как крупный специалист по американской банковской системе.

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

ШЕФ ЦБР

(ПОСЛЕСЛОВИЕ К ОТСТАВКЕ)

Это обстоятельство, не раз использованное гражданином Матюхиным для укрепления своего профессионального авторитета, заслуживает внимания. Матюхин, получивший базовое образование в середине 50-х, во времена предельного расцвета советской экономической школы, активно применял знания на службе в органах госбезопасности. История его некультуряпистого шпионства в Уругвае, после которой последовало заключение о полной профнепригодности, уже стала достоянием широкой общест-венности, документы по этому периоду, к стати никем не опровергнутые, сохранены.

В дальнейшем шпион-неудачник углублял свои познания в американской банковской системе на стажировке в США, хотя, по мнению экспертов, образование это являлось банковской «крышей» для продолжения его прежней безуспешной деятельности. Потом последовало зачисление в штат научного учреждения под названием Институт США и Канады, где традиционно находили пристанище

специалисты такого профиля. Там он и был обнаружен коллегой-специалистом по внешнеэкономическим связям Русланом Хасбулатовым с целью использования на посту главы новой российской банковской системы.

Матюхин органично вписался в состав силаевского кабинета, служившего, в сущности, политической командой Ельцина, которая использовала все доставшиеся ей в распоряжение экономические и правовые рычаги для популистского расшатывания союзной экономики. Но то, что сделал Матюхин, беспрецедентно: он превратил нарождающиеся российские коммерческие банки в арены политической борьбы, прописав в банковскую систему лошадиную дозу политической демагогии.

Между Россией и Союзом началась бешеная гонка правовых и кредитных льгот. Пользуясь ею, коммерческие банки вообще вышли из-под контроля центральных банковских органов: банкиры в каждом отдельном случае предпочитали выполнять те нормы регулирования, которые

были им более приятны. Россия стала источником кредитной эмиссии, постоянно срывая жалкие усилия Валентина Павлова по фискальной финансовой стабилизации.

После того как Павлов был помещен в специальное учреждение, его тяжелую, но необходимую работу вынуждены были доделывать российские преемники, новые люди Егора Гайдара. В этом контексте совсем не трудно понять их острое желание избавиться от профессионального вредителя Матюхина. Когда новая экономическая команда расселась в правительственные кресла, в Москве появился бывший российский министр финансов Борис Федоров, и никто в новом правительстве не скрывал, что именно его они хотят видеть во главе Центробанка.

Первая попытка избавиться от Матюхина была предпринята коммунистическими банкирами и поддержавшими их парламентариями еще на закате эры Силаева. Тогда на его защиту бросился его патрон Хасбулатов. Аргументы Хасбулатова, как всегда, потрясали своей простотой и убедительностью: «Матюхин — человек упрямый, он никого не слушает, — заявил Хасбулатов, — но его отличает жесткая пророссийская позиция. У Матюхина больше отрицательных качеств, чем положительных, но положительные все-таки перевешивают». Матюхин — человек маленький, а маленькие люди бывают обычно очень злобными, заключил Хасбулатов, предложив Матюхина как-нибудь наказать за грехи, но оставить на месте.

После прихода нового правительства Матюхин переродился в активного монетариста: его «злобность» нашла наконец выход в жесткой денежно-кредитной рестрикции, проводимой им по указанию правительства. Однако, поменяв идеологию, Матюхин не изменил своей практике — правительственная политика проводится им с грацией слона в посудной лавке. Требование правительства увеличить процентную ставку по централизованному кредиту до положительной (превышающей уровень инфляции) долго доходило до сознания шефа ЦБ. Он-то предпочитал «догоняющий принцип», что разгоняло инфляцию и обеспечило довольно высокий уровень кредитной эмиссии в первые месяцы реформы. Матюхину были по душе простые и надежные методы контроля за банковской системой. Их можно сравнить разве что с методами воспитания дебильной няньки, которая привязывает дитя за ноги к столу, предварительно воткнув в рот кляп.

Основным методом борьбы с инф-

ляцией со стороны ЦБ стало торжество выдачи наличных денег. Заигравшись с кризисом наличности, банк спровоцировал резкое обесценение безналичных средств и таким образом создал предпосылки для формирования мощностей индустрии «обналичивания». Айсберг безналичных денег стал угрожающе вылезать из-под воды, обнажая все большие массы наличного оборота. Истерические мероприятия ЦБ по принятию налички подтолкнули коммерческую торговлю, а затем и всех поголовно к сокрытию наличности, создав ситуацию, когда уже никакой печатный станок не способен справиться с нарастающим спросом на деньги.

Особенно мудро политика шантажа наличностью была применена к нашим братьям по бывшему Союзу. Недоавая рублевой наличности, Матюхин спровоцировал республики на выпуск всевозможных денежных суррогатов. Однако тут в пророссийской позиции ЦБ случился странный прокол. Вместо того чтобы перевести республики — пользователи рубля — на нормальные корреспондентские отношения с Центробанком, Матюхин согласился на ситуацию практически открытого аккредитива. Проще говоря, республики имеют возможность сбрасывать на Россию свою кредитную эмиссию, чем активнейшим образом и пользуются.

Крупным достижением монетарной политики стал перевод платежей на почтовую форму. Это было мотивировано якобы неспособностью отлеживать фальшивые платежные требования по телефону. Мешки с платежками, скопившиеся в расчетно-кассовых центрах ЦБ (еще одном любимом детище Матюхина, продублировавшем бывшую союзную систему расчетов), сегодня не смогут разобрать даже бригады стахановцев. Таким образом, Матюхин не только парализовал платежный оборот,

но и предопределил нынешнее общее списание задолженности предприятиям.

Особое место в творчестве Матюхина занимают его отношения с коммерческими банками. С одной стороны, претензии многих банкиров можно охарактеризовать фразой «поматросил и бросил». Дав возможность им в период конкуренции с «Центром» вдоволь насосаться дешевыми центробанковскими кредитами, Матюхин затем оторвал их от груди, вызвав этим понятное разочарование. Однако, к сожалению, этим проблема не исчерпывалась.

Превращение Матюхина в монетариста не прошло бесследно для его патриотического чувства: принятые ЦБ действия по контролю за отечественными банками наводят на самые нехорошие мысли. Матюхин ограничил количество иностранных банков, в которых наши банкиры могут открывать корреспондентские счета, тремя, причем по собственному выбору хозяина ЦБ. Генеральная лицензия на операции с валютой выдается теперь только на год, и Матюхину ничего не стоило, например, намекнуть, что такой-то банк его расположением не пользуется. Это заставит его валютных клиентов перевести свои счета в другой банк. Центробанк дважды распространил странную бумагу, уведомляющую о том, что банки, получившие лицензию, могут совершать биржевые операции с валютой, разумеется, только с разрешения ЦБ.

Короче говоря, делается все, чтобы превратить российские коммерческие банки в глазах потенциальных западных клиентов в подобие печальной памяти Внешэкономбанка СССР, чтобы клиент шараялся от них при одном упоминании их имени. Одновременно Матюхин с поразительной настойчивостью заманивал на российский рынок западные бан-

ки, убеждая их открывать филиалы со стопроцентным участием и выдавая им постоянные генеральные лицензии, которые вообще непонятно зачем нужны.

Такая матюхинская активность довела практически все парламентские комиссии и комитеты до совместной акции по его смещению. Матюхина, казалось, ненавидели все — и сторонники, и противники правительства. Однако помощь подоспела с самой неожиданной стороны.

Новый вице-премьер Шумейко от имени правительства попросил оставить Матюхина на его месте, что лишило воли парламентскую коалицию реформ, являющуюся зачинщиком антиматюхинской кампании. Растерянное и дезорганизованное политическими шатаниями Ельцина, «скорректированное» российское правительство просто испугалось, что вместо Матюхина, потерявшего покровительство Хасбулатова, окажется совсем уже неуправляемый ставленник российского парламента.

Накануне мюнхенского «саммита» Матюхин побудил своего центробанковского эмиссара Рассказова заявить о повышении процентной ставки вдвое, точно следуя инструкциям Международного валютного фонда. Правительству же удалось, применив некоторую жесткость, убедить МВФ в обратном — отказаться от этого садистского намерения. Матюхин опять оказался в глупом положении.

Но бедному Матюхину оставалось немного времени: машина его «ликвидации» уже была запущена, завершалась аудиторская проверка с последующим разбирательством... Тут-то и пошатнулось здоровье шефа ЦБР и парламент, облегченно вздохнув, отпустил Матюхина на все четыре стороны. Как мавра, сделавшего свое дело.

Российский благотворительный фонд «Интеллект» предлагает БИЗНЕС-ТУРЫ '92 с участием представителей российских и американских деловых кругов на комфортабельных теплоходах.

ЭТО ИМЕННО ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО СЕГОДНЯ!

Установить деловые контакты с бизнесменами США на наших бизнес-турах проще и дешевле, чем ехать к ним в Америку.

Расписание БИЗНЕС-ТУРОВ:

Москва — Нижний Новгород — Москва (стоимость 10 400 руб.):
1.08. — 9.08; 11.08 — 18.08; 20.08 — 27.08; 7.09 — 14.09;
15.09 — 22.09; 7.10 — 15.10.
Москва — Кострома — Москва (стоимость 9300 руб.):
25.08 — 30.08; 3.10 — 9.10.

Контактные телефоны: 249-92-94. С 19.00 до 23.00: 287-27-54;
515-10-63; 297-96-13.

«МАЛЕКС»

Квартира или деньги?
Облигационные сертификаты
«Малекс» — это и то и другое!
100% годовых и гарантия
получения квартиры через
5 лет.
Подробности по телефону:
489-05-53

Звоните, господа!

ЛЕОН БУЙКО И ОПЫТ ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

С известным польским журналистом Леоном Буйко я познакомился в Варшаве в 1988 году. Тогда и в СССР, и в Польше еще только начинался бурный процесс демократизации (причем неизвестно было, насколько далеко он пойдет), и нас, членов одного из первых политклубов «Перестройка», пригласил к себе варшавский Клуб католической интеллигенции, фактически представлявший собой интеллектуальное ядро «Солидарности».

Можно сказать, что зимой 88-го в тесную комнату набились будущие политические деятели Польши, только они об этом еще не знали. Зашел и встал в дверях будущий премьер Тадеуш Мазовецкий. Польские коллеги живо интересовались, что расскажут «сумасшедшие российские диссиденты», невесть каким образом просочившиеся через «железный занавес», о положении в СССР.

Переводил нам Леон Буйко, отрекомендованный как славянофил и нелегал, — после введения в Польшу военного положения Леон ушел из официальной журналистики и промышлял случайными заработками. Позже, когда в 1989 году в результате договоренности за «круглым столом» «Солидарности» разрешили на время выборов издавать свою газету «Выборча», Леон стал одним из ее обозревателей.

А потом... «Солидарность» победила, «Выборча» стала самой читаемой газетой в Польше с тиражом несколько миллионов экземпляров, и вполне естественно, что «славянофила» Леона Буйко назначили первым московским корреспондентом, вполне официально представляющим в еще недоразвалившейся коммунистической империи новую некоммунистическую прессу. Сегодня я беседую с Леоном Буйко перед его отъездом на родину...

— Насколько я помню, ты появился в Союзе в марте 89-го. Появился с одной сумкой, никто тебя не встречал на черной «Волге», ни польское, ни советское правительство не приготовили для тебя аппараты...

— Да, в Варшаве еще шли переговоры за «круглым столом», и нашей газеты фактически тогда еще не было...

— Однако с того времени многое изменилось, теперь у тебя хороший оклад, газета оплачивает (в долларах) трехкомнатную, по нашим понятиям — шикарную, квартиру в Москве. Когда к нам приезжал Валенса с официальным визитом, ты неизменно был рядом. Считаешь ли ты себя после этих перемен новой номенклатурой? Как изменилось твое восприятие мира?

— Никак не изменилось. Я никогда не был и сейчас не считаю себя номенклатурой. Мне просто повезло, и я стал работать нормально. Причем первые два месяца нам просто не платили. Но потом «Выборча» превратилась в самую большую и самую прибыльную газету в Польше. Я тяжело работаю — мне хорошо платят, хотя и не так хорошо, как американским журналистам, и даже не так хорошо, как венгерским, югославским. В какой-то степени, наверно, да, я вхожу сейчас в элиту, поскольку мои тексты влияют на ситуацию в стране. Однако я не стал более лояльным к власти вообще и вполне самостоятелен в своих убеждениях. Редакция ничего не дописывает к моим комментариям, но, сам знаешь, в ежедневной газете тексты не столько дописываются, сколько сокращаются...

— В Москве тебя приглашали на российское телевидение, печатали твои комментарии в российской периодике. Твои тексты были корректны, как по протоколу. Как правило, ты желал правительству

Ельцина поскорее выбраться из кризиса, реформы оценивал критически, но с неизменным оптимизмом. Скажи честно, чего в этих высказываниях было больше, политики или дипломатии?

— Все-таки я выступал как журналист. Но одно дело писать для российского читателя и совсем другое — для польского. Советовать вам или говорить слишком критически было бы с моей стороны проявлением высокомерия. Что же касается моей доброжелательности, то она адресована не столько Ельцину и его правительству, сколько российскому обществу. Осознавая всю сложность обстановки в России, я не считаю себя вправе усугублять ее своими высказываниями. А в своей газете я стараюсь показать всю картину объективно, как она есть.

— Однако перед отъездом из России на прощальном приеме ты сказал, что «у поляков не получается демократия» и что тебя «беспокоят негативные тенденции в России». Что ты имел в виду?

— Для себя я называю ситуацию в моей стране вторым нашествием демократии на Польшу. Эта ситуация очень схожа с обстановкой в 20-х годах, когда тоже была правительственная чехарда и политики ссорились между собой. Словесные баталии в верхах велись вплоть до 1926 года, до переворота. Сейчас к власти тоже пришла новая элита — и, как все новички, неопытная. Если у нее что-то не получается, она занимается демагогией. А управление страной — это профессия.

Что касается России, то в ней такой замены не произошло. Все, что происходит в политической надстройке, происходит в рамках прежней элиты: часть старой элиты, очень незначительная, сидит в «Матросской тишине», но в большинстве она осталась.

Группа Вольского, например, когда-то казалась прогрессивной при коммунистическом режиме, а теперь она кажется консервативной при демократическом, но все равно она в центре. И это действительно люди, которые реально правят страной. Без них, оказывается, не обойтись. Ушла компартия с политической сцены, но этого недостаточно. Должна произойти смена элит.

— То, что у нас происходит, по-вашему, это что-то необычное или закономерность?

— Закономерность. Мне тоже раньше казалось, что у нас поляки все такие умные, все такие благородные, все такие демократы. Ничуть! Мне иногда даже кажется — хорошо, что я сижу в Москве и не участвую в борьбе за портфели. У вас тоже не порядок, но ваша неразбериха меня трогает меньше, потому что я здесь только наблюдатель.

— Мне часто приходилось говорить, что Польша и Россия страны общей исторической судьбы. Например, правительство Гайдара проводит реформы с оглядкой на реформы Бальцеровича, а в Польше с тревогой смотрят на Восток — чем тут у нас дело кончится? Как ты считаешь, чего у нас больше общего — общих ошибок или общих достижений?

— Конечно, общих ошибок. Правительство Гайдара пыталось провести реформы по типу Бальцеровича, а получились реформы по типу Раковского. Вы получили гиперинфляцию в условиях социализма. Рынка не получилось, получилась толкучка. В магазинах по-прежнему дефицит, и я замечаю, что перекупщики уже торгуют хлебом, а это очень опасное явление. У нас тоже так было в результате попыток либерализовать цены в экономике, которая не то что была не подготовлена к рынку, она была антирыночной. Сами по себе рыночные механизмы не могли заработать, и я это, кстати, знал. Все, что я предсказывал для вас в прошлом году, все это сбылось. Я думаю, осенью у вас будет кошмарная инфляция. Однако из нашего опыта известно, что от инфляции все же не умирают. Все повторяется, как в Польше, но в масштабах, конечно, поболее. У вас и страна огромная, и проблемы огромные, и вообще у вас все огромное. Фактор масштаба неизмеримо важен, но можно же было чему-то научиться и на польском опыте!

— Мы часто бросаем взгляд в сторону Польши, но правильно ли мы ее понимаем? Я спрашиваю потому, что корреспондентки из Варшавы несут иногда прямо противоположные заряды. Когда наше

правительство собирается порадовать нас своей «шоковой терапией» и требуется положительный опыт, корреспондент из Варшавы передает о «польском чуде». Когда же верх над правительством берет парламент, сторонники социальных гарантий, то корреспондент из Варшавы говорит о безработице, спаде производства. Ты замечал это? Как в действительности обстоят дела?

— Конечно! Все-таки Польша не такая уж маленькая страна, и жизнь ее разнообразна. Можно подобрать примеры под любой тезис. Это вопрос не страны, а пропаганды, а значит, информационные потоки все еще являются инструментами власти. Наверно, это наследие тоталитаризма. А как на самом деле? Процесс трудный. Однако у нас рыночная экономика получается и у нас получилась настоящая внутренняя конвертируемость злота. Есть безработица. Но не всегда все однозначно. Например, одна из моих знакомых поступила на службу к другому знакомому и через три месяца «потеряла» работу. Теперь она получает пособие по безработице плюс государственное пособие на содержание ребенка. Живет безбедно. Другой знакомый выучился на станочника, а сам живет в деревне. Скажите, где в деревне станки? Теперь он тоже получает пособие как квалифицированный рабочий.

В общем, по-разному бывает, но уровень жизни у многих все же сильно упал. За переход от социализма к капитализму пришлось заплатить обществу. Причем ситуацию усугубляли политики, которые говорили: «Ужас, кошмар, дайте нам власть — мы все исправим».

И нам было легче. Частный сектор в сельском хозяйстве существовал всегда, у крестьян были свои грузовики. Торговля в городах стала частной сразу. Крестьяне сразу завезли продукты в город. Сегодня мы практически остановили спад производства. На 30 процентов приватизировали промышленность. Хотя мы, так же как и вы, не знаем, как приватизировать промышленные гиганты.

— А тебе не приходило в голову, что посткоммунизм — это особое состояние политики и экономики, которое может продлиться достаточно долго, и оно чревато новым застоем и новым кризисом?

— Приходило. После революции должен быть период, в котором общество структурируется. Причем некоторые теоретики считают, что революционный цикл длится 100 лет. Согласно этим теориям, Великая Французская революция закончилась в 1870 году, да и то в результате фран-

ко-прусской войны, а на протяжении всего «революционного» периода воевали страшно...

— Хорошенькую перспективу ты нарисовал. Но будем надеяться, что сейчас все исторические процессы идут быстрее и не будет какой-нибудь войны. Скажи, ты встречался с политическими деятелями России, видел их эволюцию, как ты считаешь, они выполнили свою задачу?

— Свою главную задачу, а именно — устранение коммунистов, они выполнили. Однако гражданского общества они не построили. Но это действительно очень трудная задача. Взгляните на Германию, там есть и деньги, и налаженная демократия, и хорошие дороги, и хорошие законы, но гражданского общества построить все еще не получается, и неонацисты появляются именно в бывшей ГДР. Посмотрите на Чехословакию, которая всегда была витриной социалистического лагеря, она распадается... Но, повторяю, главная задача этого поколения политиков выполнена. Хотя должен признаться, устранить коммунистов было легко: они — «плохие», а мы — «хорошие». Теперь же наступил настоящий период перестройки. Перестраивать надо все, в том числе и асфальт. Надо решать настоящие проблемы. Что, например, делать с оборонной промышленностью? И ведь пока действительно приходится выпускать танки, потому что люди должны работать. Однако я оптимист: я всегда боялся, что коммунизм будет уходить в тех же обстоятельствах, что и приходил, — к счастью, этого не произошло.

— Как польский журналист в Москве ты находишься в уникальной ситуации, наблюдаешь опыт двух стран. Ты видел, как начинаются реформы у нас, и ты уже видел их результат по своей стране. С точки зрения своего опыта, что ты можешь посоветовать российскому правительству?

— Мой опыт подсказывает, что надо опасаться давать советы державам. Но и на самом деле, я не знаю, что тут можно посоветовать. Я бы посоветовал лишь хорошо изучить польский опыт. Страна другая, традиции другие, но динамика процессов одинаковая. Поскольку первое мое образование — инженер-химик, я обращаюсь к своему опыту химика. Я представляю Польшу большой лабораторией с новыми технологиями, а Россию — гигантским химическим комбинатом на свежем воздухе.

Однако все всем советуют учиться на чужих ошибках, но история учит одному: что она никогда никого ничему не научила.

Сергей МИТРОФАНОВ

...И ГРОХОТ МЕТРО НА ДЕСЕРТ

Если, трясясь в вагоне метро, вы внезапно ощутили голод, вовсе не обязательно выбираться на свет божий, чтобы перекусить. На станции «Арбатская», прямо под землей, недавно обнаружился небольшой буфет, скрытый за дверью с заурядным номером, без всякой вывески. Буфет этот, «при-

репленный» к столовой метрополитена, существует уже довольно давно, но раньше обслуживал исключительно «своих». Настали времена крутой коммерции и конкуренции: чтобы продукты не залеживались, обеды теперь отпускают и «налево», то есть пассажирам. При определенном везении в буфете

можно получить горячий обед из трех блюд и съесть его, сидя за довольно замызганным столиком. И «на вынос» кое-что перепадает: сыр, масло, молоко, мед. Наценка, правда, велика, но что поделаешь: за экзотику принято доплачивать.

По нашим агентурным сведениям, такие же «подпольные», нерегулярно функционирующие буфеты есть также на «Киевской» и «Третьяковской».

Может, и впрямь московское метро скоро будет похоже на парижское или лондонское — обилием магазинчиков, закусок, кафетериев? Дождемся ли открытия кинотеатра «при метро»? С этими вопросами наш корре-

спондент обратился к директору отдела транспортного снабжения метрополитена Г.М.Пичугиной. Но Галина Михайловна сообщила, что такие перспективы для нашей «подземки» весьма туманны. Станции метро слишком тесные, там и для пассажиров места не хватает, не то что для рестораника какого-нибудь.

Впрочем, новые, строящиеся станции, вероятно, будут выглядеть иначе. «Глощадь Победы», по крайней мере, точно будет приспособлена для размещения кафетериев, магазинов и даже игровых автоматов.

Юлиана ГАРМАШ

А ЛЕНИНЦЫ ВСЕ МИТИНГУЮТ

Очередному «акту вандализма» подвергся памятник В.И.Ленину и Н.К.Крупской на пересечении проспекта и улицы их имени в Москве. Владимира Ильича и Надежду Константиновну на сей раз изгваздали весьма основательно — снежно-белой краской, с ног до головы.

Вот как раз и работа для верных ленинцев, упорно бузящих возле музея вождя — не лучше ли взять тряпки, растворитель и хоть раз сделать что-нибудь действительно полезное для великой идеи?

К.Р.

НОВЫЕ ЖЕРТВЫ «ДЕРУСИФИКАЦИИ»... НА ОЧЕРЕДИ — ВОДКА?

Еще одной жертвой разногласий политиков стали, представьте себе, пельмени!

На Украине поступили в продажу замороженные упаковки с надписью: «пельмени русские». Однако слово «русские» крест-накрест запечатано. А рядом — приписка: «по-флотски». Может быть, имеется в виду Черноморский флот? Но и тогда идеологический прокол очевиден: «по-флотски» применительно к черноморской флотилии отнюдь не означает «по-украински». Вот

беда, пельмени никак нельзя назвать «украинскими», как, скажем, вареники «русскими».

ИА «НЕСТОР»

ЕСТЬ НАД ЧЕМ ПОДУМАТЬ ЦЕНТРАЛЬНОМУ БАНКУ

Нехватка мелочи заставляет находчивых граждан подыскивать ей эквивалент. В поселке Аэропорт города Челябинска мелочь заменяют полиэтиленовые пакеты. Ими дают сдачу, ими же расплачиваются покупатели, когда нет мелочи. Может быть, поэтому пакеты стоят здесь до сих пор паразитично дешево — 20 копеек за штуку.

Валерий ЗОЛОТУХИН

КОГДА СО СКАЛАМИ ДЕФИЦИТ...

Первые сибиряки уже полезли на стену, и вовсе не от жгучей боли или непомерного страха, а от естественного желания показаться оригинальными. Стену выбрали одну из самых высоких в Красноярске — более 40 метров. Именно такую дистанцию восхождения по вертикальной стене гостицы «Турист» должны были преодолеть сильнейшие скалолазы

Сибири, собравшиеся на свой турнир на сей раз не на лоне природы, а в центре города. Хождение по вертикали оказалось успешным: стена и восходившие не пострадали.

Борис ИВАНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО БОГДАНА

Без духового оркестра и приветственных речей в Московский государственный институт культуры неожиданно вернулся его «блудный сын» — Богдан Титомир. Полтора года назад он — студент отделения культурно-просветительной работы — ушел в академический отпуск никому не известным самодельным певцом. Время отлучки Богдан использовал для того, чтобы стать звездой молодежной поп-музыки и «секс-символом СНГ».

Теперь с новой (высокой!) энергией основатель стиля «хай энерджи» вгрызается в гранит науки. Свое решение продолжить учебу он объяснил просто: «Высшее образование — это оплот. Без него никуда». Подкатив к родному вузу на собственном «Форде», Богдан дал ясно понять, что его дела идут неплохо.

Зная ветреный характер кумира, поклонники, коих немало в стенах МГИКа, задавали ему один вопрос: «А как же музыка?» «Это не вечно», — вздыхала звезда. Подобно Константину Боровому, покинувшему свою

биржу ради лавров политика, Богдан собирается оставить музыкальный Олимп и пуститься в свободную стихию бизнеса. Род будущих занятий Титомира остается коммерческой тайной. Пока же певец решил сосредоточиться на учебе в институте. А студентки всех факультетов вуза усиленно завздохали по неженатому «секс-символу», благо он теперь часто перед глазами.

Сергей САФРОНОВ

Я ПОВЕДУ ТЕБЯ... В ТУАЛЕТ!

Для жителя любого крупного города туалет — место святое. Обидно и больно, когда его рядом нет, когда его приходится долго и зачастую безуспешно искать. Но зато если найдешь...

Раньше ведь как? Мало их было, грязные они были, серые, неприятные, но... были. Да и чистые иногда встречались — в кафе, в кинотеатре, во Дворце съездов, наконец. В последний, говорят, сам Михаил Горбачев захаживал, когда с народными депутатами в кулуарах советовался. До сих пор служители помнят.

Сейчас просто так в кафе не зайдешь, да и осталось их — некооперативных — кот наплакал. А те, что кооперативные, — со швейцаром. Этот не посочувствует. В некоторых нынче коммерческие магазины. На Тверском бульваре, к примеру, под

землей. В вокзальные же хотели одно время вход по железнодорожным билетам сделать, наподобие залов ожидания. Но, сказав «а», сказать «б» начальство все-таки не решилось. Опасалось, видимо, народного бунта.

Остались, однако, и бесплатные «места общественного пользования». На Новослободской улице, в аккурат под окнами газеты «Культура». Настоятельно рекомендую. Но только с противоголоном. Хотя двери настежь в течение дня распахнуты, амбре там не из приятных.

Наверное, не случайно первое повышение цен времен перестройки коснулось именно сферы бытовых услуг, вернее, той ее части, что непосредственно связана с вопросами бытия: «Быть или не быть?» — возникает иногда и такая формулировка. Так от кого же зависит наша жизнь и наше благочестие?

Ответ на этот вопрос я честно пытался найти в течение месяца. И — в чем опять-таки честно признаюсь — не нашел. Из правительства Москвы посылают в правительство же, но только в другой департамент. Из департамента — в организацию со сложной аббревиатурой

«Мосжилинж». В «Мосжилинже» выясняется, что «у нас таких мелких подразделений более трехсот» и где что находится никто из служащих, которые на обеде, не знает. В результате настоятельных просьб, многократных предъявлений редакционного удостоверения и спринтерского бега по основным отделам «Мосжилинжа» выяснилось все же, что у городских туалетов хозяин есть. Это — Московское городское управление сантехнических работ. Находится это управление рядом с метро «Пролетарская». Хотя «находится» — слишком громко сказано. Мое посещение царских хором закончилось плачевно. Никого, кроме труженников бухгалтерского учета, я там не обнаружил. «Все ушли», — было мне сказано. На осмотр «сооружений». Но одну пикантную подробность узнать все-таки удалось. Оказывается, в Москве есть туалеты стационарные, а есть (вниматель!) передвижные. Наверное, это те, которые неизменно сопровождали демонстрации и парады на Красной площади. Ходят слухи, что существует даже карта московских туалетов, но она в кооперативной продаже пока не

появилась. Пока?

Пришлось и мне недавно метаться в поисках туалета. Было это во время знаменитого концерта на Красной площади с участием «звезд» российской и зарубежной эстрады. И только хорошая память спасла меня от неминуемой гибели. Старый добрый туалет у «Метрополя» по-прежнему работает. Несколько лет назад он — почти одновременно со сверкавшим рядом «Метрополем» — закрылся на ремонт. Не так давно открылся снова. Цены — умеренные, а по нынешним временам — и не цены вовсе. Основная услуга — рубль. Остальные (чистка, глажка и так далее) — в соответствии с прейскурантом. Я верю, что это — свободные цены. Я верю, что туалет — это рынок.

Уже в самом начале перестройки московскую общественность удивляла и интриговала разница в ценах на одну и ту же, в общем-то, услугу: где-то десять, где-то пятнадцать, где-то двадцать копеек. С течением времени, с ростом темпов инфляции, стоимость «добрых услуг» тоже возросла, но первоначальная пропорция осталась неизменной. Загляните как-нибудь на досуге — и убедитесь, что я прав.

Рис. А.Зайца

Туалет у «Метрополя» чистый, жрица облачена в белый халат, как и принято в хороших домах. Стены облицованы кафелем радующей глаз расцветки, в углу — цветочки. Посетителей нет, и отдохновение наступает мгновенно. Совсем не хочется туда — наверх, в светлую, пустую жизнь, где нет большой радости, чем после долгих скитаний спуститься, наконец, в подвальчик с сияющими на свежеекрасненной двери буквами «М» или «Ж». Уж такова она, наша безумная жизнь.

Эдуард ДОРОЖКИН

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Через двадцать лет в русских интеллигентских домах будут висеть портреты Писарева, Добролюбова и Чернышевского.

Забудут, что Чернышевский написал дурацкий и скучный роман. Будут помнить другое — гражданскую казнь, мужественное поведение в ссылке. Впрочем, роман «Что делать?» не будет казаться дурацким. А освобождение женщин? В конце концов тем, что я сейчас сижу и пишу этот материал, я отчасти обязана Николаю Гавриловичу.

Виновиком всех несчастий России будут считать Столыпина. Вспоминать о нем будут исключительно в связи со столыпинским галстуком и высказываниями Льва Толстого, который называл политику Столыпина «злодействами», а его самого «зablудшим человеком, которого надо пожалеть».

О православии, монархии,

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

ПЯТЫЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ

поручиках Голицыных будут говорить с иронией. Так же, как и о людях девятых годов, которым все это жутко нравилось. В самом деле — белые в гражданскую войну вели себя ненамного лучше красных, отпрыски царской фамилии семьдесят пять лет спустя, засеяв по разным европейским столицам, обвиняли друг друга в самозванстве, а церкви разножались делением, как крокусы, и святые отцы устраивали коммунальные склоки. Двадцать лет спустя будут удивляться, как в свое время этого могли не замечать, и будут считать предыдущее

поколение людьми милыми, но глуповатыми.

Почему я так в этом уверена? Потому, что, как показывает жизнь, за каждый промешуток времени должно быть произнесено (написано, сделано) определенное количество глупостей. Вопрос лишь в том, к очень трагическим последствиям они приведут или к не очень... Утешаться можно тем, что, если у каждого поколения есть свои глупости, оно, по крайней мере, не повторит глупостей поколения предыдущего.

Может быть, я не права насчет Чернышевского. В моде будет что-нибудь дру-

гое. Например, непротивление злу, голый махатма Ганди, босой Толстой. Но мне почему-то кажется, что уклон пойдет во всякие левые движения. Что нам предсказывают на ближайшие годы? «Дикий капитализм», обнищание масс, эксплуатацию. «А деспот пирует в роскошном дворце, тревогу вином заливая, но грозные буквы на белой стене чертит уж рука роговая...» (кстати, хорошая песня).

Поражение есть победа. То, что кажется нелепым и смешным сегодня, завтра будет выглядеть совсем по-другому. Как на чертовом колесе: если сейчас находишься в самом низу, значит, через десять минут сможешь любоваться городом с высоты птичьего полета и швырять вниз пустые бутылки.

«Что ж, прощайте, поручик! До свиданья, корнет» — как поет Жанна Бичевская. То же, кстати, хорошая песня.

УСАДЬБА «УЗКОЕ» — НАША ГОРДОСТЬ И ПЕЧАЛЬ

«Узкое» — в прошлом имение князей Трубецких, а с 1922 г. — санаторий Российской академии наук. Известное до революции как интересный памятник архитектуры и садово-паркового искусства, в наши дни оно стало ценнейшим памятником отечественной истории, науки и культуры. С ним связаны имена многих выдающихся ученых, писателей, художников, актеров, которые здесь работали, лечились и отдыхали.

Переданное в 1922 г. решением советского правительства Российской академии наук под санаторий «для реабилитации здоровья ученых», «Узкое» с тех пор стало одним из лучших академических подмосковных санаториев. Расположенный в обширном парке с четырьмя прудами, красивыми рощами и полянами, санаторий сохранил атмосферу особой интеллигентности, упорядоченности и демократизма, утвердившихся здесь с давних пор.

К великому сожалению, санаторий-усадьба, который в любой цивилизованной стране был бы окружен особым вниманием и заботой, в последние годы приходит в упадок. Здание давно не ремонтировалось и разрушается. Территория парка, пруды засорены и захлаплены. И хотя в 1979 году решением Моссовета он был объявлен памятником садово-паркового искусства, где строго запрещалось «разводить костры, рвать цветы, ломать деревья, выгуливать собак...», запреты эти мало кто соблюдал, а моссоветовские чиновники о своем решении забыли.

По тропинкам парка давно разгуливают группы нетрезвых людей, горят костры, бегают собаки. А в 1990 г. популистски настроенный Моссовет, «идя навстречу требованиям населения», распорядился снять охрану и с парка, и с санатория. Прямым следствием этой непродуманной акции явилось то, что территория превратилась в «проходной двор». Оставшиеся еще беседки и скамейки на полянах поломаны, в парке почти исчезли цветы, белки стало меньше птиц. Появляются на прогулочных дорожках, особенно в праздничные дни и в вечернее время, для обитателей санатория, среди которых много пожилых людей, стало небезопасно...

Письма дирекции санатория и отдыхающих ученых мужей руководителям Моссовета, министрам Бакатину, Губенко, даже Председателю Совета Министров Н.И.Рыжкову с просьбой о помощи не дали результатов. Чтобы хоть как-то уберечь санаторий и отдыхающих от возможных эксцессов, дирекция была вынуждена нанять за счет своего более чем скромного бюджета дежурных милиционеров, выплачивая

им по 15 рублей за каждый час круглосуточно.

Однако город наступает на «Узкое», грозит разрушить, поглотить его. И если не принять должных мер, судьба его предрешена. Окруженному многоэтажными домами, в которых, судя по всему, проживают не самые доброжелательные люди, ему становится все труднее защищать себя.

После ликвидации этой зимой союзной Академии наук положение еще больше осложнилось. Российская академия наук, ставшая ее преемницей, пока не имеет средств для оказания финансовой поддержки «Узкому». Между тем его расходы после либерализации цен возросли во много раз, а стоимость однодневного пребывания в нем теперь более пятисот рублей. В результате число российских ученых в санатории резко сократилось. Чтобы пережить трудное время, а точнее, чтобы выжить, путевки продаются иностранцам.

Всему этому нужно положить конец. Усадьба «Узкое», которая существует уже более 300 лет, должна быть сохранена для будущих поколений.

А.МАРКОВ,
доктор исторических наук

Москва

«НЕМЦЫ», ВЫРУЧАЙТЕ!

Наша высшая школа погрузилась в какой-то анабиоз: все чего-то ждут, а деградация теперь идет прямо на глазах. Убожество в аудиториях, в лабораториях, в программах. Студенты по ухваткам и общему уровню напоминают ребят в «комках». А что же преподаватели? Многие из них — увальш — не на высоте. Широко «практикуются» опоздания, неявки на работу, плохое ведение занятий, формализм. И на все один ответ: платят мало! Парадоксально — посещаемость занятий студентами сейчас выше, чем преподавателями. Типичная картина: толпа мечущихся студентов ищет своего преподавателя, а он в это время сидит дома, смотрит телевизор и возмущается происками коммунистов или демократов, а также дороговизной и малой зарплатой.

Есть некоторая активность в профсоюзных организациях вузов. Но эта активность либо чисто халужническая, либо явно деструктивная, ибо требовать повышения зарплаты под угрозой забастовки неконструктивно: ясно, что повысить оклады одним можно, только отнять деньги у других.

Несправедливо было бы утверждать, что администрация бездействует. Отнюдь. Мелькают на объявлениях новые словечки: колледж, бакалавр, магистр и т.д. Заседают, совещаются, встречаются. Шаркают ножками по паркету, когда приезжают иностранцы, сами

ездят за границу. Коммерциализируют образование. Хочешь поступить в вуз — плати. То, за что раньше сурово наказывали, сейчас делается открыто. Конечно, в вузе особенно не разживешься, поэтому самые ловкие деятели, к счастью, уходят из высшего образования в коммерцию.

Фактически мы сейчас совершаем тяжкое государственное преступление. Мы обрекаем тысячи молодых людей на жалкое существование в будущем нормальном обществе. Ибо то образование, которое мы им даем, нигде не годится. Можете негодовать, возмущаться, но это факт. Что же делать?

Как это ни печально, но путь только один: пригласить компетентных иностранцев. Сначала попросить их выяснить уровень каждого вуза, и если он ниже допустимой нормы, то это заведение просто закрыть. Там же, где дело не совсем безнадежно, возглавить вузы должны все те же иностранцы. Пусть выясняют с помощью экзаменов профессиональную квалификацию преподавателей, решают, кого сократить и как потом достойно организовать работу.

Важно понять, что сами мы этого не сделаем, ибо каждый из нас в той или иной мере связан с чиновничьей мафией. Ждать, когда установятся новые экономические отношения и рейтинг вуза будет определяться числом безработных с его дипломом, — нельзя. Нельзя подкладывать такую свинью тысячам молодых людей, вступающих в жизнь. К тому же и преподавателям, которых внезапно выкинут на улицу после банкротства их института, будет не легче.

Человек, незнакомый с ситуацией в вузах, может подумать, что сейчас правительству достаточно направить больше средств в вузы — и дела там сразу пойдут на лад. Это не так. Если правительство просто увеличит сейчас ассигнования на вузы, то средства миготом, по традиции, уйдут в песок. Их слопают структуры, к образованию отношения не имеющие. Поэтому прежде всего нужно реорганизовать всю систему высшего образования России, поставив во главу угла студента, преподавателя и Знание. Всех же пиявок, присосавшихся к тощому телу образования, нужно стряхнуть. Но сделать это нам самим не под силу. Сделать это могут только «немцы», как называли у нас в старину всех иностранцев. Ибо они не повязаны намертво, как мы, и они не будут церемониться с наглыми блатниками. Правда, иностранцам придется изрядно заплатить, но это — стоящие расходы!

В.КУЗНЕЦОВ,
профессор

Москва

Леонид КОЛОСОВ

ARRIVEDERCI, ROMA...

Из воспоминаний журналиста и разведчика

Журналист-международник Леонид Колосов достаточно известен читающей публике. Много лет он был собкором «Известий» в Италии. Лауреат премии Союза журналистов, дважды лауреат премии КГБ СССР в области литературы и кино (за книгу «Совершенно секретно» и двухсерийный кинофильм «Досье человека в «Мерседесе», поставленный по мотивам его политического детектива «Прощайте, господин полковник!»), лауреат престижной итальянской премии «Золотой Меркурий» — за вклад в дело укрепления дружественных связей между тогда еще Советским Союзом и Италией. Автор и соавтор более трех десятков книг, киносценариев и пьес... Подполковник внешней разведки КГБ СССР Леонид Сергеевич Колосов был известен лишь весьма ограниченному кругу людей из Первого главного управления Комитета госбезопасности. Впрочем, этот пробел решила недавно восполнить популярная передача Российского телевидения «Золотая шпора». Сегодня мы публикуем воспоминания Леонида Колосова, написанные им для «Столицы».

Родился я в Москве шестьдесят пять лет тому назад. Окончил Московский институт внешней торговли. Кандидат экономических наук. Журналист-международник. Во внешней разведке проработал девять лет с 1960 года, в основном в Италии. Уволен в запас 4 августа 1969 года в звании подполковника. Женат. Трое дочерей от двух браков: Ольга, Ирина и Маша. Прямо как в чеховских «Трех сестрах». Младшая, пятнадцатилетняя Мария, ровесница внуку Донату. Тоже, кстати, неординарная ситуация. Друзей, я имею в виду настоящих друзей, почти не осталось: время и болезни унесли самых дорогих сердцу. Врагов тоже немного: двое профессиональных стукачей из бывшего Первого главного управления КГБ. Не буду называть их имен. Бог с ними. Но оба, пользуясь «совсекретностью» нашей работы, приложили невероятные усилия для того, чтобы я после ухода из кадров КГБ навсегда бы забыл об Италии, закрыли мне выезд — под предлогом трогательной заботы о моей «личной безопасности». Мотивировали они свое «твердое решение» тем, что в оные времена сбежал в Англии кагэбэшник Лялин, который мог меня «знать» по учебе в разведшколе. Впрочем, Лялин был знаком и с этими субъектами, что, однако, не мешало им находиться в длительных загранкомандировках...

И все же есть на свете справедливость. Побывал я совсем недавно в Риме. Итальянскому телевидению захотелось услышать мнение бывшего подполковника советской внешней разведки по проблемам терроризма, и оно пригласило синьора Леонида Колосова принять участие в «круглом столе». Я очень люблю

Италию, и она все-таки позвала меня, чтобы вновь с ней поздороваться, а может быть, заодно и попрощаться. Кто чего может утверждать в наше смутное время?..

О Риме можно рассказывать очень много. А можно мало. Достаточно промолвить: «Ты прекрасен, Вечный город!» — и все поверят. Потому что Рим есть Рим.

Давно ли зародилась моя любовь к Вечному городу? В далеком, далеком детстве, когда отец решил вытащить меня из хулиганской группки подростков-болельщиков футбольной команды «Спартак», подсунув мне довольно объемистую книжницу аналогичного названия. Спросите у любого современного итальянца: кто такой Раффаэлло Джованьоли? И он вам честно ответит, что не знает. А я, прочитав отцовский книжный презент, уже мог с уверенностью сказать, что Джованьоли — это сподвижник Джузеппе Гарибальди, освободителя Италии, и великий писатель, создавший самый интересный роман о легендарном Спартаке. И вот с тех детских лет «заболел» я Италией. Больше всего на свете мне хотелось увидеть Колизей, беломраморный цирк, на арену которого выходили мужественные гладиаторы, ту самую арену, с окровавленного песка которой начал свой трагический путь к свободе вольнолюбивый и любвеобильный Спартак.

Во время войны, работая на бывшем рентгеновском заводе фрезеровщиком, когда сие предприятие в 1942 году неожиданно эвакуировали в забытый богом казахский город Актюбинск, много раз пересказывал я исторический роман Джованьоли своим коллегам по цеху, в основном бывшим уголовникам и досрочно осво-

божденным политическим заключенным. От уголовников и я, в свою очередь, набрался всяких полезных житейских премудростей, которые потом оказались бесполезными в моей разведывательной работе. При помощи незатейливой железки я научился открывать довольно сложные замки, не раздумывая бить первым, когда нависала угроза быть избитым превосходящими силами противника, не предавать друзей, даже если они оказывались не совсем порядочными людьми, обязательно отдавать долги, особенно карточные, и, самое главное, я научился каким-то шестым чувством отличать порядочного человека от фраера, то бишь сукина сына. А сие чрезвычайно важно в разведывательной работе — сразу же почувствовать, с кем ты работаешь: с честным агентом или с «подставой» противника.

Отремела война, закончил я десятилетку и поступил в Московский институт внешней торговли. Опять-таки не без тайного желания попасть в Италию и посмотреть на неповторимый Колизей. Во время учебы на валютно-финансовом факультете преуспел я зело в этих мудреных науках и очень пришлось по душе профессору Федору Петровичу Быстрову, читавшему нам основной курс. После сдачи государственных экзаменов профессор забрал меня в Валютное управление Министерства внешней торговли СССР и сделал меня сразу же старшим консультантом с весьма неординарным для молодого специалиста окладом. А через несколько месяцев Федор Петрович вызвал меня в свой кабинет и произнес: «Мы тут посоветовались и решили направить вас в краткосрочную заграничную командировку. Через неделю вы поедете в...» — «В Италию», — неожиданно для самого себя выпалил я. — «Правильно, в Италию, — удивленно отреагировал начальник. — А откуда вы знаете? Кадры, что ли, проболтались?»

Да не кадры. Просто сердце подсказало.

Моя командировка проходила в торговле на улице Клиутунно, 46. До сих пор помню адрес! Задание своего шефа я выполнил хорошо. Одновременно написал экономический обзор по Италии за полугодие, чем очень обрадовал торгпреда Павла Ивановича Соловьева, который ровно через три месяца затребовал меня к себе в качестве старшего экономиста. Я, естественно, не сопротивлялся.

Четыре года работы в торгпредстве, конечно же, не прошли даром. Я еще больше полюбил Италию. Мне довелось принимать участие практически во всех больших и малых торгово-экономических переговорах, познакомиться со многими государственными и политическими деятелями, банкирами, капитанами итальянской индустрии, в том числе с удивительным человеком, президентом мощного итальянского нефтематанового общества ЭНИ Энрико Маттеем, чью жизнь много

лет спустя я попытался спасти, уже работая в Италии под двумя «крышами».

Не скрою, что в этот период итальянской своей жизни привлек я внимание тогдашнего резидента, очень милого, но абсолютно неграмотного в итальянских делах человека. На доверительной основе, а иногда приглашая в ресторан поужинать, Пал Николаич получал от меня бесплатные консультации по самым сложным экономическим и особенно валютно-финансовым проблемам, которые ему поставляли итальянские источники, то есть агенты. Может быть, он, добрая душа, и дал на меня наводку в тогдашнее Министерство государственной безопасности, вернее, в его отдел кадров. Кто теперь скажет...

А я, вернувшись в Министерство внешней торговли с «хорошими», как тогда говорили, «показателями», начал работать в Управлении торговли с западными странами и готовить к защите диссертацию на тему «Внешнеэкономические связи Италии после второй мировой войны».

В один из летних дней 1960 года меня срочно попросил зайти тогдашний секретарь парткома министерства, мой хороший приятель, Саша Тутушкин. Войдя в его кабинет, я узрел за столом невысокого человека с очень невыразительной внешностью. Лицо его я бы не вспомнил сейчас, а вот фамилия в памяти осталась. Ласковая такая — Акулов. Саша виновато поглядел на меня: «Так я вас оставлю, а вы побеседуйте».

Товарищ Акулов предложил мне сесть напротив него так, чтобы свет падал мне в глаза и начал душевную беседу. Сначала он подробно рассказал мне мою биографию, особо отметив как положительный фактор отсутствие евреев в моих трех поколениях как по линии матери, так и по линии отца. Затем заявил, что я хороший, грамотный внешнеторговый работник, примерный член КПСС, с истинно пролетарским происхождением, активист и обществу, безотказный помощник «органов» за рубежом и вообще «свой» парень. Далее товарищ Акулов поведал мне о бедственном положении государственной безопасности после расстрела английского шпиона и злодея Лаврентия Берия с его сообщниками...

— У нас плохо с кадрами внешней разведки, товарищ Колосов... Не хотели бы вы у нас поработать?

— В качестве кого?

— Ну, скажем, заместителя торгпреда в Италии с исполнением, естественно, ваших прямых обязанностей...

— А какие это обязанности?

— Ну, этому ремеслу мы вас научим. Итак?

— Можно подумать несколько дней?

— Зачем? Министр Патоличев уже подпisał бумагу о вашем переходе в наше ведомство. Вы имеете что-нибудь против?

— Нет... Но...

— «Но» будет потом. А сейчас готовьтесь к учебе в нашей разведшколе...

Так я оказался в разведке. Перспектива вновь встретиться с Италией оказалась сильнее всяких «но»... В разведшколе, в «лес», как ее тогда называли, нас привезли в конце августа 1960 года. На деревянном заборе, окружавшем уютные коттеджи, была видна полустертая надпись, сделанная мелом: «Школа шпионов». Кто-то из местных, видимо, баловался ночью.

В разведшколе № 101 я окреп, научился хорошо стрелять из пистолета и других видов оружия, нахально и безбоязненно водить машину, фотографировать во всех вариантах, открывать сейфы, убегать от «наружки», то есть от контрразведывательной слежки, относиться с иронией к законам (советский гомосексуалист — это плохо, а «голубой» кандидат на вербовку — это хорошо), горячо любить всех членов Политбюро и особенно Генерального секретаря, целомудренно относиться к советским женщинам и особенно не желать жены ближнего своего, не бояться тратить крупные суммы казенных денег — лишь бы шли на пользу строительства «коммунизма», прикидываться эдаким рубахой-парнем, которому море по колено, беречь как зеницу ока своих немногих, но проверенных долгими годами истинных друзей и даже прыгать с парашютом, правда, с существовавшей тогда вышки в ЦПКИО им. Горького...

Попал я по распределению в один из европейских отделов Первого Главного управления КГБ СССР и сразу же понял, что завет моего наставника из 101-й школы: «Чем меньше знаешь, тем дольше живешь», завет очень правильный. Даже самая говенная бумажка несла на себе гриф «совершенно секретно», не говоря уже о страшных документах «особой важности», то бишь делах зарубежных агентов, «телег» на ненадежных советских граждан (потом их назовут диссидентами) и так далее. Зато уж здесь я причислился к «немецкому» порядку: попробуй забудь что-нибудь где-нибудь или, не дай бог, потеряй.

Я продолжал готовиться к защите диссертации, убрал все свои советы о пользе опыта итальянского государственного капитализма для строительства светлого коммунистического общества в отдельно взятой стране. Опубликовал несколько статей о политике и экономике Италии в некоторых журналах и газетах, в том числе во «Внешней торговле» и в «Известиях». Однажды вызвал меня в свой кабинет начальник отдела. Перед ним на столе были разложены ксерокопии моих статей.

— Мой дорогой (он ко всем относился очень ласково), вы, оказывается, обладаете еще и журналистскими способностями?

— Да, пописываю кое-что. Вот диссертация...

— О диссертации потом. А что если вам поехать в Италию корреспондентом «Известий»? Алексей Иванович Аджубей мой приятель.

Через неделю я сидел в кабинете главного редактора «Известий» и зятя Никиты Сергеевича Хрущева (что было весьма немаловажно) — Алексея Ивановича Аджубея.

Разговор состоялся для меня неожиданный и стремительно короткий, как автоматная очередь.

— Мы читали ваши статьи по Италии.

— Большое спасибо.

— Плохие статьи, унылые, не для широкого читателя.

Моя челюсть отвисла от такого поворота разговора.

— Хотите опять в Рим? Собственным корреспондентом «Известий»?

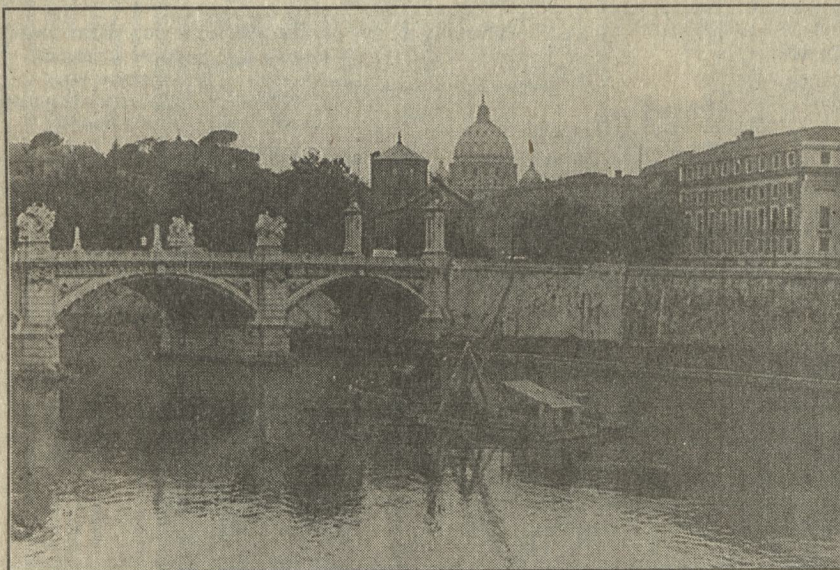
Я промычал что-то нечленораздельное.

— Итак, на следующий день выходите на стажировку в иностранный отдел. Я уже дал соответствующее указание. Стажировка будет минимальной. В августе вы должны быть в Риме.

И вот я вновь в Италии. Собственный корреспондент «Известий». Но помимо статей для газеты мне надо было заниматься и основной работой. Я получил в наследство от своих уехавших коллег нескольких уже работавших с нами, проверенных итальянских агентов. Но нужно было искать и вербовать новых. Основное направление мне было определено в нескольких, так сказать, ракурсах. Государственные и политические деятели страны, их окружение. Экономика, внешняя и внутренняя политика. «Итальянское социальное движение», то бишь неофашисты. Левые экстремисты и терроризм вообще. Мафия и ее связи.

Я работал со многими итальянскими агентами, некоторых из них завербовал лично. Многие умерли за долгие годы, пролетевшие с того момента, когда я поставил точку на своей разведывательной деятельности, некоторые еще живы. Но я поклялся памятью своей матери никогда не называть их имен. Они уйдут вместе со мной в могилу. А в своей новой книге «Собственный корреспондент в Италии» я расскажу о двадцати одной разведывательной операции, некоторые из которых были поистине уникальными...

Представьте себе летнюю ночь 1966 года. Окрина Рима. Небольшой парк. Скамейка. На ней уже ждет мой агент, высокопоставленный политический деятель весьма преклонных лет. В Вечном городе идут торгово-экономические переговоры о строительстве на Волге при участии концерна «Фиат», автомобильного гиганта. Переговоры зашли в тупик. Итальянская сторона требует по предоставляемому нам долгосрочному кредиту восемь процентов годовых, наш Совет Министров дал разрешение советской делегации только на шесть процентов. Министр автомобилестроения Тарасов собирает чемо-

Тибр с его уникальными мостами и не очень чистой водой...

даны и грозит отдать «делку века» французской фирме «Рено». Все это я с грустью рассказываю моему высокопоставленному агенту. Он тоже не хочет, чтобы мы убежали к «Рено». Подумав, он назначает мне встречу на этом же месте через день. «Я помогу, — уверенно говорит агент. — У меня великолепные связи, и я, по-моему, кое-что знаю...»

На следующей встрече мой добрый друг приносит кое-какие документы, из которых следует, что итальянская сторона может пойти на существенные уступки по кредиту. «Я кое с кем переговорил, — заявляет он на прощание. — Они окажут нужное влияние на нашу делегацию.»

На другой день, получив мою информацию, министр с железной твердостью требует от итальянцев 5 процентов годовых по кредиту, они после некоторого колебания соглашаются на 5,6 процента. «Делка века» заключена. Министр Тарасов просит моего резидента «расцеловать того парня» и, по возможности, «щедро наградить».

Дня через три после этого из Центра приходит телеграмма: «За умелую работу с агентом, в результате которой была получена ценная экономическая информация, принесшая большую выгоду Советскому государству, приказом руководителя нашего ведомства тов. (здесь стоял мой псевдоним) награжден ценным подарком». Подарок я получил, приехав в отпуск. Великолепную двустолку ручной работы 12-го калибра с серебряной именной нашлепкой. Несколько позже итальянский еженедельник «Астролябио» выразил «большое удивление» по поводу того, почему, мол, Советский Союз получил такой дешевый кредит при строительстве автомобильного завода в Тольятти? А вот так получилось... Кстати, разница между обычной, «европейской», так сказать, процентной ставкой по аналогичному креди-

ту, и той, которую предоставила итальянская сторона, составила, по расчетам «Астролябио», около 38 миллионов долларов. Ну и что? Торговля, она на то и есть взаимовыгодная.

И еще хотел бы я вспомнить замечательного итальянского политика и очень талантливого промышленника — президента мощнейшего в Европе нефтеметаллового концерна ЭНИ инженера Энрико Маттея. Это он послал к чертям многолетнее господство на нефтяном рынке международного картеля «Семь сестер», грабившего нефтедобывающие страны. Это он в самый разгар «холодной войны», вопреки строжайшему американскому «закону Беттла», продал Советскому Союзу, бывшему теперь, трубы большого диаметра в обмен на советский газ, построил итало-советский газопровод, заключив еще одну многомиллиардную «делку века», невиданную доселе в истории наших торгово-экономических отношений с Италией. Это он не послушал настоятельного совета своего старого знакомого еще по пятидесятым годам Леонида Колосова потихоньку уехать из Италии на отдых в Крым или еще куда-нибудь подальше, потому что ему грозила смертельная опасность.

От одного из своих агентов мне удалось узнать, что на Маттея готовится покушение. Авторы — разгневанные монополисты из «Семи сестер», исполнители — люди из ЦРУ и мафии: американской «Коза ностра» и сицилийской. Я срочно вылетел в Палермо под предлогом получения интервью у «нефтяного короля» Италии и большого друга нашей страны. Но Энрико Маттея только посмеялся над моими опасениями. «Катись-ка ты, Леонида, к... в Рим, — сказал он хохоча. — Чего ты выдумываешь? Меня охраняют лучше, чем членов вашего Политбюро». И я покотился в Рим.

Главный редактор «Известий» — Алексей Иванович Аджубей, его жена Рада Никитична и «собственный корреспондент» накануне встречи с папой Иоанном XXIII

А 31 октября 1962 года «Известия» напечатали мой некролог «Энрико не вернулся». Его самолет, личный самолет с верным пилотом у штурвала, взорвался в небе между Палермо и Миланом от подложенной бомбы с часовым механизмом...

Пострадал в автомобильной аварии от руки неизвестного злодея и я, хотя она была подстроена для другого. Могу сказать конкретно — для Алексея Аджубея. Он очень хорошо провел переговоры с папой римским Иоанном XXIII. Я не хочу долго рассказывать о приготовлениях к этой сенсационной по тем временам встрече. Шла подготовка по всем линиям: посольской, торгпредовской и, конечно же, нашей — разведывательной, не говоря уже о журналистской. Мне досталось очень много работы. Была задействована практически вся агентура. Заседали, совещались, а мы встречались с агентами практически днем и ночью. Встреча Алексея Аджубея с Иоанном XXIII, вернее, результаты встречи, превзошли все ожидания.

Папа Иоанн XXIII предложил наладить дипломатические отношения между Ватиканом и Советским Союзом, заключив соответствующий договор между указанными разноидеологическими субъектами как между государствами. (И такой договор был бы подписан, если бы вскоре «товарищи по партии» не обошлись так не по-джентльменски с Никитой Сергеевичем Хрущевым.) Папа просил у советской стороны немного: прекратить преследования униатской церкви и чуть-чуть расширить религиозные свободы в Союзе. А взамен давал многое. Так и сказал: «Взамен вы получите трехсотмиллионную армию католиков — борцов за мир, которого так

желает советский народ и его руководитель...»

Не все были довольны «прокоммунистической» позицией Иоанна XXIII. Некоторые назвали его даже «агентом Москвы».

И вот кто-то решил испортить католическую обедню. Конечно, виноват я. Позвонил в корпункт поздно вечером из отеля Алексей Иванович и сказал, что, может быть, поедет на аэродром в моей машине... И я, прекрасно знавший о том, что телефоны днем и ночью прослушиваются, что автомобили, особенно советские, надобно загонять на ночь в гаражи, поскольку терроризм в ту пору захлестнул Италию, пренебрег возможной диверсией, оставив свою «Джувьетту» на ночь на улице. Аджубей поехал утром на аэродром не со мной. А на обратном пути левое перед-

нее колесо моей быстроходной автомашины рвануло на 13-м километре от Рима на скорости 130 километров в час. То, что осталось от «Джувьетты», запечатлел на снимке корреспондент газеты «Паэзе сера», а я оказался в клинике в тяжелейшем состоянии. Приехавшие на место аварии специалисты из нашей контрразведки констатировали, что шина была подрезана так, чтобы лопнуть на большой скорости. Но охотились, конечно, не за мной...

Мой шеф дал в Москву в очень ясную телеграмму: «По возвращении с аэродрома Фьюмичино на 13-м километре от Рима на автостраде Виа дель Маре разбился корреспондент «Известий» Леонид Колосов...» Огорченный Алексей Иванович, получив сие послание, поручил иностранному отделу газеты писать некролог. По возвращении в Москву, после долгого лечения у итальянцев, я прочитал черновик этого некролога. Он начинался так: «Мы его звали просто Леней...»

Я очень люблю Италию. Ее древнюю землю, рафаэлевское небо, синие волны всех четырех морей, омывающих Апеннинский сапог, и, конечно же, ни на кого не похожих певучих жителей его. Может быть, я люблю Италию больше, чем Россию. Может быть, ибо отдано было ей около пятнадцати лучших лет жизни...

Нежным звоном начали свою утреннюю песню колокола Святого Петра. Вставало солнце. Я прощался с Римом здесь.

Arrivederci, Roma. Кто знает, может быть, вернусь...

А вот «Джувьетта» собственного корреспондента «Известий» после аварии, подстроенной не для него...

ГРИГОРИ-ЭЛЕКТРОН

СПОРАДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

• 29 июля •

4 NEWS

Фирма «ГРЕГОРИ-ЭЛЕКТРОНИКС»
предлагает:

- оригинальное программное обеспечение;
- резидентный калькулятор;
- система «АДЛЕР» для ведения договорной и контрактной деятельности;
- прибор «СКАТ» для сварки ЦВХ-труб токами высокой частоты.

Телефон для справок: 930-87-67

КИРПИЧНАЯ МЕЧТА ОЛЕГА ЛЕММЕШЕВА

«Мечтал отец Востриков о собственном свечном заводе. Терзаемый видением больших заводских барбанов, наметывающих толстые восковые свечки, отец Федор приобрел ряд различных проектов, осуществление которых должно было доставить ему основной и оборотный капиталы для покупки давно приобретенного в Самаре заводика».

Примерно такая же мечта не покидала уже несколько лет Олега Леммешева. Хотелось, правда, купить не свечной заводик, а кирпичный, и не в Самаре, а где-нибудь в Подольском. Наконец, свершилось... Фирма «Грегори-Электрон», а вместе с ней и генеральный директор Олег Викторович Леммешев получили в свое владение небольшой кирпичный завод недалеко от Москвы, пока на правах аренды, а дальше — кто знает.

— Представляет, сосны, воздух свежий, комары. Не комары, а лосиды! И наш завод! Мне думается, что это первый частный кирпичный завод в современной России, построенный в 1947 году — и ведь работает и будет дальше работать. А люди там какие! Казалось бы, глухомань, а вы ведь знаете, как живут в российской глубинке. А тут интеллигентные люди, которые к своему заводу относятся как к родному».

— А как вам удалась эта аренда? Насколько вы знаете, руководители таких предприятий не спешат кому-то стряпнаться завязывать какие-либо отношения с коммерческими структурами.

— Удалось с трудом великим. Беда эта наша общая, к сожалению, общественное мнение не багует предпринимателей хорошими отзывами. Мы очень довольны, что наш партнер поверил в серьезность намерений фирмы и пошел навстречу в реализации проекта перевооруждения существующего производства.

— Ваша фирма — строительная. Очередные коттеджи для очень богатых или что-то еще?

— Нет, наша сфера — это, в первую очередь, пром-

пук стеновых блоков и кровельной черепицы из местного сырья. Впоследствии мы собираемся вести строительство коттеджей из производимых нами материалов.

— Вы занимаетесь производством строительных материалов. А можно ли к вам обратиться с просьбой поставить, к примеру, партию кирпича или таких вот строительных блоков?

— Смотря в каком количестве. Мы можем помочь пока на уровне средних и малых партий — производство не набрало еще полных оборотов. Правда, вывозить придется заказчику. Но это временные трудности. Мы сейчас организуем еще одно предприятие под названием «Грегори-Транс», которое и будет обеспечивать нас транспортом для этих работ.

— У меня такое ощущение, что фирма «Грегори» занимается чуть ли не всеми возможными видами деятельности...

— Я не вижу в этом ничего плохого. Сотрудничество с фирмой «Грегори» дает нам сейчас возможность спокойно и подготовленно работать. Ведь не секрет, что сейчас коммерческие структуры неохотно идут на крупные капиталовложения в производство. Это связано прежде всего с общей экономической и политической нестабильностью в стране. Наш партнер идет сейчас на сознательный риск, и мы надеваемся, что он будет оправдан. Ведь, как известно, риск — дело благородное.

— А что еще, кроме стройматериалов, вы можете предложить вашим потенциальным клиентам?

— Знаете, у нас в ходу такая поговорка: «Нет незапущенных производств, есть лишь плохие руки». Сегодня наша фирма может «запустить» практически любое производство строительных материалов. При чем мы не берем за это больших денег. Конечно, речь идет о производстве опять же строительных материалов. Люди раньше не очень охотно вкладывали деньги в «допостройки». Да и сейчас это чисто затратная статья, которая не скоро даст прибыль. Но зато какую прибыль! А мы можем помочь ускорить процесс лишение вожделенного момента.

Кроме того, сейчас — думаю, вы тоже видели объявления подобного рода — появилось много фирм, которые предлагают оборудование для производства разных стройматериалов, например, кирпича. Но ведь недостаточно просто купить такое оборудование. Нужно и правильно его установить, и уметь его эксплуатировать. Да еще очень часто продаются только один станок, а потом выясняется, что к нему требуются еще какие-то дополнительные машины, комплектующие. Да еще бывает, что оборудование это не работоспособно в конкретных эксплуатационных условиях. И представляет такое купленное оборудование без работы. А мы можем подобрать подходящее оборудование, докомплектовать его, помочь правильно установить, обучить персонал грамотно на нем работать. У нас уже есть опыт такого сотрудничества.

— Олег, вот вы сам говорите — вкладывать деньги в производство сейчас нерентабельно. Но тогда почему вы этим занимаетесь?

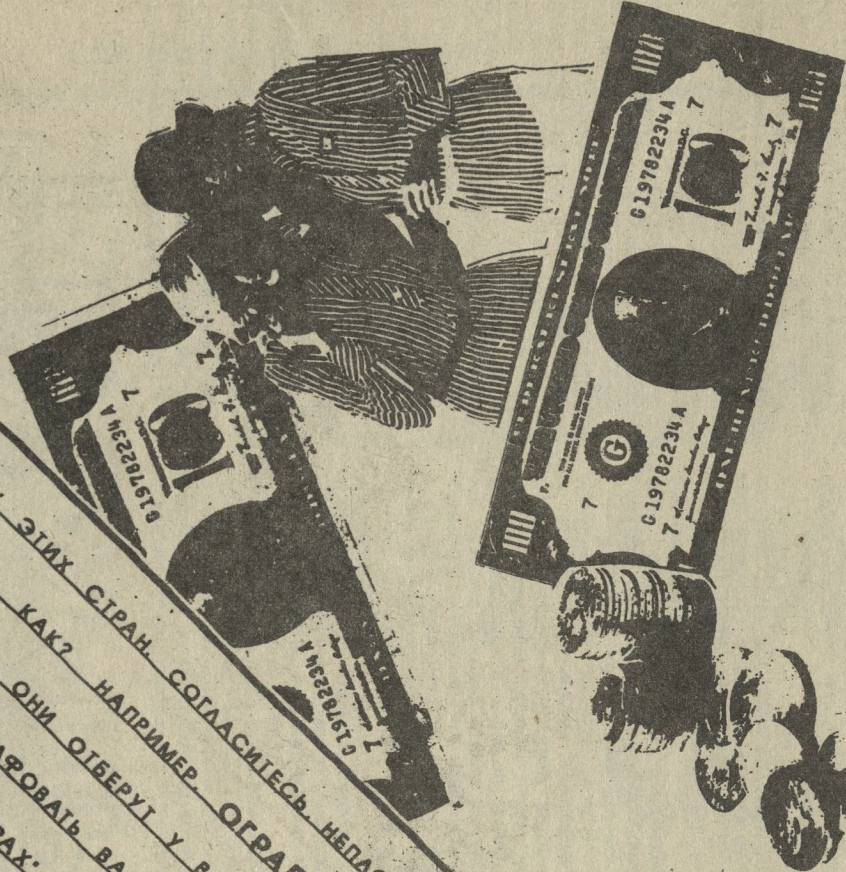
— Мы, конечно, не алтруисты. Но некоторый элемент романтики здесь тоже присутствует. Мы стремимся возродить старинные русские традиции в области строительства и производства строительных материалов. Россия практически полностью утратила то, что было заложено еще нашими далекими предками. Вы посетите на Москву, на Сергиев Посад, на другие старинные русские города. Какие прекрасные там здания! И не только каменные, но и прочные, построенные на века. По-моему, ориентация на Запад, в этой области не совсем правильная. Естественно, мы будем использовать западные разработки — в области новых технологий, наук в ближайших годы их не дотянуть. Но в основном нужно восстанавливать русские традиции, возродить то, что мы потеряли.

— Насколько я понимаю, дело это сложное, вероятно, одной фирме и не под силу...

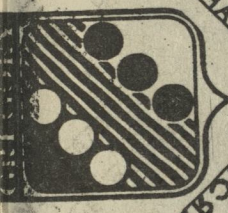
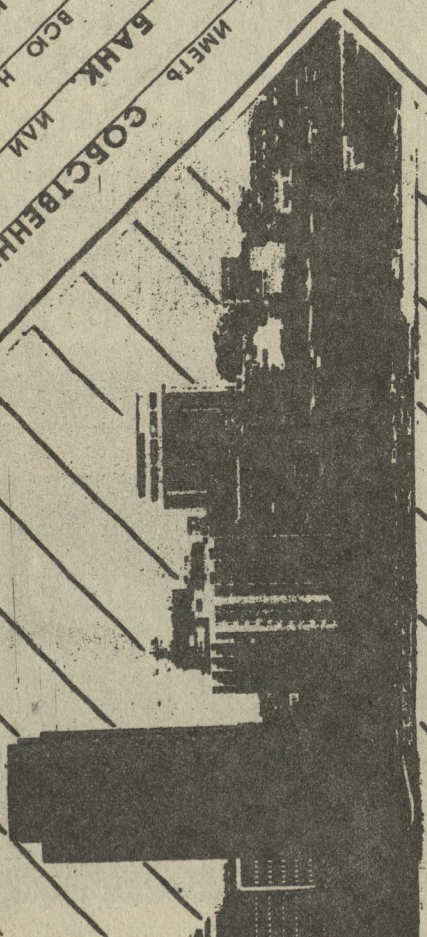
— Откровенно говоря, нам сейчас очень нужны деньги. Мы готовы работать со всеми, кто захочет вкладывать свои средства в производство стройматериалов, в строительство, будь то коммерческие фирмы или государственные структуры. Нам нужна поддержка в государственном масштабе. Ведь такая деятельность выгодна прежде всего государству. Например, мы совместно могли бы решить проблему с трудоустройством, и предоставленная жилая для военных, возвращающихся сейчас в Россию. Построили бы кирпичный завод, вокруг него небольшой жилой поселок — вот вам и рабочие места, и жилья.

НЕАВИЖИМОСТЬ. В ЭКОНОМИКУ ЭТИХ СТРАН СОГЛАСИТЕСЬ НЕПЛОХО
 ДОПАСТЬ В ЛАПЫ МАФИИ КАК? НАПРИМЕР, ОГРАБИТЬ
 ПОЯВИТЬСЯ ПОЛИЦИЯ И ОШТРАФОВАТЬ ВАС НА
 НОВЫ ИЛИ ПРОИГРАТЬСЯ В ПУХ И ПРАХ: ИЛИ НА
 РЕВОЛЮЦИИ И БЕГОТНЯ ПО
 ДУМБИЯ... ПРЕКРАСНЫЙ ОТ
 ТО, ЧТОБЫ СНАЧАЛА НА-

УЧИТЬСЯ, А ПОТОМ
 БЮРОКРАТИЧЕСКОМУ КРУГУ
 ВСЮ НАЛИЧНОСТЬ, ВСЮ И ТОГДА ВАМ ЕЩЕ
 КРУГЛЕНЬКУЮ СУММУ, ЕСТЬ ПОКЕР
 ИМЕТЬ СОБСТВЕННЫЙ ЗАВОД, СКАЖЕМ, В
 НАРКО... РУАЕТИ... ГРАБИТЬ... ВАС ПО... РАНИ... ЧАК...
 КАЗИНО, ЕСЛИ
 ДОЛЛАРОВ, ПРИМЕТСЯ
 БЕВЬГИИ, ЕСЛИ
 ИЛИ ЖЕ

Великий провал в жизни уже случился. Он произошел тогда, когда крупные капиталовложения превращаются в серую массу, приносящую доход производителям. Конечно, будет заниматься и строительство, но чуть позже, когда фирма встанет на ноги.

— Да я знаю, ваша фирма существует совсем недавно. Наверное, спрашивать вас о том, что уже сделано, было бы не слишком корректно. И все же — наверняка что-то уже успели?

— Мы существуем недавно как фирма «ГРЭГОРИ-БИЛД». Но костюм нашего коллектива сложился довольно давно. И, естественно, определенная работа была проведена. Идет полный ход создания совместного российско-иранского предприятия в Криму. Оно будет ориентироваться на вы-

КРИМ-ПРЕСС

Это одно из новых информационных агентств, специализирующееся на криминальной информации. Оно создано в декабре 1992 года с участием фирмы «ГРЭГОРИ».

Сегодня мы беседем с его генеральным директором Кириллом Петровичем ОРЛЕНКО.

— Кирилл Петрович, а почему такой интерес к криминальной информации?

— Эта информационная ниша до нас была относительно свободна. А интерес к криминальным сообщениям всегда был и будет, пока существует человечество.

Идея создания такого агентства возникла еще три года назад у президента агентства Никиты Павловича Демидова. Сначала она существовала в виде неохотимости создания команды журналистов, которые могли бы мобильно отпарывать в различные точки страны в случае возникновения там чрезвычайных ситуаций. Но тогда эта идея не получила поддержки. Только с приходом в ТАСС нового генерального директора В.Н. Игнатенко дело сдвинулось. При чем на качественно ином, более высоком уровне была создана не просто группа журналистов, а новое агентство, специализирующееся на криминальной информации.

У нас очень прочные связи с ТАСС. К примеру, мы не стали формировать собственную корреспондентскую сеть и

в России, и за рубежом, а используем информационно, поступающую по каналам ТАСС. Однако информация эта поставляется специально для нас — большое количество собственных корреспондентов ТАСС сотрудничает с нами.

— Но, вероятно, все-таки сложно добиться оригинальности, новую информацию, которую не получает больше ни одно из агентств?

— Сложно, но нам это удается. К примеру, мы первыми сообщили о том, что в Тамбове были найдены останки американских военнослужащих. Информация эта получила большой отклик на Западе, на нее в одном из своих выступлений ссылался В.Ельцин. Вскоре выйдет интервью с Джорджем Вейком, который до этого категорически отказывался иметь какие-либо контакты с прессой.

— А откуда, кроме корреспондентской сети, вы получаете информацию? Если, конечно, это не профессиональная тайна.

— Раскрывать источники я, естественно, не буду. Скажу лишь, что у нас хорошие контакты с Министерством безопасности, ГАИ, разведкой, МВД и другими службами.

— Насколько мне известно, «КРИМ-ПРЕСС» — это не только информационное агентство, но и многое другое...

— Да, у нас есть свое издательство. Выпускаем 50—60 книг в год, специализируемся на приключенческой литературе. Выходит несколько известных се-

рий: «Золотая корона» — это сборники

зарубежных детективов, «Библиотечка Асмодея» — фантастика, «Ужасы». У нас создано литературное агентство «КРИМ-ПРЕСС-Букс», которое приобретает на Западе авторские права.

Мы работаем дивулзиованно, книги «шпиатскими» способами не выпускаем. Например, мы приобрели эксклюзивное право на выпуск книги «Терминатор-2», которая через месяц появится на прилавках магазинов.

Есть у нас и своя торговая сеть, торговый дом «КРИМ-ПРЕСС-Трейд». Это клуб деловых людей, ресторан, два матазина, множество киосков.

Сейчас организуется служба «КРИМ-ПРЕСС-Мультион». Обладатель миниготорного прибора всегда будет в курсе того, что его кто-то размыкает. С нашей помощью представлять любой организации за небольшую арендную плату сможет иметь мультитон в своем кармане.

И еще одна служба — «КРИМ-ПРЕСС-Секьюрити». С 1 августа мы берем за охрану всего здания ТАСС, а также будем оказывать платные услуги всем заинтересованным организациям и фирмам.

и началась наша беседа, к ним подошли местные работки и сумрачно спросили:

— А вы что же, похитить нас будете?

— Да мы, да вот... Аренда одним словом.

— Купите нас Христа ради! А то ночью нет — живи плохо, работы нет, денег не платят...

Будет теперь и работа, и достойная зарплата, и новое жилье, построенное из кирпича, произведенного на этом заводе. Не сразу, конечно, но будет. И увольнять никого не придется — люди, не уходившие со своего завода в самые трудные времена, ведь ли захотят покинуть его теперь. А хороший хозяин опытных работников, знающих и любящих завод, никогда не выгонит.

«ГРЭГОРИ-БИЛД»

115612, Москва, ул.

Борисовские пруды, д. 4, к. 2,

кв. 1

Телефон 394-50-27

Телекс 2926511 для 001407

ГРЕГОРЯВУИД

СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

«ОРСНИ»

Учредитель — фирма

«ГРЭГОРИ»

ПРЕДЛАГАЕТ:

— аудио- и видеотехнику;

— компьютеры;

— продукты питания

производства Венгрии.

Оплата в СКВ и рубльях.

Возможен бартер на лес.

НА ПРОДАЖУ

по наличному и

безналичному расчету:

кожа для верха обуви (производство

Италии, Уругвай),

цвета — черный и коричневый;

кожа для верхней одежды (производство Японии);

цвет — черный;

настоянная игра «САРТАЛ» (русскоязычный вариант), в

тубусах;

автомашинный М-21412 (в Москве);

цвета — белый, «вишня», «гольфстрим», «чарва»,

Телефон для справок 202-82-63

Евдокия ГАЕР:

«СОЗДАДИМ МАЛУЮ ООН»

Фото Б.Кремера

Евдокия ГАЕР в 1989 году была избрана народным депутатом СССР от громадного Дальневосточного национально-территориального округа. Являлась активнейшим членом Межрегиональной депутатской группы. Ученый-этнограф, кандидат исторических наук, занимается проблемами северных малочисленных народов. Сейчас — заместитель председателя Госкомитета по социально-экономическому развитию Севера.

— Сейчас в Верховном Совете готовится закон «Основы правового статуса малочисленных народов Российской Федерации». Кажется, у нас еще не было такой правовой нормы?

— Верно, не было, и принимать закон нужно безотлагательно. Положение малочисленных народов у нас отчаянное, им грозит полное вымирание.

В подготовке этого закона, разумеется, и я участвовала. А сейчас, работая в новом Комитете — Госкомсевере, курирую как раз все вопросы, касающиеся малочисленных народов. И голова пухнет от нахлынувших проблем... Причем это проблемы всех жителей Севера, а не только малочисленных народов. Острейшая из них — перенаселенность северных территорий пенсионерами, которые должны иметь нормальную возможность, если они этого захотят, уехать обратно в свои родные места, откуда в свое время приехали на Север работать. Они должны иметь куда вернуться! В нормальные жилища, в цивилизованные условия, которые им — по возвращении — были обещаны. Где это все? Пустой звук, обман!. А ведь эти нынешние пенсионеры всю свою молодость, активную жизнь отдали суровому Северу в надежде на то, что им удастся обеспечить себе сравнительно безбедную старость. И что они в итоге получили? Северная пенсия сегодня ничего не значит. Сейчас вот добиваемся от прави-

тельства, чтоб северные надбавки к пенсиям не снимали, когда люди уезжают домой.

— А что-то меняется сейчас в жизни аборигенов?

— Один из самых характерных процессов — создание родовых общин.

— Но ведь они и раньше жили родовыми общинами, правда?

— Это так, но нынешние родовые общины — совсем не те, что были в 30—40-е годы. Сам род уже не тот. Традиционный род — это же все родственники, близкие и дальние. Когда-то он был такой структурой, которая отвечала как бы за жизнь всех родственников в родовой общине. Род заботился о питании, одежде, обеспечивал своих членов всем необходимым, в том числе и жильем, вообще окружал всяческой заботой. И члены рода не знали, что такое сиротство: род брал на себя обязанности кормить, растить, одевать, воспитывать, опекать детей, остающихся после смерти близких.

При советской власти все это распалось, образовались колхозы, совхозы... И теперь все проблемы, свалившиеся на нашу Россию, больно сказываются на малочисленных народах. Чтобы как-то справиться с ними, и воссоздаются эти родовые общины — родовые угодья для охотников, родовые кооперативы по изготовлению изделий народных промыслов и прочее. Сегодняшняя родовая община уже включает в себя не всех родственников, а лишь тех, кто живет в од-

ном селе, одном районе. Больше того: в новые родовые общины могут войти уже не только родственники. Для того чтобы организовать такую общину и утвердить ее, надо иметь четкую программу социально-экономического развития данного села, района.

— **А кто утверждает родовую общину?**

— Мы, Госкомсевер. И утверждаем, и выделяем средства на конкретную программу, предложенную общиной... К примеру, недавно у нас были представители Ульчского района Хабаровского края во главе с председателем местной Ассоциации малочисленных народов и главой районной администрации. Они разработали программу возрождения культуры района, различных промыслов. Под нее составили смету расходов на год.

— **Какие традиции и промыслы предполагается возрождать?**

— Ну, скажем, наш традиционный вид «транспорта» — ездовые собаки. Эти чистокровные ездовые собаки, особенно сахалинские, всегда ценились очень высоко. Сейчас, при всех транспортных сложностях на Севере они особенно нужны, но сколько же здесь еще трудностей! К примеру, нечем кормить собак. Значит, мы, Госкомитет, должны выделять туда лимиты для вылова рыбы (частика, скажем) на корм собакам. Кроме того, нужны вольеры для выращивания животных...

— **Могут сказать: в стране разруха, людей бы прокормить, а вы — о собаках...**

— Так и говорят! Не понимая, что это — жизненно важные проблемы для северян. Вообще же, распределяя средства на возрождение Севера, мы стараемся охватить, по возможности, всех. Чтоб никто не оказался обделенным нашим вниманием, не остался в обиде — каждый малочисленный народ, каждый человек.

— **Но ведь раньше-то тоже выделяли Северу большие средства. Где ж они?**

— Да, в отчетах руководителей этих регионов всегда можно было прочесть фразу, ставшую притчей во языцех: «столько-то миллионов рублей освоено в районах проживания малочисленных народов»... И все вроде точно: означенная сумма была «освоена»? Была. В районе проживания малочисленных народов? В нем. Но все дело в том, что все эти миллионы и даже миллиарды рублей просто не доходили до этих народов: деньги оседали, как правило, в райцентрах и шли на совсем иные цели. А тем временем малые народы продолжали вымирать.

Да, наши аборигены форменным образом *вымирают*! Просто не могут

— физически — выжить в нынешних условиях. Десятилетиями всех нас нивелировали, перемешивали, как в одном котле, устранив всяческие традиции, национальные специфические различия, выработанные веками. А ведь от таких различий зависит порой сама возможность выжить.

На севере, к примеру, в рационе всегда было мясо морских животных, диких зверей, рыба, коренья, плоды, орехи, грибы. У каждого народа — неважно, малый он или большой — вырабатывалась физиологическая потребность в этой пище, а не в какой-нибудь другой. Я по себе, нанайке, сужу. Когда долго живу в Москве, мне не по себе. И только тогда, когда приезжаю в родные места, где традиционные для меня продукты, «прихожу в норму». Обратите внимание: мы все, северяне, стали беззубыми, близорукими, полуслепыми, ходим в очках. Когда это было у северян? Регулярное потребление рыбы (то есть фосфора) делало наших северных охотников самыми зоркими, меткими стрелками — они безошибочно били пушного зверя в глаз, чтобы не испортить, не дай Бог, шкурку!

Отказ — вынужденный! — от традиционных блюд привел и к тому, что северяне все чаще заболевают болезнями, которых раньше не знали: сахарным диабетом, ишемическими болезнями сердца, гипертонией и прочими.

— **А многие, как известно, просто спиваются?**

— Ох, да... группа новосибирского академика Казначеева недавно доказала, что наши северные народы, питаясь несвойственной пищей, теряли постепенно иммунитет к воздействию алкоголя: в организме исчезли ферменты, которые его расщепляли. Что это значит? Алкоголь, попадая в организм, полностью им усваивается. Это же страшно! Настоящая трагедия. А сейчас, как вы знаете, представители «больших» народов за любую работу, за всякий товар, за пушнину, рыбу расплачиваются с аборигенами водкой! Без зазрения совести. А это для них отравка, наркотик...

А еще такая беда Севера, как экологическое состояние огромных территорий, изуродованных «покорителями» природных богатств! В общем, везде на Севере — проблемы, проблемы.

— **Что ж, Евдокия Александровна, делать? С чего начинать?**

— Конечно, государство должно выделять деньги. Это не податки. Государство должно наконец отдать северянам долги. Оно им за все эти годы много задолжало. Примерно 20—25 процентов ВВП (валового национального продукта) дает России,

как известно, Север. А нам пока выделили на все про все... 300 миллионов рублей! Капля в море.

Мы очень надеялись на 6-й съезд народных депутатов. Там ведь было запланировано рассмотрение и нашего вопроса — об экономике Севера. Но его отнесли на последний день... Депутаты устали, интереса не проявили. Все было скомкано. Ожидания опять не оправдались. Но позже, в мае, я добилась приема у Егора Тимуровича Гайдара, и, кажется, мы приблизились к решению одного из самых острых сейчас вопросов: при сегодняшних налогах с северных предприятий нам с колен не подняться! Он, по моему, понял, что необходимо с предприятий малочисленных народов снять все налоги и таможенные пошлины.

А чтобы все наши дела двигались, нам срочно нужны квалифицированные кадры из представителей самих аборигенов. Они лучше, чем кто-либо другой, знают наши проблемы изнутри. Такие люди есть, надо их только отыскать и уговорить прийти к нам. А для этого, конечно, нужны условия, главное из которых, самое большое — жилье. Да что говорить о жилье, когда вот создали Госкомсевер, а посмотрите, в каких жутких условиях мы работаем. Теснота, рабочих мест не хватает, нет оперативной междугородной телефонной связи и т.д.

А вообще я мечтаю о том, чтобы у нас, как, например, в Канаде, было специальное министерство по малочисленным народам (а у них, между прочим, целое министерство создано по одному народу — индейцам!). И чтоб в этом министерстве — чайную устроить уютную для отдыха и деловых переговоров, где чай будет приготавливаться из целебных северных трав... И еще мы с коллегами сейчас всерьез готовим Устав «малой ООН», которая бы занималась исключительно проблемами малочисленных народов, чем не занимается пока ООН «большая». Там должны быть представлены малые народы, не имеющие собственной государственности. Вот такая у нас мечта. Я считаю, вполне реальная. Но надо, конечно, чтоб правительство российское поняло нас и поддержало.

Григорий КРОШИН

Недавно созданная
внешнеторговая компания
ищет квалифицированного
бухгалтера с опытом работы
во внешнеэкономических
предприятиях.
Контактные телефоны:
222-08-21
229-69-86

После войны дом Главного маршала авиации Голованова сверкал богатством и красотой необыкновенной

Петр Георгиевич Ердяков — «наследник» Геринга?

Фото Э. Кудрявицкого

Ежели вы, подобно Бажову или Афанасьеву, увлеклись собиранием народных легенд и сказок, вам вовсе не обязательно отправляться в какую-нибудь глухую тмутараканскую деревушку и разыскивать там не менее глухую бабушку-сказительницу. И под Москвой можно найти очень много чего занимательного. Вообще, «преданья старины глубокой» меркнут пред теми чудными историями, что оставила нам в наследство советская империя. Причем истории эти — особого рода: ведь, с одной стороны, — все очень близко, все это происходило буквально вчера; а с другой стороны — столько понагородили в стране высоких заборов и страшных секретов, что всю правду никто, кажется, и не знает. А потому рождаются легенды, сказки новейшего времени, где правда и вымысел смешались необыкновенным образом...

Кирилл РЫБАК

НА ГРАФСКИХ РАЗВАЛИНАХ

Еще шла Великая война, еще много крови и много километров оставалось до Берлина, а советские высшие военачальники уже задумывались о своем грядущем мирном житье-бытье и стремились это житье-бытье обустроить покомфортнее. В январе 1945 года командующий 18-й воздушной армией Главный маршал авиации Голованов начал хлопотать об участке для новой дачи. В апреле того же года Совнарком Союза ССР выделил Александру Евгеньевичу 12 гектаров леса в запретной зоне Истринского водохранилища, близ деревни Лопотово.

Перво-наперво пригнали сюда отряд пленных немцев. Немцы вырыли для себя просторную землянку, огородили маршалский участок глухим забором с колючей проволокой и взялись за главное... Нет-нет, все это пока сущая правда, подтвержденная документами.

А легенда — вот...

Объезжая поверженную Германию, наш главный авиационный маршал наткнулся — не то в Тюрингии, не то в Восточной Пруссии — на симпатичный особнячок. Особняк назывался «охотничий домиком» и принадлежал рейхсмаршалу авиации Герингу (Геринг вообще был изрядный охотник и «сторожки» свои держал во всех концах третьего рейха). Домик ужасно понравился Голованову, и, рассудив не без оснований, что коллеге по авиации строение сие больше не понадобится, Александр Евгеньевич решил домишко «приватизировать». Но, как вы знаете, сменить прописку и место жительства в то время было делом долгим и хлопотным, потому — пусть гора сама идет к Магомету...

Душной летней ночью победного 1945-го над деревней Лопотово с ревом прошла эскадрилья тяжелых бомбардировщиков. Самолеты сни-

зились над лесом и выбросили на парашютах «десант» — несколько больших контейнеров. В этих контейнерах был тщательно упакован разобранный по бревнышку и по винтику «охотничий домик» рейхсмаршала Геринга — со всеми, говорят, хрустальными люстрами, дорогой мебелью, наборным паркетом, редкими картинами, каминами и каминными часами.

А пленные немцы, матерясь по-своему, потом несколько месяцев подряд собирали дом заново. Отстроили особняк (фасад переделали по вкусу хозяина), отстроили сторожку охраны, отстроили конюшню с гаражом и домик для прислуги, провели дорогу, заложили фруктовый сад.

Так рассказывают одни старожилы. Другие спорят: дескать, нет, геринговский особняк завезли сюда не столь экзотичным образом: до Солнечногорска — поездом, оттуда — машинами. Третьи утверждают: дом

строился из местного материала, а уж начинка... начинка — да — трофейная была. Но в том, что после войны дом Главного маршала сверкал богатством и красотой необыкновенной, — сходятся все.

Сколько всего загородных вилл содержал Главный маршал, не знает никто. Но эта — лопотовская — явно была лучшей. Здесь постоянно жила супруга Александра Евгеньевича, здесь же и дети его росли. Место для резиденции Голованов выбрал не наобум — сам он любил и зверя пострелять, и рыбку поудить. А близ Лопотова как раз и рыбалка, и охота отменные были.

Окрестные жители хорошо помнят Голованова, до сих пор отчего-то называют его «баринном». «Барин» был мужик простой, душевный. Выпить любил, побалагурить. Понимал шутки, даже и грубоватые. Ребятишек, что таскали яблоки из его замечательного сада, прощал. На выборы в местные советы приезжал лично, с женщинами раскланивался, с мужчинами здоровался за руку. Счастливчик из местных, которому удавалось большую щуку вытащить, тут же нес трофей к «барину» — хвастаться. «Барин» щуку осматривал и, назвав гордого аборигена «настоящим рыбаком», зычно кричал: «Ванюшка, неси!» И посыльный — солдат Ванюшка — тут же приносил «настоящему рыбаку» стакан водки и закуску.

Ванюшка тот часто появлялся в деревне — «барин» посылал его то косу отбить, то топор на топориче насадить, то пилу наточить. И колхозники с радостью отбивали, насаживали, точили...

Еще иногда старого дядю Казимира звали на дачу — постричь детей. Казимир закончит работу — его тут же просят к столу, кормят балыками, осетриной, икрой, поят редкостной в те годы «Столичной».

Охотился «барин» так: выкатывал из гаража свой «виллис», поднимал брезентовый тент и мчался по колхозным полям, стреляя из любимого карабина по разбегающимся зайцам. А рыбачить отправлялся на собственном катере, от собственного причала.

Семь лет продолжалась эта привольная жизнь в головановском поместье. Но в один далеко не прекрасный день Главный маршал авиации — крепкий сорокадвухлетний мужчина — был отстранен. В энциклопедии значится просто: с сентября 1953 года — в запасе. А что там было на самом деле — Никита ли Сергеевич «освежал кадры» или сам Голованов влип в неприятную историю (старика рассказывают о какой-то попойке на даче, закончившейся для одного из

гостей маршала очень печально), — Бог весть. Но как бы то ни было, а дачу пришлось оставить. Запряг Александр Евгеньевич двух своих любимых коней в телегу, привязал сзади корову, осла — и уехал обиженный. Именно так, запросто уехал, на телеге. Солдата Ванюшку, правда, хорошо пристроить успел: Иван женился на деревенской девушке, получил новую квартиру в Москве.

Здесь кончается легенда и снова начинается быль.

Дача со всеми надворными постройками и садом перешла на баланс хозяйственного управления Министерства обороны. В январе 1954 года ее передал Главному разведывательному управлению. Но что-то у наших штирлицев здесь не заладилось — и через восемь месяцев они от особняка отказались. Пятым (и последним) хозяином усадьбы стал Совет военных охотников центральных органов Министерства обороны (есть и такая организация). Предполагалось, что важные военные охотники центральных органов будут приезжать сюда в отпуск и на выходные — удить рыбу. И приезжали. Удили.

Минуло без малого сорок лет. Дом рыбака (так теперь называется резиденция Главного маршала авиации) изрядно опростился. Если первым его заведующим был отставной контр-адмирал, то теперь тут «командует» подполковник запаса — Петр Георгиевич Ердяков. Публика, конечно, уже «не та». Большие начальники отыскали себе места для рыбалки получше, а из прежних постояльцев в Дом рыбака съезжаются лишь немногие старенькие пенсионеры, не желавшие изменять своим привычкам. Свободные места есть постоянно, и Петр Георгиевич охотно принимает людей «со стороны», не имеющих никакого отношения ни к Министерству обороны, ни тем более к его центральному органам. Странно: места здесь красивейшие, воздух чист и прозрачен, по-прежнему хорошо клюют сазан, щука, налим, в лесах разрешена охота, расценки в Доме рыбака минимальные, да еще усадьба с такой славной историей — а «клиент» не едет. Печалит этот факт Петра Георгиевича чрезвычайно.

Так. Здесь следует все же предупредить читателя: если вы надеетесь в ближайшие выходные отправиться на дачу Главного маршала и пожить там среди маршальской роскоши — то надеетесь вы зря. Роскоши вы там не найдете практически никакой. Два огромных зеркала, пара чудесных старинных шкафчиков (обнаружились в сарае) — вот, пожалуй, и все, что осталось от былого великолепия. И опять же загадка: не то обиженный

Голованов вывез все подчистую, не то военные хозяйственники или разведчики постарались. В общем, особняк стал обычным домом. Старым, ветхим. Огромное окно заколочено, на чудесной веранде расставлены койки, парадный зал разделен перегородкой. Фруктовый сад в 1978 году вымерз. Большую часть «угодий» оттапали соседи — пионерский лагерь и база отдыха. Обломок империи, да и только.

«Хозяин», Петр Георгиевич, тем не менее, в этом «осколке» души не чаёт. Несмотря на стесненность в средствах, все время что-то совершенствует, ремонтирует, подправляет. Сладил неплохой ледник, камеру хранения для постояльцев — чтоб не таскали каждый раз снасти с собой. Сам устраивает нерестилища для мальков, воюет с пионерлагерем, который уж замахнулся и на остатки маршальского сада.

«Как же вы, — спрашиваю, — Петр Георгиевич, подполковник, столько лет проработали в «космических» почтовых ящиках и вдруг стали начальником рыббазы?» «А очень просто, — отвечает, — за все годы службы я себе на дачу не заработал. Но очень хотелось. А тут у меня, можно сказать, почти своя дача, и какая! Огородик собственный имеется, теплица... Потом, интересно здесь чрезвычайно...»

Петр Георгиевич почти наверняка знает, что особняк действительно принадлежал когда-то Герингу. «Видите, кладка какая необычная — в русских домах так не кладут. Здесь бревна обтесаны снизу и сверху и подогнаны как — нож не просунешь. И еще — в 1954 году передавали усадьбу разведуправлению — вот и акт — глядите: перекрытия прогнили, канализация разрушена, дом «нуждается в капитальном ремонте»... Разве новый дом износится так за восемь лет? Значит — привезли!»

Жаль, сам маршал Голованов умер, а то можно было бы точно узнать — «свой» дом или все-таки достался «по наследству» от рейхсмаршала?

А может, и не нужно выяснять точно — вдруг рухнет такая чудесная легенда, где и сокровища дракона есть, и волшебный замок, перенесенный на сотни километров по воздуху, и простоватый гуляка-рыцарь. Причем все это — под боком у Белокаменной. Нужно только встать пораньше, доехать до деревеньки, спросить: «Где тут головановская дача?» — и любой мальчишка вам покажет, где располагается осколок великой империи, окруженный великой тайной.

Игорь ФЕЙН

СТАВКА НА «ПРОФИ»

Кто взойдет на баскетбольный пьедестал на XXV Олимпиаде?

Сказанное подтверждает хотя бы тот факт, что лишь один раз баскетболисты США из Национальной баскетбольной ассоциации (НБА) уступили во встрече с командой не из своей «епархии». История таких встреч насчитывает, правда, всего пять лет, но тенденция налицо: все опен-турниры «Макдональдс» с участием лучших европейских баскетболистов и одного из клубов НБА (они проводятся ежегодно с 1987-го) последние легко и уверенно выигрывали (в том числе у сборной тогда еще СССР как раз в 87-м). Терпели разгромные неудачи испанцы и итальянцы, югославы и французы, то есть задающие тон вне НБА. И только летом 88-го сборной СССР удалось во время турнира «Атланта Хоукс» по нашей стране победить в одном из трех матчей. Случай нехарактерный, именно что случай. «Ястребы» прибыли из отпусков, расслабленные, растренированные, потяжелевшие, с семьями — как бы продолжая отдых. Наши же были на подъеме, усиленно готовились к Олимпиаде в Сеуле, значит, почти в пике формы...

Восемь лет назад, на Играх в Лос-Анджелесе, звезды американского баскетбола уже встречались с некоторыми из тех, с кем предстоит вновь свидеться в Барселоне. Правда, то были звезды не НБА, а любительского, студенческого баскетбола. Впрочем, уже с профессиональными контрактами в кармане. Имена Майка Джордана, Патрика Юинга, Криса Мулина говорят сами за себя, еженедельные баскетбольные обозрения нашего ТВ представили их нам во всей красе. Так что итоги того олимпийского турнира вполне закономерны: всех соперников американцы разбили. Всех, кроме... сборной СССР, которая в Лос-Анджелесе по известным причинам не приехала. Что огорчило самих американцев,

На сто процентов уверен, что один комплект олимпийских золотых медалей из тех, что будут разыграны в Барселоне, можно было вручить давным-давно. Как только наставник сборной США по баскетболу назвал ориентировочный состав своей команды (десять из двенадцати игроков) и получил от них согласие принять участие в Олимпиаде. Ибо ни в одном виде спорта (может быть, в каком-то экзотическом, типа американского же футбола) нет столь разительного контраста в классе между спортсменами одной страны и всеми остальными.

ибо сделало их победу какой-то ущербной.

Это не голословное утверждение, призванное смягчить пилюлю и выдать желаемое за действительное. Сборная СССР была тогда, как никогда, сильна и вполне могла обыграть будущих звезд НБА. Ведь и в ней играли такие же будущие звезды лиги: Шарунас Марчюленис, например, или Александр Волков. А кроме того, был Арвидас Сабонис, еще абсолютно свежий, здоровый, жадный до игры, молодой и день ото дня прогрессирующий.

Поскольку речь о золотых медалях баскетбольного олимпийского турнира в Барселоне уже не идет, интерес представляет лишь то, кто стал финалистом. И вообще баскетбол в Барселоне, по мнению многих, окажется в эпицентре событий. Ведь, по существу, это будет противостояние НБА и всего остального мира.

Так вот, сделаны уже три прогноза. Владимир Кондрашин, выдающийся ленинградский (то бишь петербургский) тренер, завоевавший нам

первую олимпийскую победу двадцать лет назад в Мюнхене, а недавно вместе со своим неизменным «Спартак» выигравший первый и последний чемпионат СНГ, предположил, что в решающем матче со сборной США встретится... сборная Литвы. На это тут же отреагировал давний оппонент литовцев, «Моцарт баскетбола» или, как его еще называют, «мистер 40» (столько он раньше набирал очков, играя за загребскую «Цибону»), Дражен Петрович. Он безапелляционно вывел в финал свою команду — сборную Хорватии. Да, непривычно пока для нашего уха звучат названия этих команд, но пора привыкать. Тем паче, что именно баскетболисты этих двух стран наверняка поспособствуют обретению нами такой привычки. И, наконец, третьим, совсем недавно, заявил об амбициях сборной СНГ ее тренер Юрий Селихов.

В баскетболе команда заявляет двенадцать человек, но на площадку выходят пятеро. Регулярно же из запаса задействуются еще один-двое, максимум трое. Так что расчет всех трех соискателей «серебра» понятен: в Литве и бывшей Югославии баскетбол — национальный вид спорта, октет классных игроков всегда найдется. В крайнем случае можно обойтись и секстетом. Что касается СНГ, то здесь все сложнее.

Еще месяц назад заявление Селихова ничего, кроме улыбки, вызвать не могло. Хорошая мина при плохой игре — и все. Потому что и мало-мальски приличную пятерку он выставить был не в состоянии. А одна-две звезды; как показывает практика, погоду не делают. Уставшего Тихоненко не хватало, чтобы попасть в финал чемпионата Европы—91, что случилось впервые за сорок лет участия наших в этих престижных соревнованиях. Уставшего же Белостенного еле-еле хватало, чтобы выцарапать дома победу над англичанами

в отборочном турнире уже нового, 1993-го года, первенства Европы, хотя раньше мы с ними разбирались с преимуществом в 30—40 очков. Без них, а также без Бережного, Сухарева и Волкова (все пятеро, как вы поняли, играют за рубежом, профи, на них вся ставка) проиграли болгарам, которые после 50-х тоже для нас не соперники. Но как раз их участие в Олимпиаде долгое время было под вопросом.

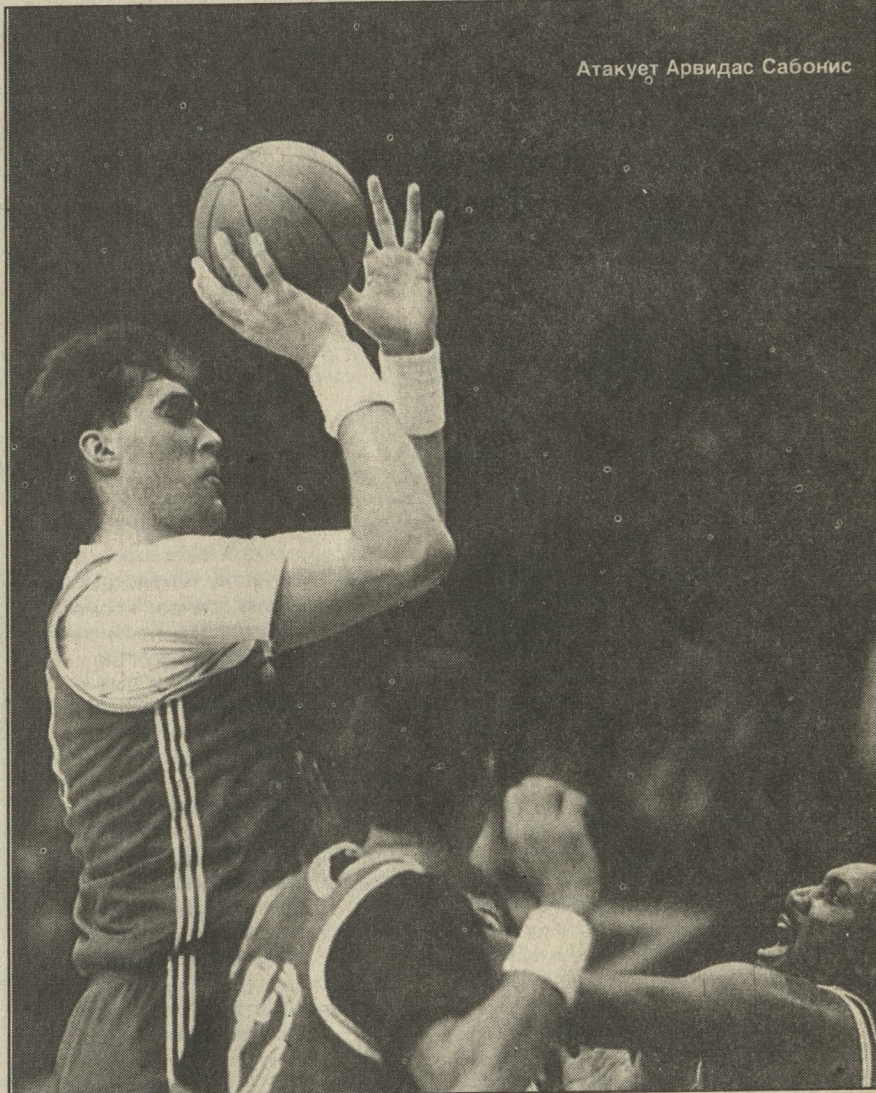
Итак, еще совсем недавно Селихову вроде бы ничего не светило. К тому же вдруг выяснилось, что наши в очередной раз лопухнулись при составлении контракта с зарубежными контрагентами. Речь о Волкове. Оказалось, что мы должны, если хотим увидеть его в сборной, выплатить огромную страховку (впрочем, за Белоостенного тоже — хоть и поменьше). Плюс, коли попадем на Олимпиаду, еще большую сумму — за рекламу. Ибо все права по рекламе принадлежат «Атланте Хоукс». А лучшей рекламы, чем Олимпийские игры, не придумаешь. Причем, даже если «Ястребы» продадут Волкова, ситуация не изменится.

Тем не менее относительно боеспособный состав у Селихова начал вырисовываться. Пятеро опытных «иностранцев» плюс латыши Гундарс Ветра и Игорс Миглиниекс (тоже, в общем-то, иностранцы), из которых четверо олимпийские чемпионы Сеула, это уже кое-что. Да, неожиданно два классных защитника из рижского ВЭФа оказались не в сборной Латвии, а в сборной СНГ. Сами ребята объяснили свое решение тем, что им нужно думать о хороших контрактах на Западе, а в сборной СНГ у них больше шансов «показаться» зарубежным скаутам, нежели в сборной Латвии.

В Риге же их поступок вызвал шквал негативных эмоций. А за эмоциями последовали вполне реальные практические выводы. Ветра и Миглиниекс были уволены из ВЭФа и лишены гражданства. Осудил поступок старшего брата Миглиниекс-младший, оставшийся в латышской команде. Реакция, как видите, вполне совковая и большевистская.

Но, как бы там ни было, шансы сборной СНГ явно повысились. Повысились еще и потому, что МОК согласился с санкциями ООН и югославы автоматически выбыли из борьбы, а это ведь был безусловный фаворит отборочных игр. (Даже разрешение выступить югославам на Играх, но под олимпийским флагом не распространяется на командные виды спорта.)

Мне могут возразить, что у сборной СНГ подбор игроков не хуже, чем у

Атакуют Арвидас Сабонис

вышедших в финал команд Германии, Литвы, Хорватии, и все основные козыри на руках. Есть человек из НБА — Волков. Есть именитые — олимпийские чемпионы Белостенный, Тихоненко, Миглиниекс, тот же Волков, трое из них вместе с Бережным, Сухаревым и Ветрой добыли в 90-м «серебро» чемпионата мира, что тогда справедливо расценивали как сенсацию. Наконец, многие играют в Европе. Солидная вроде бы рекомендация. Однако...

«Иностранцы» действительно опытные и искушены, однако от борьбы на высшем уровне отвыкли: их клубы в европейских кубковых соревнованиях участия не принимают, да и в своих странах не лучшие. Причем Турция, где играет Бережной, и вовсе на задворках баскетбольной Европы. Впрочем, как и Австрия, где выступает Сухарев. Ветра и Миглиниекс после того, как ВЭФ отказался продолжать чемпионат СССР—СНГ,

играли только в первенстве Латвии — обкатка не слишком серьезная.

Говорят, Сабонис, узнав о том, что Литва будет играть со сборной СНГ уже в отборочной подгруппе, аж задрожал от радости и заявил: «Разобьюсь, но не пропущу советских (по привычке так назвал или с умыслом? — И.Ф.) в Барселону...»

Нет, Арвидас ничего не имел против конкретно кого-либо из наших ребят. С Тихоненко, Белостенным, Волковым, Миглиниексом у него просто прекрасные отношения. Но на нашу страну он обижен. И за себя, и за других литовцев. Потому что не отпустили его, 18-летнего, совершенно здорового, амбициозного, только-только произведшего фурор в США, играть в НБА, хотя деньги за него предлагали советской стороне умопомрачительные. Потому что так загнули его, что травмы и посыпались одна за другой (впрочем, будем придерживаться фактов: и он сам, и тог-

дашнее руководство Литовской ССР приложили к этому руку). Потому что из-за своих амбиций тренеры то отчисляли, то возвращали в сборную его лучших друзей и партнеров. Сергеюса Йовайшу, Римаса Куртинайтиса. Потому что украли Олимпиаду-84. Потому что в одночасье выгнали из сборной тренера Владаса Гарастаса, вменив ему в вину неудачу в отборочных матчах чемпионата Европы—91 (а вина целиком и полностью лежала на федерации), забыв об удивительном «серебре» на чемпионате мира—90.

Наконец, Арвидасу всегда претили методы комплектования ЦСКА, который для него, для других литовцев олицетворял весь советский баскетбол, а «движителями» такой политики были Александр Гомельский и как раз Юрий Селихов.

Да и сейчас сборная СНГ, по существу, тот же ЦСКА, с которым в 1985—1987-м уверенно «разбирался» «Жальгирис». Посмотрите: Тихоненко, Волков, Сухарев, Бережной, Миглиниекс, Горин, Базаревич — все они в тех суперфиналах против «Жальгириса» играли и лавров не снискали. Белостенного не было? Так был Ткаченко. А еще Лопатов, Тараканов, Мышкин, Эндс, которые по тем временам на голову превосходили любого из нынешних кандидатов в сборную СНГ, да и сегодня смотрелись бы не хуже. Недаром вопрос о включении Ткаченко, Лопатова и Тараканова в сборную долгое время висел, а сами они выражали полную готовность за сборную сыграть.

Сборная же Литвы — отнюдь не тот «Жальгирис». Во-первых, в ее составе звезда НБА Шарунас Марчюленис. Истинная звезда — не чета Волкову. Один из лучших «шестых игроков» лиги (т.е. лучших, выходящих на замену). Тройка Муллин—Хардуэй—Марчюленис — наиболее результативна в НБА. Личный рекорд — 31 очко (на уровне высших стандартов лиги). Если бы не частые травмы (Шарунас играет в очень жесткий, даже по меркам НБА, баскетбол и не щадит себя), опередил бы всех европейцев по средней результативности. Но и пропустив немало игр, лишь немного уступил Петровичу и немцу Детлефу Шремпу. Да что там долго рассуждать: «Голден Стейтс Уорриорз» продлили с Марчюленисом контракт еще на пять лет и выплатят ему аж 10,6 миллиона долларов. Литовский ас вошел в число самых высокооплачиваемых баскетболистов НБА, значительно превзойдя не только европейцев, но и многих старожилов лиги. Вот такой «профи» — настоящая ударная сила. К тому же Шарунас — исключительно командный игрок,

коммуникабельный и толерантный как на площадке, так и вне ее, умеющий найти общий язык с любым партнером. Все эти качества он и продемонстрировал на предолимпийском отборочном турнире в Бадагосе и Сарагосе, где был назван лучшим игроком.

Не менее грозное оружие — Арвидас Сабонис. Первый баскетболист в Европе, зарабатывающий более миллиона долларов за сезон. Коллеги называют его «наш Фишер». Как когда-то шахматный чемпион Роберт Фишер добился резкого повышения гонораров гроссмейстерам, так и торг вокруг Сабониса, который вели «Форум Филателико» из Вальядолида и один из лидеров НБА «Портленд Трейл Блейзерс», завершился прибавлением денег и самому Арвидасу, и другим звездам европейского баскетбола. Почему и потянулись сильные американцы, ранее, кроме НБА, иного баскетбола не признававшие, в Старый Свет. Недавно Арвидас подписал трехгодичный контракт с «Реалом». Получать станет 3,4 миллиона долларов. Но если литовцы удачно выступят на Олимпиаде, сумма возрастет. Я уж не говорю о рекламных соглашениях и бизнесе. Так что в успехе на Олимпиаде Арвидас заинтересован кровно.

Еще один козырный туз в сборной Литвы (я бы его даже назвал джокером), которого нет у нашей команды, — 22-летний Артурас Карнишовас. Когда два года назад этот нескладный юноша, выделявшийся лишь ростом (202 см) и скоростью, уезжал на учебу из Вильнюса в США, он всего-то ходил в подающих надежды. А приехал в национальную сборную лидером своей университетской команды, поигравшим уже два сезона в студенческом чемпионате Штатов (это та школа, после которой и идут в НБА), вошел во второй состав «Олл старз» первенства. И, естественно, сразу занял место в основной пятерке сборной Литвы. По манере игры, по повадкам, по игровому настрою Артурас — потенциальная звезда. Как знать, не настанет ли его час как раз в Барселоне? Вообще, выглядит литовская сборная повнушительнее и хорватской, и испанской (не забудем, что хозяева Олимпиады от отборочных матчей были освобождены, а дома будут очень опасны), и, судя по отборочному турниру, нашей. Вальдемарс Хомичюс, Римас Куртинайтис, Шарунас Марчюленис, Артурас Карнишовас и Арвидас Сабонис (первый квинтет), Сергеюс Йовайша, Гинтарас Крапикас, Гинтарас Эйникис и Романас Браздаускис — все имена говорят сами за себя.

Вы, наверное, заметили, что, пере-

числяя игроков сборной Литвы, я назвал только девятых. А в Барселону могут поехать двенадцать. Три места оставлены для... литовских иностранцев. Хотя Закон о гражданстве Литвы не предусматривает двойного гражданства, сделано исключение для выдающихся деятелей науки, культуры, религии, бизнеса и спорта литовской диаспоры. Среди баскетболистов получили гражданство республики, в частности, американцы Лео Раутинис, Ричардас Шимкус и Каролис Алексинас (канадец Йонас Карпис, знакомый нам по выступлениям за вильнюсскую «Статибу» — и в этом случае баскетбол был первооткрывателем, поскольку именно Карпис стал первым западным «профи», приехавшим в тогда еще советскую команду, — предпочел играть за сборную Канады, с которой из-за травмы не попал в Сеул, а теперь не попал и в Барселону; гигант же американец Джо Арлаускас свой отказ не мотивировал).

Но, похоже, камнем преткновения станет решение ФИБА о натурализации. Когда-то Международная федерация баскетбола решила, что с новым гражданством надо прожить не менее трех лет, чтобы получить право выступать за национальную сборную новой родины (теперь она хочет установить ценз в пять лет).

И все же основные задачи будут решаться непосредственно на площадке. Все в руках самих игроков. Выше всех поднимутся те команды, у которых более сбалансированный состав и в наличии несколько звезд. В этом плане предпочтение — и явное — нужно отдать сборной США. Кто следом? Я привел доводы в пользу сборной Литвы. Как вы уже знаете, такого же мнения Владимир Кондрашин. Итальянская «Гадзетта делло спорт», опросив ряд европейских экспертов, называла и других претендентов на высокие места: Литва, Хорватия, Италия, Испания, Греция, Франция. Именно в таком порядке. Джим Келли, бывший тренер клуба «Брандт» (Хаген), с которым я разговаривал несколько месяцев назад (у него играли Куртинайтис и Йовайша), считает, что все решит игра центровых. А поскольку для него, безусловно, сильнейший — Сабонис, то и его команду он выдвигает в число фаворитов. Что литовцы блестяще доказали на предолимпийском турнире.

Ну а кто из прорицателей окажется прав — мы узнаем очень скоро. Олимпийский турнир начался.

«Паблик рилейшнз»

по-нашенски!

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Пресса — это четвертая власть. Истина известная. В нашей же стране, где три остальные власти, кажется, не действуют вовсе, пресса приобретает особое значение. Поэтому-то очень многие сильные мира сего хотят заполучить ее, как бы это помягче выразиться, в союзники... И, видимо, не случайно российскую столицу посетил представитель всемирной ассоциации «Public relations» г-н Питер УОЛКЕР. Он принял участие в международном семинаре «Основы эффективной работы агентств по связям с общественностью в условиях рыночной экономики». В ходе семинара (в котором также участвовали «киты» отечественных «публик рилейшнз» президент Российской ассоциации по связям с общественностью Николай Борисов, директор фирмы «Имиджленд» Вероника Моисеева) Питеру Уолкеру было задано множество вопросов. Цитирую по моей фонограмме.

— В чем основная задача «публик рилейшнз»?

— В укреплении репутации клиентов, в их защите и рекламе.

— Какова роль средств массовой информации в подразделениях «ПР»?

— Ключевая. Но есть нюансы. Например, в странах Западной Европы традиционно более важна печатная продукция — газеты и журналы, а в Америке большее значение имеют радио и телевидение. Но вообще, без прессы никуда. Ибо пресса формирует общественное мнение. А тот, кто формирует общественное мнение, представляет реальную силу. Помните старую историю о Рузвельте, Сталине и Черчилле? Во время Ялтинской конференции Рузвельт сказал Сталину и Черчиллю о том, что очень важно для союзников — Британии, США и России — завоевать поддержку папы римского. Сталин спросил у Черчилля: «А сколько войск у папы?» Черчилль ответил: «У папы вообще нет войск, но лучше все-таки завоевать его поддержку. Она стоит дороже многих танков и самолетов!» И это именно та точка зрения, с которой мы должны смотреть на современный мир; никаких армий, но влияние и взаимопонимание. Моя задача как представителя восточноевропейской группы Всемирной ассоциации «ПР» заключается в по-

сильной помощи, в организации эффективной работы «публик рилейшнз» в странах СНГ, в частности — в России.

— Как вы считаете, успех политических лидеров — это заслуга средств массовой информации?

— Не задавайте наивных вопросов. Вот, например, Горбачев. Американские средства массовой информации всегда активнее, чем европейские, поднимали Михаила Сергеевича на щит. В итоге он и популярнее в Америке. И это, конечно, заслуга американского ТВ.

— Управляемы ли средства массовой информации?

— Вопрос некорректен. Но приведу один пример. Помните, шли длительные споры, дискуссии по поводу ожидаемой всемирной катастрофы в результате перегрева земли? Эта идея была подана некими учеными и подхвачена журналистами. Люди во всем мире страшно пере-

пугались. И зря. Научное общество в Париже обратилось к журналистам с убедительной просьбой, чтобы они перестали запугивать людей. И те перестали.

— Как вы думаете развивать отношения с Россией?

— Я хочу заняться поощрением западных компаний, чтобы они объединились и помогли своим коллегам в России, в других странах СНГ. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Нужно обучать молодежь, и мы разработали специальную программу такого обучения в странах Западной Европы. И еще. Правительства США и Канады выделяют сейчас большие суммы на развитие предпринимательства в России, и для нас очень важно получить свою долю из этих фондов на развитие «публик рилейшнз»...

Евгений СТЕПАНОВ

...И КОМУ ЭТО НУЖНО?

Дождались-таки! Еще одно заокеанское новшество на отечественной арене — «публик рилейшнз» — отношения с общественностью, отношения между правительством или компанией и нами — избирателями и потребителями. Чтобы помочь нам при нашей политической и экономической неразберихе, приходят силы, способные якобы уравновесить самые расстроеныя весы. На одной чаше этих весов — потребность общества в информации, на другой — сама информация, исходящая из официальных источников, а между ними — «публик рилейшнз», в качестве дозатора — кому и сколько... Как на пресс-конференции: спросить можно все что угодно, но далеко не на все вопросы можно получить ответ.

Все было бы ничего (а заокеанские новинки у нас приживаются весьма быстро), если бы не одна маленькая загвоздка. Действительно, на Западе быстро печатают интересную информацию о фирме или какой-либо политической партии, но гарантией истинности напечатанной информации служит безупречная репутация, имидж той или иной фирмы. Нет репутации и благосклонности со стороны общественности — ты погиб в жестокой конкурентной борьбе...

Но будет ли наш отечественный «фирмач» озабочен подобными проблемами? Что ему репутация по сравнению с выгодой от публикации ложной информации?.. Тем более, нам ли не знать, что и как можно напечатать в средствах массовой информации за деньги!

То же самое касается и политической информации. До сих пор понятие «общественность» не останавливало ни одного нашего политического лидера...

Так что специалисты по «публик рилейшнз» нам очень нужны. Хотя бы для того, чтобы придать привычным аферам с информацией логически законченный вид. Чтобы все, так сказать, было по науке! Представляете, насколько интереснее будет читать отечественные издания — ни за что не догадаешься, сколько за это заплатили и какими деньгами... «Паблик рилейшнз»!

Виолетта БРАЙКО

Елена АВЕРИНА

ТАНЦЫ С ВОЛКАМИ

Самая
последняя
лекция
о любви
и дружбе

Одна из немногих приятных особенностей нашего транспорта — в том, что он ежедневно дарит интересные ассоциации. Вот, например, сегодня в метро к маленькому слабенькому «ботанику» пристал какой-то пьяный. Он пробился к своей жертве через весь вагон и сообщил ей: «Мне на... не нужен Ельцин и на... не нужен Горбачев. Но я хочу понять, что ты за человек. Давай дружить!» А «ботаник» ужасно испугался и ответил: «Я не хочу дружить, я хочу домой». Алкаш достаточно долго восхвалял достоинства крепкой мужской дружбы, а маленький причитал: «Отстаньте от меня, я вам не сделал ничего плохого!» Но желание дружить было велико: пьяный схватил маленького за рубашонку. И уж тряс он его, и уж тормозил... Но тут вмешались спортивного вида ребята и основательно «отметелили» пьяного, раз и навсегда прекратив едва зародившуюся дружбу.

И подумала я тогда с грустью: вот так и государство наше — с настойчивостью транспортного алкоголика навязывает нам свои опасные условия и свои нехорошие игры. И никакие мускулистые парубки не вмешаются и не прекратят этот бред. Например, такая распространенная проблема: как можно иногороднему человеку честным путем прописаться в Москве? Любой скажет: честным путем этого сделать почти невозможно, но есть один нечестный и при этом вполне законный путь — брак.

Фиктивный брак — на редкость нечистоплотная затея. Все атрибуты его — поздравления молодых, обмен кольцами, первый супружеский поцелуй — нагоняют тоску и печаль, поскольку все это считается традиционным началом тихого семейного счастья, а отнюдь не породнением — пусть и не настоящим — с малознакомым и часто совершенно неприятным человеком. Но если вы хотите нормальной жизни с истинным, но тоже «иногородним» избранником, который нервно грызет ногти тут же, выступая в роли свидетеля, то гнетущей церемонии фиктивного бракосочетания, а потом — изматывающей процедуры прописки, а потом — ведущей к невзрачному эпосе развода вам не избежать. Иными словами: хочешь заключить нормальный брак с любимым человеком, брак, в котором можно приобрести квартиру, без проблем устроиться на работу, лечь в больницу, родить ребенка и т.д., — сделай сначала фиктивный.

Фиктивный брак — выгодное вложение капитала, причем капита-

ла немало. Впрочем, цены очень и очень разные. Обычно деньги наскребают по сусекам всей семьей. Моей знакомой фиктивный брак оплачивали родители ее фактического мужа. Где еще встретишь столь же абсурдную ситуацию!

Некоторые совершают ошибку, отдавая руку алкоголикам. Хотя такой брак стоит, как правило, дешевле. Тем не менее это рискованный шаг, потому что алкоголик — существо непредсказуемое. Он может сбежать из-под венца, как Подколесин, или закатить скандал прямо во время торжественной церемонии: «Я всего за... тысяч согласился жениться, а эта курва целоваться как следует не желает!» Кроме того, общение с женихом, а позже — с фиктивным мужем-алкоголиком — требует постоянных затрат. И если бы только нервных! Чтобы удовлетворить хотя бы часть капризов ранимого и мятежного алкоголика, понадобится гораздо больше первоначально названной суммы. А если ответить на его напор грубостью или угрозами, он непременно разорвет «контракт». К тому же алкоголики обладают вредным свойством терять свои паспорта непосредственно перед бракосочетанием или — что еще хуже — накануне развода.

Не следует также иметь дело с пожилыми, пусть даже тихими, безумцами, которые тоже берут за услуги смехотворно мало денег. Молодые привлекательные девушки часто несчастливы в таких фиктивных браках. Частенько бывало, что седовласые и вроде бы благочестивые лжемужья вдруг с алчным блеском в глазах накидывались на своих фиктивных женушек во время деловой встречи и требовали немедленного исполнения супружеского долга. Ситуация, согласитесь, малоприятная.

На первый взгляд создается впечатление, что прописку лучше получать посредством женитьбы, а не замужества — поскольку женский алкоголизм, к счастью, встречается реже мужского, да и от сексуальной террористки (каковые у нас тоже отнюдь не на каждом шагу встречаются) среднестатистический мужчина при желании с успехом сможет отбиться. Но и здесь подстерегают «обломы». Как известно, женщины более эмоциональны, чем мужчины. А как они любят эффектные сцены! Только женщина может явиться в день бракосочетания к загу и сказать разъяренному, возбужденному грядущими переменами в паспорте жениху и сопровождающим его лицам:

Коллаж А.Зайца

«Я пришла, чтобы извиниться перед вами. Я долго думала и решила отказаться от этой затеи. Такая уж я цельная натура. Что? Деньги мне, конечно же, нужны, но главное — жить в согласии с собственной совестью. Есть вещи, которые для меня что-то значат...» И дальше в том же духе.

Безусловно, лучше всего договариваться с хорошими знакомыми: тогда фиктивный брак может ничего и не стоить, а если стоить все же будет, то не слишком сногшибательную сумму, а регистрация брака будет праздноваться с обильной выпивкой, музыкой, танцами и развлеченьями.

Наконец, в истории случались и полуфантастические прецеденты, когда фиктивные браки плавно перерастали в фактические и были удачнее многих нормальных.

Постыдной статистики фиктивных браков, конечно же, не существует. Но если вспомнить хотя бы всех друзей и знакомых, «сочетавшихся» за деньги ради просто прописки или ради прописки с комнатой или квартирой, то и ежу станет ясно, что это явление всеобъемлющее и прогрессирующее. Лично я за свою недолгую жизнь была свидетельницей на четырех фиктивных свадьбах и лишь на одной настоящей.

Когда в прошлом году якобы отменили прописку, вся иногородняя (большая) часть моего курса в университете радостно поздравляла себя с тем, что для устройства в столице не придется, как предыдущим выпускникам, искать «фиктив», нервничать и унижаться. Теперь же выясняется, что институт прописки, похоже, забыл и не сократим, а если он и претерпевает изменения, то самые незначительные.

Поэтому «фиктивы» будут доживать и множиться, а социологи — причитать о том, что у нас самое большое в мире число разводов. И мало кому приходит в голову, что не последнюю роль в этом сыграла все та же система прописки. Огромное число фиктивных браков влечет за собой огромное число скорых, спасительных и вполне натуральных разводов. А исчезнут первые — сократятся и вторые.

Впрочем, тогда все было бы слишком просто, а игры, которые нам предлагают, не были бы столь нехорошими. И, может быть, жизнь тогда стала бы пресной и скучной. Но хочется, черт возьми, когда-нибудь и поскучать.

Уважаемые абитуриенты!

Новый гуманитарный университет приглашает Вас к плодотворному сотрудничеству!

Обучение в НГУ двухступенчатое. После первых 2-х курсов возможно получение диплома, эквивалентного среднему специальному образованию. По окончании четырех курсов — диплома государственного образца с присуждением степени бакалавра. Зачисление в НГУ по результатам собеседования.

Перечень факультетов Нового гуманитарного университета:

Ф-т литературы и искусства

1-я ступень — педагог дошкольного

эстетического образования, гид-экскурсовод, руководитель кружков-студий.

2-я ступень — искусствовед,

музыковед, театровед, художник, скульптор, оформитель-дизайнер.

2-я ступень — юрист гражданского права со специализацией.

Экономический ф-т

1-я ступень — специалист по бухгалтеру в предпринимательской деятельности, 2-я ступень — управление бизнесом — менеджеры и специалисты по маркетингу в различных областях.

Ф-т журналистики

1-я ступень — редактор издательского дела,

2-я ступень — журналист прессы, радио и телевидения.

Педагогический ф-т

1-я ступень — педагог дошкольного воспитания, учителя начальной школы, домашние учителя-гувернеры, 2-я ступень — учителя средней школы русского языка и литературы, иностранных языков.

Ф-т правоведения

1-я ступень — младший юрист, юрист-консультант,

Уважаемые абитуриенты, обучение в нашем университете платное. НГУ — первое в стране частное учебное заведение, получившее все привилегии и полномочия наравне с государственными вузами. Мы надеемся, что плата за обучение позволит Вам получить настоящее высшее гуманитарное и профессиональное образование, мы расцениваем ее как главное условие подлинной независимости студента, возможность обеспечить лучший уровень преподавания!

Приемная комиссия Нового гуманитарного университета работает по адресу: Москва, ул.Чехова, 8. Контактный телефон: 554-52-76.

Мы ждем Вас в нашем Новом гуманитарном университете!

Фирма «Гаруда LTD» и Торговый дом «Гаруда» официальный дистрибьютор американской фирмы THE SAVIL TRADING Corp.

Только с нашей помощью Вы сможете дешево купить компьютеры, ксероксы, факсы, модемы, расходимые материалы, любое офисное оборудование и товары народного потребления.

Заклучаем сделки по купле-продаже металлов, сырья и энергоносителей. В минимальные сроки мы построим для

Вас одно-, двухэтажные жилые дома или гаражи из объемных модулей под ключ. Окажем услуги по заключению контрактов на поставку интересующего Вас товара с надежными западными партнерами.

We will be glad to provide foreign partners our services in making really good investments in Russia.

Услуги посредников оплачиваются. Звоните (095) 976-57-71, (095) 976-42-70 (круглосуточно + факс)

Мы ждем Вас по адресу: Москва, Дмитровское ш., 33, кор. 4 (за гостиницей «Молодежная» в помещении ДК «Тимирязевец»)

Агния, 3 года:

— Полейте меня из этого, который каркает запахом (показывает на дезодорант).

— Папа, а собака для себя человек, а мы для нее — собаки?

— Ветер — это такой длинный воздух.

— Что это у тебя, доченька?

— Советская палка.

— Почему советская?

— У нас ведь все советское.

— Родила луна луненка (это дети сочиняют сказку).

— Мы в садике проходили параллелепипед. Это легко, это просто прилепнутый кубик.

— Мама, а если... балерина на сцене захочет в туалет?!

— Папа, мне нужно сдать деньги за страховку.

— Вчера — за фотографию, позавчера — на нужды класса, сегодня — за страховку! Сколько можно!

— Но это же выгодно! Когда денег не будет, я что-нибудь себе сломаю, и нам сразу выдадут!

Даша, 6 лет, приходит из садика возбужденная:

— Мама, вчера депутаты голосовали: четвереста человек «за» и лишь двое «против». Представляешь?

— А за что голосовали-то?

— Не знаю. Я только слышала от воспитателей, что двое против.

Девочка, 8 лет, говорит младшей сестре:

— Не бойся скелета! Он не может проглотить ребенка, потому что у него ничего нет — пусто внутри, одни кости. Если он нас даже проглотит, то мы вывалимся наружу, и все.

Женщина пришла в детсад с новыми резиновыми сапогами. Они в бумаге. Дети принюхались:

— У вас там колбаса? Дайте немножко!

Нина ГОРЛАНОВА

С ДЕТСКОЙ КОЛОКОЛЬНИ

«Застой» давно уж кончился, «перестройка» промелькнула в один миг, настали новые непонятные времена. А книжка Чуковского «От двух до пяти» нисколько не состарилась. И каждый счастливый родитель может с легкостью добавить к этой книге свой небольшой том. Если «избранное» из этих томов издавать хотя бы каждые пять лет, получится длинная-предлинная «Повесть временных лет» — все с детской колокольни. Вот и литератор из Перми Нина Горланова свой том написала — называется «Пермский ребенок». «Столица» публикует отрывки из этой книжки.

— Мама, Горби так постарел. А можно с ним увидеться и поговорить?

— И ты ему расскажешь, как с сестрой дерешься?

— Нет... как по дому помогаю, как учусь. Он хоть отвлечется, если поговорит с ребенком.

Мальчик восьми лет в больнице. Врач говорит ему:

— Сегодня я встретился с твоей мамой...

— Ну и как: произвела впечатление?

— Жил-был один мертвец (это тоже сказка такая).

Антон, 14 лет:

— Задача попалась: идет поезд, а в полукилометре на рельсах застрял грузовик. Произойдет ли катастрофа, если машинист включил торможение? Я говорю: если дело происходит в нашей стране, то катастрофа неминуема...

— Господи, дай этим сапогам потерпеть до лета!

— Мама, не проси, Господь и так все знает, значит, мы не заслужили других сапог еще...

— Ма, я видела человека с шестью пальцами.

— Это бывает.

— А как шестой палец называется?

— Не знаю.

— А я думала: «лишний».

— Сегодня Мишку (игрушечного медведя. — Н.Г.) к зубному водила. Хвостик вырвали.

Даша, 5 лет:

— У нас в группе карантин по ветрянке. За это надо спасибо сказать Диме Усову: он вчера кубиком Ваню стукнул, тот и заболел! Прямо кубиком в зубы...

Сереза, 3 года:

— Я сегодня встал в пять часов, чтобы вам душу выматывать!.

— Папа, убери ремень, мне тяжело его видеть.

— Сереза, чего ж ты в восемь лет рисуешь так же, как в пять?

— А мой талант не стареет.

— А он свою руку зажмурил в кулак и как даст!

— Сереза, что ты смеешься все время как дурачок?

— А ты разве не знаешь: ученые установили, что каждая улыбка дает пять минут жизни. Если всегда смеяться, то никогда не умрешь!

— Мама, а жена к Ельцину на «вы» или на «ты» обращается? Он ведь Президент!

Алексей
МИТРОФАНОВ

ТВЕРСКАЯ. ГЛАВНАЯ И УСТАЛАЯ

Тверская — всегда во всем первая. Здесь стлали первые в Посаде мостовые, ее впервые осветили электричеством, по ней ходила первая конка. Улица — первая жертва Генплана 35-го, она была поругана Аркадием Мордвиновым, трагически творившим и трагически погибшим. Одной из первых улице «вернули награбленное» — старое название. Одной же из первых улица вошла в капитализм. Здесь для богатых — валютная пицца, для средних — рублевая, для бедных — хрустящий картофель, а нищий с застывшим, скучающим взором — протянет ладонь.

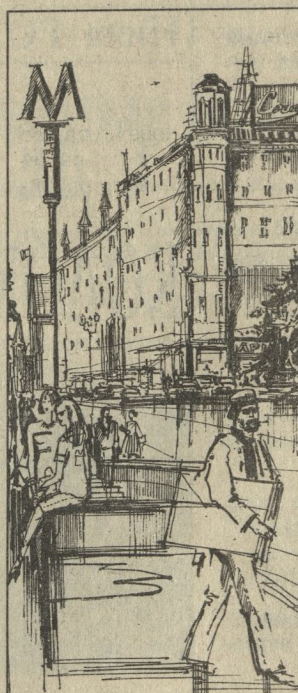
Для меня Тверская — первая московская загадка. Я знал, что она звалась так потому, что вела в город Тверь (в Москву дверь), и не мог понять, почему же она переделана в улицу Горького, ведь Горький — бывший Нижний Новгород, а вовсе не Тверь.

Улица ужасна. Каменная западня со слоем жирной пыли на серых стенах. Здесь всего два-три старых домика, зажатых «корпусами» Мордвинова, а прохожие — в обилии своем уставшие и озлобленные. Привыкшая к фавору улица излучает недоброе. Она — тот классический город-агрессор, которого боялся Андрей Белый: «Проперли составы фасадов: уроды природы; дом — каменный ком; дом за домом — ком комом; фасад за фасадом — ад адом; а двери, — как трещины.

Страшно!

Свисает фасад за фасадом под бременем времени: время, удав — души; бремя — обрушится...»

Первый «урод природы» — справа. Тезка Мордвинова — Аркадий Лангман построил его в 1935 году, снеся при этом знаменитые Голицынские палаты. Он стал одним из симво-

Тверская — некогда Царская, с 1932 года — улица Горького, нынче же — снова Тверская.

Рис. Ю. Николаевой

лов новой Москвы. Архитектор Георгий Гольц называл его в числе четырех шедевров советской архитектуры (вместе с Каналом имени Москвы, метро и выставкой), а художник Юрий Пименов нарисовал его на картине «Новая Москва» (вместе с юной девушкой за рулем большой машины).

На другой стороне — старое (постройки 1903 года) здание гостиницы «Националь». Эпоха социаскетизма почти не коснулась его. В то время как героический советский бедолага по колено в грязи создавал перечисленные дедушкой Гольцем материальные ценности, здесь все так же ластился швейцар, выставлялись в коридор дорогие туфли, и румяные буржуины заказывали осетрину и икру. Правда, в марте 1918 года тут жил Ленин. И примерно тогда же на стене появилась майолика — индустриальный пейзаж.

Сбоку торчит «Интурист» — дом со столь же соблазнительным внутренним миром, но снаружи — совершеннейший монстр. Склепанный из стекла и алюминия, он с 1970 года мозолит прохожим глаза всеми двадцатью двумя этажами. Время от времени серьезные люди принимаются рассуждать: что бы такое с ним сделать, обклеить, что ли, два последних этажа зеркалами для отражения неба — благо, они технические и не особенно нуждаются в окнах... Но разговоры очень быстро утихают.

Рядом — здание Ермоловского театра, некогда еще одна гостиница — Большой Постниковский пассаж. С магазинами, квартирами, гостиничными номерами и фонтаном. После революции в старом пассаже размещались таинственные организации со странными названиями — ВСНХ, МУНИ, МНХ... И, наконец, в середине 1930-х годов сюда пе-

реселяется лихой ГосТИМ — Государственный театр имени В.Мейерхольда. Затем — балетная труппа, театр эстрады и миниатюр и, наконец, в 1946 году — Ермоловский.

Это здание чуть было не пострадало от коммерческих прожектов режиссера Фокина, замыслившего все разобрать, оставив лишь фасадные стены, и выдуть из них восьмизэтажный стеклянный пузырь с валютными искусствами — ночными барами, казино, ресторанами, роскошными номерами...

За театром — телеграф. Маэстро Рерберг (кстати, победив на конкурсе еще более маститого маэстро — Щусева) выстроил его к десятой годовщине революции. Дом был одним из первых порождений новой власти. От архитектора требовалось «выявить при обработке фасадов не только производственный и общественный характер здания телеграфа и радиоузла, но и придать ему монументальность, соответствующую городу Москве, как столице СССР».

Ликовал поэт Асеев:

Из-под
грохотания и рева,
на углу
Тверской и Огарева...
Это, —
с облаками заиграв, —
вырастает
новый телеграф.

В те годы он смотрелся представительней — ведь улица была в три раза уже.

На другой стороне — два огромных мордвинских дома — № 4 и № 6 (их поначалу величали «корпус А» и «корпус Б»), баловни советской службы быта. В 1941 году знаменитый (в определенных кругах) парикмахер Яновицкий открыл здесь лучшую в городе парикмахерскую, в 1961 году, в честь запуска Гагарина, скромное кафе «Арктика» превратили в ставший

всем известным «Космос». Примерно тогда же тут появился первый универсам самообслуживания, за свою конфигурацию именуемый в просторечии «кишкой». Но, увы, парикмахерская продалась иностранцам, универсам не выдержал народной алчности и прекратил его самообслуживать, а «Космоса» и вовсе не стало.

Правда, осталось «Московское», осталась «Диета», остался грузинский ресторан «Арагви», в котором Владимир Войнович зачем-то разместил самое гнусное заведение «коммунистической» Москвы-2042 — Государственный экспериментальный публичный дом.

Но это — выдумки, а на самом деле, как бросил Юрий Нагибин, «заваливается вместе с конем в сторону «Арагви» полупрозрачный основатель Москвы Юрий Долгорукий», и напротив него — надстроенный и передвинутый Моссовет, бывший дом генерал-губернаторов, «прибранная» в семнадцатом льгота дореволюционной номенклатуры. Парадная дверь (почему-то никогда не открывающаяся) и:

Балкончик, занесенный
снегом...
Он так же в город
выступал,
Когда перед двадцатым
веком
С него наш Ленин
выступал.

Разумеется, «перед двадцатым веком» «нашего Ленина» никто б и не пустил на этот балкончик, но поэту Вадиму Семернину не до мелочей.

На другой стороне «филипповская» булочная. Там и сейчас бывает вкусный, свежий хлеб, а сто лет назад посетители сидели за столиками, пили чай, читали... И каялся Николай Иртеньев, герой толстовской «Юности»: «Я заехал в кондитерскую на

Тверской и хотя желал притвориться, что меня в кондитерской преимущественно интересуют газеты, не мог удержаться, и начал есть один сладкий пирожок за другим».

А те пирожки готовили здесь же, в пекарне.

И бунинский Казимир Станиславович был у Филиппова, «пил шоколад, рассматривал истрепанные юмористические журналы».

Чуть дальше — еще один поруганный гастрономический храм — Елисеевский.

«К концу полудня я ходил... заказывать икру у Елисеева, — писал К.Дебюсси, бывший тут с гастролями. — Магазин этот напоминает азиатский дворец. Там можно найти все, что только идет в пищу... Вежливый и одетый как посольский атташе господин заверил меня, что икра прибудет свежей, как слеза».

И не куда-нибудь прибудет, а в Париж.

...А улица все поднимается вверх, и по асфальту разбросаны бумажные стаканчики, разлита синяя усталость, и тяжело идти, и пусть окончится наша прогулка на Пушкинской площади. С одной стороны — сгоревшим Домом актера и узкой деревянной галереей, с другой же — большим зданием (мордвиновским) с башенками и венчающей угол ротондой. Некогда стояла на ротонде статуя «девушки, раскинувшей руки в счастливом, радостном движении навстречу восходящему солнцу»; и поэтому угловой магазин называли «под юбкой». Но вскоре девушку увезли — она была приготовлена из чего-то недолговечного и возможностью неожиданного падения угрожала и без того перепуганным пешеходам.

Вид в сторону Манежной пл. от Моссовета

Фото из архива ГНИМА

КОШЕРНОЕ КИНО

«Божья тварь»
Всесоюзный центр кино
и ТВ для детей и
юношества
 реж. Г.Данелия-Юркова

В ногу с умонастроениями эпохи идет кинорежиссер Данелия-Юркова. Будучи кинорежиссером с одной стороны (фильм «Француз») и супругой Г.Данелия, с другой, она не стесняется снимать в своей картине наивнейшего С.Челобанова в роли ни много ни мало Господа Бога и А.Пугачеву в гуще молодежной тусовки (и то и другое, согласитесь, дерзко и парадоксально). Господствующее же умонастроение эпохи состоит в тотальном постмодернизме. Один из принципов которого состоит в том, что, по Р.Барту и У.Эко, произведение делается не столько тем, что внутри него, сколько тем, что вокруг. В ауре: сплетня, разновозрастной до «политизма» секс, факты личной биографии создателя... Поэтому то, что внутри кинокартины «Божья тварь», значение имеет небольшое: какая-то икона украденная (сами понимаете, символ утраченной духовности), какая-то девчонка интернатская («никудашная»), С.Шакуров, в роли реставратора-интеллектуала («милый, дорогой, любимый, единственный»). Это все неважно. Удовольствия надо разделять, применяя принцип кошерности, несмешения разнородного: фильм фильмом, но Произведением его делает сложная вязь отношений и интриг вокруг образа С.Челобанова или то, что к пресс-конференции по фильму все ждали Пугачеву — а она так и не пришла (давно же предупреждала, что «устала Алла»), а также и то, что это утомленное солнце поп-культуры сказала режиссеру: «Мы, две женщины, создали ему имидж...» (или карьеру, не помню). Фильм этим хэппенингам вокруг него, этим «рондо скандализо» только мешает. И отвлекает алчущее постмодерна зрительское сознание от истинного искусства, которое так любят

продемонстрировать широкой публике в своих высоких, высоких отношениях наши поп-звезды.

Виктория БЕЛОПОЛЬСКАЯ

ИОНЕСКО В НАТУРЕ

«Король умирает»
Театр-студия на
Юго-Западе,
 реж. В.Белякович

Критики утверждают, что политический театр умер. Ничуть не бывало: в Театре

на Юго-Западе один из шедевров абсурдистской драматургии поставлен как ультрасовременный политический фарс. Империя умирающего короля Беранже — точь-в-точь наша, родная, — разлагается, разваливается на глазах. Судите сами. Экологическая катастрофа, голод, в стране осталось всего 45 молодых людей (остальные эмигрировали), да и те — дебилы. Министр культуры утонул в речке. (В этом месте публика хохочет до упаду.) Чтоб было еще смешней, пьеса Эжена Ионеско разбавлена современным сленгом. «Прикинь», «отдзынь», «в натуре» звучат со сцены вкупе с обличением проклятых большевиков. Спектакль решен в стилистике «бедного театра». Костюмы сконструированы из водосточных труб в сочетании с мешковиной. Под бодрый марш выходят персонажи, каждому придумана маска, бросакая манера поведения. Без маски — один Беранже. Исполнитель, он же

режиссер спектакля, играет монотонно, без переходов, впадая попеременно то в сантимент, то в ерничание. «До финала остался всего час, полчаса, десять минут...» — предусмотрительно оповещают зрителя актеры. Точность — вежливость королей. Спектакль укладывается в их регламент.

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

В роли короля Беранже
 Первого — В.Белякович

«КРИЗОЛОМ» ДА И ТОЛЬКО!

«Золотой век»
Литературно-исследовательский журнал Союза
Графоманов, № 1, 1992

Союз графоманов долго-долго запрягал и наконец-таки расстарался на первый выпуск своего массового (тираж — 100 тыс. экз.) издания. Сразу оговоримся: новый журнал не надо путать с изящным, элитарно-рафинированным «Золотым Вьком» Владимира Салимона. Как и было обещано в прошлом году, журнал публикует всех графоманов без разбора — в порядке поступления рукописей, не вторгаясь в «творческую лабораторию» автора. И.о. главного редактора В.Кузьев заявил: вся редакторская работа над номером свелась к тому, что «была изъята одна строчка из донесения одного комара другому комару в произведении «Влажность девяносто девять и девять процентов».

Нарушила ли эта купюра художественную целостность «нетленки» прозаика А.Нечитайло, судить не берусь: графоманские тексты, написанные для «Золотого века» по принципу «чем больше, тем лучше», не поддаются какому бы то ни было анализу. Они просто есть — как воздух, как вечно неисправная канализация, как петушиное «ку-ка-ре-ку» по утрам. Видимо, поэтому «Золотой век» не делает никакой разницы между реалистической прозой, крутым модернизмом, виршами а-ля Ахматова и а-ля Есенин, сатирическими рассказиками, философскими трактатами, научной фантастикой, детскими считалочками и сказками. Все это вываливается на читателя сразу и в больших количествах, слегка организованное, впрочем, делением на «блоки текстов»: «Русская деревня — Позабитый край», «Броня крепка и танки наши быстры», «Кризолом», «Фантасмагористика» и т.д. Продираться через дебри самодельного духа, от «блока» к «блоку» — занятие трудное, но по-своему увлекательное: неизжитый романтизм диктует надежду — чем черт не шутит, вдруг на следующей странице проклюнется-таки новый Турневу? Второй номер журнала обещан в сентябре. Но поскольку «Золотой век» — предприятие абсолютно неприбыльное (продается по себестоимости, а деньги черпает из коммерческих графоманских структур), ждать, возможно, придется дольше.

Кирилл РЫБАК

МАРАТ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

«Маленький гигант
большого секса»
 К/ст. «Мосфильм»
 реж. Н.Досталь

Когда-то, думаю, одного только факта — кинодебюта Геннадия Хазанова было бы достаточно, чтобы предречь картине прокатный успех. Возможно, и теперь любопытных не поубавилось,

Фото ИТАР — ТАСС

Кадр из фильма

но по-прежнему риторическим остается вопрос: «Куда им, собственно, идти вместе со своим любопытством?» Мне, например, повезло «поймать» премьеру в Доме литераторов, где, как всегда в таких случаях, была и встреча со съемочной группой. Хазанов на полном серьезе и очень искренне попытался рассказать публике, отчего ему не удается и он то в театре, то в кино пробует искать новую для себя образность. Из зала послышались нетерпеливые выкрики, и артист, с эстрадной легкостью сменив тон, стал устало и грустно, по принципу «Вы хотите баек? Их есть у меня» травить что-то о реакции жены на предложение мужу сниматься в роли сексуального гиганта. Публика, притихнув, удовлетворенно внимала. Однако эта усталая грусть оказалась вполне в духе фильма. И даже мгновенная смена тона соответствовала тому нехитрому драматургическому приему, которым осуществлялся перевод прозы на язык драматургии: постаревший герой в инвалидной коляске то ли сам себе, то ли безмолвной и бесстрастной спутнице его беспомощной старости (ах, как мы заблуждались до самого финала) рассказывает истории своей молодости, проходившей под девизом-татуировкой: «В любви я — Наполеон»... И пустынный холодный осенний пляж курортного городка, по которому она катит и катит

опостылевшую коляску, оживает давно смолкшими голосами, пылящимися в старых чемоданах костюмами, неповторимыми лицами и сюжетами. И это не какое-то «ретро» вообще, а его личное, Марата, ретро. Фазиля Искандера инсценировали и экранизировали много и, как правило, неудачно. Последнее понятно: его прозу не то что пересказать или переложить — даже цитировать трудно: вырванная фраза задыхается, как рыбка на суше. Но все-таки рискну. Начальная фраза нового романа Искандера «Человек и его окрестности»: «Юмор — последняя реальность оптимизма». Н.Досталь, судя по настроению фильма, разделяет эту сентенцию писателя и, пренебрегая буквой текста, впервые зримо приближается к его реальности.

Мария СЕДЫХ

ВОСКРЕСЕНИЕ НАЛБАНДЯНА

Галерея «Воскресение»

Открытие новой частной галереи в наше время совсем не редкость, но у галереи «Воскресение», начавшей недавно работу в помещении ЦДРИ, уже есть свои неповторимые особенности. Во-первых, это нечастая сегодня ориентация на реализм, и не какой-нибудь там с привкусом пост-, фото-, соц-, наив- или гипер-, а самый что ни на есть обыкновенный, который описывается штампами типа: «неброская красота средней полосы России». Не скажу,

чтобы мне это нравилось, но в самом деле — почему бы и нет? Ведь кто-то это рисует, кто-то готов рассматривать, а кто-то — с радостью купит. Во-вторых, галерея ориентируется на обычных членов СХ, тех, которыми в прежние времена заполнялись километры стен на отчетных выставках. Сейчас они в растерянности — на рынке диктуют вкусы другие художники, залы отданы прежним неприкасаемым, продавать себя на Арбате, в Измайлове или через государственные худсалоны равно унизительно, а главное, бесполезно — словом, жить не на что. Честно говоря, мне не очень-то их жалко, но раз нашлись люди, которые взяли себя помогать выжить «мастерам кисти и резца», — пусть тратят на это свои деньги. Так что в Москве появилась еще одна галерея. Ее владельцы — непрофессионалы и пока не нашли себе в помощь экспертов-специалистов, поэтому на выставке соседствуют непритязательный натюрморт Налбандяна и невеста как затесавшийся среди «печальных пейзажей» неосимволист Сергей Потапов, а полотна развешены и расставлены без всякой системы, вкуса и даже удобства осмотра. Зато создатели «Воскресения» полны энергии, у них разработана большая благотворительная программа, и они получают искреннее удовольствие от того, что делают. Одно это внушает уважение: ведь далеко не все умеют развлекаться даже на халаях, не то что за свои кровные.

М.К.

 В.Н.Нялов
«Северный пейзаж»

P.S.

Международный театральный центр имени М.Н.Ермоловой активно помог осуществлению процесса утечки мозгов за рубеж. На этот раз мозгов драматургических. Из шести десятков претендентов в результате многочисленных собеседований американские продюсеры отобрали для дальнейшего сотрудничества десять человек. Среди них В.Арро, А.Галин, С.Каледин, Н.Климонтович, Н.Садур, Л.Разумовская. Эти авторы начнут работу над пьесами, в отношении постановки которых право первой ночи принадлежит американцам.

Редакционно-издательский комплекс «Культура» выпускает в этом году множество книг, по преимуществу — хороших и разных, что сегодня даже несколько странно. Так В.Чемберджи приглашает в «путешествие со Святым Славом Рихтером». По форме это — путевой дневник (одна из концертных поездок великого пианиста), по сути — портрет гения. Любителям массовой музыкальной культуры предлагается издание Т.Чердниченко «Между Брежневым и Пугачевой», а поклонникам «запретного» — книжка «Маркиз де Сад и XX век». Кроме того: А.Дункан — «Гастроли в России», А.Вознесенский — «Видеомы», Дж.Оруэлл, М.Твен, уникальное исследование популярных А.Вайля и А.Гениса «60-е. Мир советского человека», разнообразные детские книжки и даже М.Мишин.

Влад Листьев со своей «Темой» известен шокирующими и, как правило, возбуждающими пуританскую нравственность сюжетами. Среди будущих «тем» — разговор о мужской проституции, жизнь после смерти, саваство по почте. Сейчас команда Листьева снимает передачу о мошенниках «Остапы-92», первый вариант которой был хулигански украден злоумышленниками.

НЕНАПИСАННЫЕ МЕМУАРЫ ТАНИ ЛИТВИНОВОЙ

Татьяна Максимовна Литвинова родилась в 1918 году в Англии. Ее отец — один из первых советских дипломатов Максим Литвинов, а мать — английская писательница Айви Лоу. Прожив в России большую часть жизни, Татьяна Максимовна 16 лет назад уехала в Англию. В России она была переводчицей — переводила прозу Пушкина, Чехова, Пришвина, Тургенева на английский, а романы Джека Лондона, Апдайка, Чивера, Беллоу — на русский. Там, в Лондоне, стала художником. Сейчас приехала в Россию в связи со своей персональной выставкой в московской галерее «А-3» на Арбате.

«Как мне обращаться к вам?» — спросил я. «Просто Тая. Мы, эмигранты, потеряли не только Отечество, но и отчество», — ответила Литвинова.

— Где и как познакомились ваши родители?

— Это произошло в Лондоне, в начале века. Мама была молодой писательницей — к 26 годам у нее вышло уже два романа. А отец был тогда политическим эмигрантом. После революции он стал дипломатом, советским полпредом в Англии. Но поскольку британское правительство советскую власть не признало, то и с ним вели дела неофициально. Когда я родилась, он сидел в тюрьме как заложник за арестованного в Москве английского агента Локкарта. Просидел около месяца, после чего их обменяли. Но в Россию наша семья приехала только в 1923 году, а до этого пять лет мы блуждали по Европе. В Москве первые годы жили в здании на Софийской набережной, где сейчас находится британское посольство. Отец был сначала заместителем наркома иностранных дел, потом сменил Чичерина на посту наркома. Со временем изменился политический курс, и отцу пришлось уйти в отставку. Министром иностранных дел стал Молотов, который и подписал пакт с Риббентропом. Отца вытаскивали из нафталина уже во время войны, когда понадобился второй фронт. Сталин направил его послом в Вашингтон. Интересно, что, когда отца через год с чем-то отозвали из Америки, Громыко, который при отце был советником посольства, а затем занял его пост, запретил маме, уезжавшей чуть позже, лететь через Англию — боялся, что она останется там.

Конечно, ей было трудно в России, но она говорила, что ее родина — там, где находится семья.

— Но ведь она была писательницей, причем английской...

— Она потеряла своего читателя. Пыталась писать и по-русски, но из этого ничего не получилось. В 1959 году маму пустили все-таки на родину, она провела там год. Для нее это оказалось стимулом, и, вернувшись, она вновь стала писать. Это были короткие рассказы, на английском, конечно. Я тогда занималась переводами и подружилась с американским писателем Джоном Чивером. Его друзья, которым понравились мамины рассказы, увезли их в Америку, и сам Чивер отдал их в престижный американский журнал «Нью-Йоркер». Так произошло второе рождение мамы как писательницы.

— Ваш отец, вероятно, общался с представителями советской элиты?

— Отец был совершенно неэлитарным человеком. Со Сталиным и его компанией у него были только деловые отношения, вне работы он с ними не общался и уж тем более не участвовал ни в каких кремлевских попойках. Мой брат еще школьником, услышав однажды, как отец разговаривает по телефону со Сталиным, спросил его, почему они друг с другом на «вы», на что отец ответил: «Потому что я не ношу смазных сапог». Мы ходили в обыкновенную школу, и если можно говорить о каких-то преимуществах, то это то, что привилегированность

нашего положения служила как бы пропуском в культурное общество. Отец любил театр, мы хорошо знали Мейерхольда, Луначарского и его семью. Чуковский приходил к нам; когда я была совсем маленькой, мои детские стихи он напечатал в сборнике «От двух до пяти». Потом, где-то в середине войны, мы снова встретились, очень подружились и общались до конца его жизни. У Чуковского был совершенно особый мир, не антисоветский, а асоветский. Основной ценностью для него была русская литература. Тихо, без всякого шума и без деклараций, он помогал многим людям уже и в диссидентские времена, а меня подчас ругал за то, что я ввязываюсь в политику, и говорил, что наша задача — сохранить культуру, а не сидеть в тюрьме.

— **А как вы ввязывались в политику?**

— Политизировалась я из-за моего племянника Павла Литвинова, который в конце 50-х — начале 60-х стал активным диссидентом. Я — любопытный человек, поэтому, когда однажды узнала, что будет правозащитная демонстрация в поддержку Галанскова и других, пошла посмотреть, что там делается на Пушкинской площади. Когда услышала о суде над Буковским, то предложила дать показания, что никакого нарушения общественного порядка не было. Я чувствовала себя сопричастной всему происходящему, хотя Буковского лично и не знала. Многие забы-

вают, что за этими людьми с громкими именами стояли их семьи (иногда совершенно аполитичные, как, например, в те годы мать Буковского), которым перевернули всю жизнь. Больше всех страдали именно они, а от их поддержки зависела судьба сидящих в лагерях. Меня все это волновало, я постоянно поддерживала связь с этими семьями. Поскольку я общалась с иностранцами, через меня удавалось что-то передавать на Запад. Потом я имела счастье познакомиться с Сахаровым, иногда в качестве переводчицы присутствовала на его пресс-конференциях. Такая у меня была тогда жизнь.

— **Вы учились живописи в России?**

— В 1937 году я поступила в Московский художественный институт. Атмосфера была ужасная, соцреализм и все прочее. Фаворского и его школу к тому времени выгнали, и я тоже чувствовала себя не в своей тарелке. Года через полтора директор института Игорь Грабарь меня исключил, якобы за «формализм». На самом деле в это время моего отца сняли с работы и все ждали, что его арестуют. Грабарь не хотел иметь студентку — дочь врага народа. Через год пошел слух, что Литвинова назначают в Комитет по делам искусств, и Грабарь стал подсылать ко мне людей, которые говорили, что мне нужно продолжать учиться, что у меня есть искра Божья и т.д. Я ходила в разные студии, занималась у Павла Кузне-

цова. Но, честно говоря, в молодости я не очень хотела учиться. Жить было интереснее, чем учиться, тем более, что среди наших знакомых были, например, ученики Фаворского. Мама дружила с Татлиным, я его тоже хорошо знала, а после войны подружилась с Фальком. Я постоянно рисовала, всюду делала наброски и, когда могла, урывками занималась живописью. Но началась война, мне стало казаться, что живопись — слишком красивое дело. Потом — замужество, дети, профессиональные занятия переводом, диссидентство, хоть и не очень активное... Вообще, если бы я не уехала из России, вряд ли бы мне удалось целиком посвятить себя живописи.

— **А почему вы уехали?**

— В 1973 году умер мой муж, скульптор Илья Слоним. Мама была на Западе, обе дочери по разным причинам тоже уехали. Но сама я уезжать не хотела. А потом позвонила из Англии мама и сказала: «Ты мне нужна». Я собралась и поехала, не думая, что — навсегда. Но когда увидела маму, поняла, что не могу погостить и уехать: ей было 86. Я прожила с ней год, потом похоронила.

— **Вы потеряли советское гражданство?**

— Оказалось, что я всегда была британской гражданкой, поскольку в Англии родилась и моя мать — англичанка. Единственное, что у меня выясняли в английском ОВИРе, когда я получала там британский паспорт,

— это чем занимался мой отец, когда я родилась. Если бы его тогда признали послом СССР, считалось бы, что я родилась в России, поскольку территория посольства принадлежит государству, которое оно представляет.

— Так кем вы себя ощущаете: англичанкой или русской?

— Для меня это неважно. Нужно отучаться от прописочной психологии.

— А как вам живется в Англии?

— Я поняла, что жизнь — везде одинаковая, в том смысле, что везде существуют и житейские, и душевные проблемы. Жила я в Брайтоне, в часе езды от Лондона. Первое время снимала меблированные комнаты. По существу, это коммуналки. Ты полностью зависишь от хозяина. Общая ванная и уборная находятся где-то между этажами. И отношения — как в коммуналке, только на английский манер: делают гадости и улыбаются. В России я не вкусила всех этих «прелестей», и жизнь в Англии считала наказанием за хорошую жизнь здесь. Потом у моей дочери (представительницы Би-би-си в Москве Маши Слоним. — Я.М.) поправились дела, и она первым делом купила мне квартиру. Я пыталась как-то зарабатывать: перевела книгу Питера Раддавея о злоупотреблениях психиатрией в политических целях в Советском Союзе, помогала делать русско-английский словарь, а потом стала получать пенсию, что меня очень удивило, и я даже стеснялась сначала, потому что ведь я ее не заработала! В нормальном мире, если ты переезжаешь из одной страны в другую, пенсию должна выплачивать страна, в которой ты работал. Но в России такого, естественно, не существует. И пенсию мне платит Англия. Я получаю самую маленькую пенсию, но питаюсь на эти деньги лучше, чем могла бы себе это позволить с пенсией члена Союза писателей или художников в России.

— Вы полностью посвятили себя живописи не так давно?

— Последние 10—12 лет. Первые годы жизни в Англии я пыталась еще писать книгу воспоминаний, но так и не смогла собрать все вместе. Больше всего я тосковала по языку. Я потеряла свою среду, оказалась в той ситуации, в которой находилась мама в России. Когда я жила в России, моим сокровенным языком был английский, теперь — наоборот. Кроме того, я поняла, что родина — это страна, которую ты можешь ненавидеть. И я «возненавидела» Англию. Я не могла там писать. Уеду в Париж — мне пишется, в Барселоне — пишется, а в Англии — нет. Еще одна сложность — в том, что литература и живопись тре-

«Автопортрет»

буют совершенно разной работы мозга, они несовместимы так, чтобы днем можно было рисовать, а вечером — писать. Если я 2 часа в день занимаюсь литературой, то ей посвящены и все остальные 22 часа в сутки (да, и во сне!).

Я узнала, что поблизости есть художественная студия, стала ходить туда, завязались знакомства с местными художниками. Участвовала в двух коллективных выставках. У меня даже был опыт педагогической деятельности. Раз в неделю я ездила рисовать в Лондон, преподававший там художник мне был по душе. Однажды он мне говорит: «Таня, мне нужно уехать, и я не хочу передавать группу чужому человеку, попробуйте меня заменить». Я была очень польщена, потому что там были художники достойней меня.

— Художественная жизнь в Англии сильно отличается от здешней?

— В России нас сближало, сколачи-

вало давление сверху. В Англии этого нет, потому все расползается. Для того чтобы как-то общаться с интересующим меня художником, нужно узнать, где он преподает, платить за курс, только чтобы находиться в этой атмосфере. Потом все кончается, отношения хорошие, но все равно все люди разобщены. Сейчас у меня есть двое друзей моего поколения — художников. Сближает нас главным образом то, что мы не любим...

— А что вы не любите?

— Прежде всего — натурализм... Да дело даже не в конкретном «изме»! То, что у нас долгие годы делали партия и правительство, на Западе делают дилеры. Они диктуют моду. Какое-то время было модно абстрактное искусство. В этой области тоже были крупные художники, посредственные и плохие, но «изм» все захлестывает. Теперь эта мода проходит, началось возвращение к репрезентативному искусству. Какого-нибудь Люсьена Фрейда объявляют новым Рембрандтом. На мой взгляд, это просто соц-реализм, но все восхищаются им, и в Америке, и в Европе. Плохое искусство интернационально: я хожу по коммерческим галереям в Лондоне и в Москве и вижу одно и то же.

— Почему вы решили сделать выставку в России?

— Это произошло почти случайно. Как-то мне позвонил приятель дочери и спрашивает: «Ну, когда же вы приедете?» А я в шутку и говорю: «Вот устройте мне выставку, тогда и приеду». Он с кем-то поговорил, нашли галерею. Дочь показала там фотографии моих картин, они понравились. Вот и все. Но я очень счастлива. В Англии любой может сделать свою выставку, и там для меня это не было бы событием. Кроме того, я поняла, что все, что я делала там, — это то, что я впитала в себя здесь, но не могла бы сделать до тех пор, пока не очутилась на Западе.

— Какое у вас ощущение от страны, от Москвы?

— Я приехала впервые за 16 лет. Ехала сюда с ужасом, не хотелось быть туристом в своей стране, чтобы потом опять прощаться. Но испытала меньший шок, чем тот, к которому готовилась. Мне говорили, что произошло озверение людей. Я этого не заметила. Мне даже уступают место в метро, чего в Англии никогда не бывает! Москва, конечно, обшарпанная, но я в такую же приехала в 1923 году.

Что будет с моей страной, я не знаю, но в Англии мне было за Россию страшнее. Порой мне кажется, что ее может спасти только чудо. И вместе с тем я уверена, что оно произойдет.

Ярослав МОГУТИН

Евгения КАЦЕВА

КАК УМИРАЛ КОНСТАНТИН СИМОНОВ

О смерти Константина Симонова было много толков, слухов — отчего и как умер. Волей случая я оказалась причастной к событиям, связанным с последними днями его жизни, а некоторые детали известны, пожалуй, теперь уже только мне. О них я и хочу рассказать.

Началось с письма Альфреда Андерша, западногерманского писателя, жившего в Швейцарии. А. Андерш написал К. Симонову, что знает, что тот плохо себя чувствует, считает, что Симонову было бы очень полезно приехать в Швейцарию полечить легкие — швейцарские врачи славятся как специалисты по таким заболеваниям. Написал, что у него большой дом в самом прекрасном месте на земном шаре — в Тессине. Андерш писал: приезжайте, поживете здесь, не обязательно ложиться в клинику, время от времени будете ходить на процедуры, а так — климатическое лечение, и если еще будут здесь госпожа Кацева и господин Хитцер*, то вы не почувствуете никакого языкового барьера. Будет около вас кипеть литературная жизнь. Какие дискуссии мы устроим, какие беседы!..

Симонову это предложение понравилось.

По его просьбе я нашла маленький санаторий в горах, главный врач которого, профессор Гартман, специализировался на легочных

болезнях. Звонок из Москвы Гартману показался чем-то фантастическим, разговор с советским человеком, как с инопланетянином. Я описала ему болезнь Симонова заранее, чтобы не экать не бекать по телефону, подготовила — в медицинских терминах — длинный список всех его болезней. Профессор выслушал и сказал: да, это мой больной, но все-таки мне нужно увидеть его рентгеновские снимки.

Симонов решил: «Вот что мы сделаем. Я еду сейчас в Мисхор, пока что пошлите Гартману мою книгу (в Западной Германии в издательстве Киндлера как раз вышла трилогия «Живые и мертвые». — Е.К.). Когда вернусь из Мисхора, отправим ему свежие рентгеновские снимки. Это было в июне 1979 года. Симонов сделал на книге очень теплую надпись, я вложила карточку с ее переводом на немецкий и послала книгу Гартману. Тот ответил, что уезжает отдыхать и берет ее с собой, чтобы таким способом заранее немножко познакомиться со своим будущим пациентом.

Симонов вернулся из Мисхора в куда более плохом состоянии, чем уезжал. Надо было срочно ложиться в больницу. Он позвонил мне и

пригласил прийти к ним ужинать. Это было накануне его отправки в больницу, как оказалось, последнюю.

Не могу сказать, что вообще-то часто встречалась с Симоновым, с которым познакомилась в Берлине еще в 1948 году. После демобилизации из рядов Балтийского флота и последующей работы в Берлине, вернувшись в 1949 году домой — то есть дома-то у меня после войны и не было, это Симонов помог мне его обрести, — работала под его началом в «Новом мире». Встречались, конечно, и в последующие годы.

...Таким разговорчивым, как в этот последний вечер, я его никогда не видела. Он много говорил, рассказывал о своих планах по программе-максимум — на пять лет и по программе-минимум — на три года. В первую очередь ему хотелось подготовить переписку с родителями, затем переписку с друзьями. У него ведь был колоссальный архив. Рассказывал о том, что ему еще хочется написать книгу о Сталине — у него было шесть встреч со Сталиным наедине. Говорил, что многое уже написал, но дошел до самого трудного периода — до 49-го года, и работа застопорилась,

*Западногерманский писатель, прекрасно владеющий русским языком.

он решил этот год пропустить, пойти дальше, а потом к нему вернуться. Вспоминал о речи, которую произнес на своем 50-летнем юбилее, где говорил, что много совершил ошибок, но обещает всю оставшуюся ему жизнь стараться жить по правде. И теперь, когда с той поры прошло уже тринадцать лет, ему кажется, что он свое обещание выполняет. Потом мы пошли ужинать, пить ему нельзя было, но он попросил у Ларисы капельку сухого вина для «важного тоста». Он сказал, что ему очень в жизни везло на встречи с хорошими людьми, что я одна из таких встреч и он хочет выпить за мое здоровье. Понимаю, как нескромно приводить этот эпизод, но удержаться не могу — уж очень он мне дорог. Симонов спрашивал, что я делаю. Я собиралась тогда перевести Макса Фриша — «Человек появляется в эпоху голоцена» и по его просьбе подробно рассказала содержание. Я потом спохватилась, что чересчур разговорилась, он едва заметно скосил глаза на часы, сделала это, не таясь, и я — и пришла в ужас — полдвенадцатого: вот тебе и «хороший человек»... По неизменной привычке он проводил до лифта.

На следующее утро ему что-то нужно было уточнить, он позвонил, и я стала сбивчиво извиняться, что так долго сидела: ему нельзя было устать. Целый вечер — почти пять часов! Он посмеялся, сказал, что ему самому было интересно и что он не знал, что я «с комплексами». Прощаясь, отправляясь в больницу, так: «Ну, ничего, матрос, мы еще нашего добьемся». Дело в том, что последние два года он вел борьбу за издание дневников, писем и высказываний Франца Кафки — в моем переводе, с моими комментариями. Он писал Б.Стукалину — председателю Госкомиздата, писал В.Седьму — директору издательства «Прогресс», обращался к Г.Шахназарову — в ЦК, но все бесполезно. И все равно каждый раз он говорил: ничего, выйдет Кафка, я вам подарю шесть тельняшек. Почему шесть? Не знаю. И почему — он мне, если добьется издания?

...Лег он в больницу для очень простой вещи: нужно было выкачать жидкость из бронхов. Это делается зондом, часто амбулаторным путем. Он не знал, достаточно ли мужественно будет себя вести при операции, и потому просил сделать ее под общим наркозом, а не под местным, как обычно в таких случаях. Операция прошла хорошо, минут через сорок он уже звонил Марку Александровичу Кел-

лерману — своему помощнику, известному юристу. На следующий день вызвал его к себе, они гуляли, обсуждали всякие дела, потом врачи посмотрели и сказали, что все хорошо, но надо все-таки сделать еще одну выкачку. Недельки через две... Симонов сказал: нет, недельки через две — это долго, я так долго ждать не могу, если надо еще раз — давайте сделаем сразу. Сделали через два дня, опять под общим наркозом, что было совершенно недопустимо: общий наркоз с перерывом в два дня — при его сердце, при его общем состоянии... Ткани нечаянно проткнули, видимо, слишком низко опустили зонд. Легкое залилось кровью. Когда Симонов пришел в себя после второй операции, он сказал: «Этого не надо было делать». Он это очень хорошо понял. Из больницы позвонила Лариса с просьбой: свяжитесь со своими швейцарскими врачами, их надо пригласить на консультацию.

С невероятными сложностями я дозвонилась до заместителя доктора Гартмана (сам он еще был в отпуске), и тот договорился с профессором Келлером из Базеля о том, что они оба на следующий же день вылетают в Москву. Разговор шел в пятницу вечером. Я что-то запелетала: как же — суббота, воскресенье, виза, документы? Он сказал: «Больной нам нужен в сознании, что будет в понедельник — неизвестно. И потом, мадам, какие визы, когда речь идет о всемирно известном писателе?»

Звоню Ларисе в больницу, говорю, что врачи могут вылететь. К счастью, в больнице в это время лежал Борис Панкин (тогдашний председатель ВААП), который знал дачный телефон секретаря ЦК М.Зимянина. Уже через час Зимянин дал распоряжение министру здравоохранения Е.Чазову, все было организовано. В воскресенье мы поехали встречать врачей. Там была масса народу из министерства здравоохранения. Не помню, может быть, и Чазов был. Когда врачи вышли из самолета, Келлер сразу меня спросил: верно ли перedal мне господин Андерул, что вторая операция тоже делалась под общим наркозом? Да, верно. Они только переглянулись. Прямо с аэродрома они поехали в больницу, меня туда не взяли, была переводчица из министерства здравоохранения.

Из больницы вернулись только в 11 часов. Бросили вещи в гостиницу и поехали на квартиру Симонова, где его дочерьми был устроен

ужин. Я спросила Келлера: «Что — безнадежно?» Он сказал: «Нет, не безнадежно. Состояние, конечно, очень тяжелое, но надежда есть». Сказали, что им стыдно было, что они привезли свою аппаратуру: у нас аппаратура оказалась такая же, правда, почему-то стоит без применения. Швейцарцы предложили самое обычное в таких случаях лечение преднизолоном, которое, по их словам, конечно же, и нашим известно, но наши не стали его применять. На вопрос Келлера почему, наши врачи сказали, что боятся побочного действия — кровоизлияния в легкие. Они-то знали, что это было бы уже второе кровотечение. Но швейцарцам последний снимок, на котором легкие были сплошь белые, то есть залитые кровью, не показали, не сказали, что натворил второй общий наркоз. Правда, те все поняли сами. Келлер спросил: «У вас есть альтернатива?» — «Нет, альтернативы нет». — «Давайте попробуем, иначе он погибнет». Приступили к курсу нового лечения, начали осторожно применять преднизолон. Побочных действий не последовало. Как потом выяснилось, все равно Симонову давали не ту дозу, которую рекомендовали швейцарцы, — гораздо меньшую. И тем не менее больному становилось лучше. Когда же швейцарцы уехали, прекратили давать и эту минимальную дозу — перестраховывались... Еще швейцарцы сказали, что если семь дней сердце выдержит, то «он перевалит через гору». На седьмой день — потому ли, что перестали давать преднизолон или не потому, но Симонову стало хуже, хотя кровотечение так и не началось.

Наутро седьмого дня Симонов сказал медсестре: «Я умираю». Лариса у него спросила: «Хочешь домашнего бульона? Я позвоню домой». Он ответил: «Бульону хорошо бы, только вы не успеете». Действительно, когда принесли бульон, он уже впал в беспамятство и на расвете следующего дня скончался.

Незадолго до этого врачи предложили подключить его к искусственному дыханию. Лариса спросила: «Что он сможет делать?» Ей сказали: «Дышать». — «Говорить он сможет?» — «Нет». — «Рукой что-нибудь сможет делать, нацарапать записку?» — «Нет». — «Значит, только будет дышать, смотреть на меня полными упрека глазами: что ты позволяешь со мной делать?..» И семья дала расписку, что они от этого отказываются.

В то утро, когда он умер, мы собрались в квартире Симоновых. Ларисы еще не было. Потом она вер-

нулась из больницы. Вошла, обвела нас всех взглядом, ни слезинки (она была совершенно неслышной выдержки женщина), и говорит: «Женя, за два дня до смерти КМ сказал: «А обещание Жене я не выполнил. Дело с изданием Кафки так и не довел до конца».

...Похороны. Открытые, по его завещанию, поминки.

Через два дня звонок Ларисы: «Прошу вас прийти в пять часов ко мне». Собрались Долматовский, Лазарев, Карагановы, Ортенберг, Нина Павловна — секретарь Симонова, Марк Келлерман. Лариса сказала: «Мы сегодня вернулись из под Могилева, выполняли последнюю просьбу Константина Михайловича — развеяли его прах на Буйническом поле. Вот несколько колосков с этого поля».

Шум в Союзе писателей — ведь в некрологе написано было, что похороны состоятся на Новодевичьем, как положено по рангу! «Тайком, ни с кем не согласовали»... Будто, если бы заранее уведомили, разрешили бы. А так — дело было уже сделано...

Лариса решила поставить камень, валун, не на самом поле, а рядом с ним, у дороги, где стоит стела — памятник Кутеповской дивизии. По замыслу, должен был быть общий комплекс, соединяющий камень и стелу. Дальше замысла, хотя он всем нравился, дело не пошло...

...Вернувшись из Москвы, д-р Келлер по моей просьбе позвонил Андершу, рассказал ему о болезни Симонова. Андерш немедленно предпринял шаги для приезда Симонова, связался с швейцарским союзом писателей и Киндлером, западногерманским издателем Симонова. Ведь врачи вернулись в полном убеждении, что он выживет, что несколько лет у него еще есть, — стало быть, ему надо приехать долечиваться. Когда он неожиданно умер, Киндлер опубликовал потрясающий некролог, а Андерш прислал мне письмо. Вот отрывок из него: «Очень банальная немецкая фраза гласит: никто не бывает незаменим. Я думаю, Константин Симонов незаменимый человек — как писатель и как историческая фигура. Его попросту будет нам не хватать, совершенно неповторимым образом. Я выражаю Вам глубокое сочувствие».

Через полгода не стало и Андерша, едва успевшего поставить точку в своей последней повести «Отец убийцы». Я считала своим прямым долгом перевести и опубликовать ее — в память Андерша, в память его друга Симонова.

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Если Вы подписались на журнал «СТОЛИЦА», Вы будете раз в неделю получать свежие новости из Москвы

По вопросам подписки на наш журнал обращайтесь по адресу:
ECONEWS BOX 378 GENEVA 1211 SWITZERLAND
TEL.41.22-349.04.50 FAX.41.22-349.05.80

	ЦЕНА НОМЕРА В РОЗНИЦУ:	ЦЕНА НОМЕРА ПО ПОДПИСКЕ:
Швейцария	4,90 шв.фр.	3,43 шв.фр.
Франция	20 фр.фр.	14 фр.фр.
Германия	5,60 н.марок	3,94 н.марок
Великобритания	1,90 ф.ст.	1,34 ф.ст.
Другие европейские страны	3,80 ам.долл.	2,68 ам.долл.
Израиль	5,15 шек.	3,60 шек.
США	4,25 ам.долл.	2,98 ам.долл.
Канада	4,85 кан.долл.	3,40 кан.долл.
Другие страны	4,25 ам.долл.	2,98 ам.долл.

Mr./Ms. _____ *initials* _____ *Family name*

Address _____

_____ *Town/City* _____

Postcode _____ *Country* _____

Please charge: Access/Mastercard/Eurocard Visa

Diners Club American Express

Card No _____ Card expiry date _____

Please find inclose my cheque in favour of ECONEWS

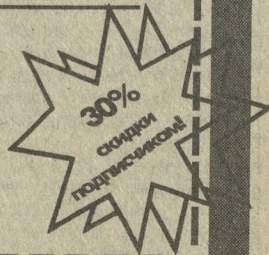
You will receive my payment on your bank account at SWISS BANK
CORPORATION GENEVA SWITZERLAND No. CO. 564.491.1

Signature _____

72 Weeks 36 Weeks

52 Weeks 26 Weeks

Please send this coupon to ECONEWS Box 378
Geneva 1211 SWITZERLAND

СУПЕРТЕЛО

«Беглец»,
США,
реж. Джефф Мерфи

Тоже боевик, но фантастический, снятый по роману известного американского писателя Роберта Шекли «Корпорация «Бессмертие»». Некая корпорация из недалекого будущего похищает из нашего времени молодые и здоровые тела на предмет переселения в них мозгов дряхлых клиентов. Очередной жертвой становится молодой автогонщик, который, случайно избежав операции, становится беглецом, преследуемым по пятам свирепыми охотниками.

Фото ИТАР—ТАСС

Рок-звезда Мики Джаггер

Правда, как и положено по законам жанра, ближе к финалу это супертело разносит вдребезги экологически прогнившее будущее, разбирается со всеми негодьями, завоевывает симпатии широких народных масс, становится президентом вышеупомянутой корпорации и возвращает любовь своей невесты. Забавно, что его возлюбленная, состарившись по сюжету на пару десятков лет, выглядит на экране порой даже моложе самого героя. Впрочем, не будем придирчивы — на то она и кинофантастика. В целом — яркая, зрелищная, со сложными спецэффектами и динамичным сюжетом. А также с участием двух звезд: рок-певца Мика Джаггера и киноактера Энтони Хопкинса (помните его психиатра-людоеда из «Молчания ягнят»?). Так что поклонники фильмов типа «Вспомнить все» несомненно будут в восторге и от «Беглеца».

Фильмы представляет Петр Смирнов

РЕМЕЙК В СТИЛЕ РУМБЫ

«Поцелуй меня,
убийца»,
США,
реж. Маркус Де Лион

Ремейк, то бишь, грубо говоря, повтор известного фильма Боба Раффелсона «Почтальон всегда звонит дважды». Только в этом криминально-любовном треугольнике явственно ощутим латиноамериканский акцент создателей ленты. Это выражается и в том, что герой из автомеханика превратился в певца зажигательных песен, и в повышенном градусе страстей героев, и в количестве любовных объятий, и в католической окраске (самая страстная любовная сцена происходит в церкви на глазах у священника), и, наконец, в том, что оставшимся в живых победителем оказывается женщина, чего американцы с их культом мужчины-героя обычно не практикуют. К тому же нынешние исполнители — Джулия Кармен и Роберт Белтран — если и выигрывают у прежних — Джессики Ланж и Джека Николсона — в темпераменте, то явно проигрывают им в изощренном психологизме. Впрочем, сравните сами.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ ИЗ ЦРУ
«Бомба замедленного действия»,
США,
реж. Ави Нишер

Боевик. Средней степени крутости. Интеллигентного вида часовщик в очках (Майкл Биен) ведет скучный,

размеренный образ жизни. Но в первой же экстремальной ситуации — на пожаре — вдруг преображается, подобно Илье Муромцу, слезшему с печи после тридцатитрехлетнего сидения. И мы понимаем, что эта бомба замедленного действия — суперагент ЦРУ, «законсервированный» гипнозом, — наконец-то взорвалась. Естественно, за ним начинается охота. Естественно, в ней принимают участие его коллеги — такие же суперагенты. И, естественно, наше дело правое — победа будет за нами. А как — смотрите сами. Думаю, что удовольствие вы тоже получите среднее.

СМЕЯ НАД БОГАТЫМИ,
КОТОРЫЕ ПЛАЧУТ
«В бреду»,
США,
реж. Том Манкевич

Забавная пародия на американские телесериалы про плачущих богачей, над которыми, как известно, охотно рыдают отечественные нищие, чем снижают и без того низкую производительность труда.

Сценарист, клепающий бесконечные серии очередной «мыльной оперы», в результате аварии попадает... в город, им же самим придуманный. Его попытка с помощью пишущей машинки внести коррективы в выдуманную жизнь выдуманных персонажей приводит к массе остроумных и очень смешных ситуаций. Чего стоит, например, сцена, в которой пьяный в дымину герой пробует с ходу писать сцену великосветского приема, в результате чего там вдруг появляются совершенно незапланированные олени, негры и прочие «опечатки». Очень бы рекомендовал посмотреть эту комедию тем нашим деятелям «Останкино», которые ведают закупками телесериалов про богатых рабынь из Санта-Барбары.

ОСТРОВ СОКРОВИЩ. ДУБЛЬ 2
«Потерпевшие кораблекрушение»,
США, реж. Нильс Гауп

Как в старом добром романе Стивенсона, в этой ленте есть и отважный юнга, и коварные пираты, и необитаемый остров, и сундуки с сокровищами, и скелеты, и мушкетеры. Конечно, как и всякая копия, она несколько бледнее оригинала, тем более, что не является экранизацией «Острова сокровищ». Но горящие глаза моего сына и его друзей, во время просмотра фильма, убеждают в том, что никакие терминаторы не смогут заменить, наверное, генетически заложенную в детях любовь к морской романтике и бригантине, поднимающей паруса.

ВИДЕООБЪЕМЕН

БОЛЬШОЙ ВЫБОР
ЗАРУБЕЖНЫХ
ФИЛЬМОВ-НОВИНОК!
Для граждан — 5 руб. в сутки.
Для организаций по
безналичному расчету —
7 руб. в сутки.

Наш адрес:
Петровские линии
1/20
напротив гостиницы
«Будапешт»

Сергей ЧУПРИНИН

Вы будете смеяться, но мы, кажется, все-таки выживем

Начну с фактов.

Вот первый из них: Министерство связи официально сообщило, что из 2200 включенных в Каталог российских периодических изданий уже прекратили существование 113, остановлена подписка на 233, произведена переподписка на 416 газет и журналов.

Этот факт нетрудно проверить, подойдя к любому киоску бывшей «Союзпечати», к лотку уличного распространителя. О былом роскошестве в выборе — хотя бы полугодовой и тем более годовой давности — и помина нет.

Напрочь исчезли, например, из свободной продажи традиционные «толстые» журналы: когда цена номера стала равняться цене трех трамвайных билетов и сильно уступать стоимости пирожка с капустой, они, еще хоть как-то выполняя свои обязательства перед подписчиками, первым делом обрезали розницу, то есть избавили себя от необходимости дотировать покупателя (и читателя) случайного.

Резко сузился спектр ежедневных и еженедельных изданий. В глазах больше не пестрит: «Известия» (за два рубля), «АиФ» (за три), «Комсомолка» (за три с полтиной) — вот почти и все, если не считать «Независимую газету», «Коммерсантъ», «День» да изредка — уже только изредка — мелькающие «Огонек», «Литгазету», «Собеседник», «Московские новости».

Вроде бы держится на плаву т.н. «коммерческая» пресса, сравнительно неплохи, говорят, дела у распространяющих пятирублевую газету бесплатных объявлений «Из рук в руки», семи—

десятирублевую «Совершенно секретно», пятнадцатирублевый «СПИД-Инфо», но и то... Издания дайджестного типа растворились, как ежик в тумане, вестники сатиры и юмора сгнули будто по команде, торговцы порнопериодикой переключились с отечественных «Венеры», «Мистера Икс», «Еще» и «Разгуляя» на проверенные «Плейбой», «Люи», «Пентхауз» и их восточноевропейские аналоги.

Самый же верный показатель: очереди у газетных киосков больше нет, а

уличных торговцев прессой стало резко меньше. Там, где с молчаливым достоинством, с сознанием своей необходимости обществу стояли тьмы, и тьмы, и тьмы гвардейцев гласности, теперь нахально, но робко покрикивают на зазевавшихся прохожих одиночки, может быть, последние из могикиан.

Издавать периодику теперь убыточно, торговать ею — невыгодно, покупать и читать ее — накладно. Тут уж не поспоришь, хотя...

Вот вам и второй факт: недели не проходит, чтобы не затевалась презентация очередного еже- (недельника, месячника, кварталника). Иногда на шампанском все и заканчивается. Иногда, но не всегда. То ляжет аккуратной стопочкой у киоскера экзотически яркий «Мальчишник» — сторублевый иллюстрированный журнал для публики с нетрадиционной, как сейчас выражаются, сексуальной ориентацией, или «Мужской клуб» — издание, явно рассчитанное на сексуальное большинство. То пройдут чередую «Капитал» — газета для богатых, «Третье сословие», «Век», «Колесо обозрения», «Молва» и tutti quanti. То приятель-литератор обмолвится, что ждет выхода своей новой вещи в «Литературных записках», в «Русском богатстве», в «Золотом веке», еще где-то. А то еще чище...

Позвонил из Калуги Валерий Сафранский, напомнил, что когда-то я был оппонентом в МГУ на защите его дипломной работы о русском верлибре. Разговариваем, жду, что предложит, как водится, свои стихи или статью, а Валерий этак спокойненько-спокой-

ненько, как о чем-то само собой разумеющемся:

— Мы тут журнал выпускаем, посвященный только и исключительно свободному стиху. Не захотите ли полюбопытствовать?

Батюшки, думаю, светы! В стране Бог знает что творится, издательская индустрия идет ко дну, никто — так, во всяком случае, кажется, — давно ничего не читает, в солидных редакциях только и разговоров, что о деньгах, сокращении объемов и штатов, сдвоенных-строенных номерах, катастрофической себестоимости и, значит, опять о деньгах, а ребята из Калуги, будто дурень с писаной торбой, с верлибром!..

— Как хоть называется-то?

— По-хлебниковски — «Воум!».

Действительно, «Воум!». Номер 0, то есть, понимаете, пробный. Цена 3,95 — в рублях и ровно столько же — в долларах. Тираж — 3000. Содержание? Нормальное содержание, ожданное: новые стихи дебиотантов и мэтров, литнаследие, переводы — с украинского, польского, английского, — критика, библиография, чуть-чуть рекламы и саморекламы... Но! Роскошная офсетная бумага — давно такой не видал: изящный дизайн; грамотная подача текстов и высший шик — каждый экземпляр упакован в полиэтиленовый конвертик — совсем как на сытом Западе!..

— Как удалось? Где деньги взяли? Кто помогает?

Улыбается.

— Будут ли еще номера?

Опять улыбается — и без всякого, заметьте, скепсиса.

Вечером того же дня — так совпало — отправляюсь в Дом кино на презентацию «Русской визы»: группа журналистов и литераторов, полтора года назад со скандалом покинувшая редакцию «Огонька», наконец-то выпустила первый номер собственного журнала. Ни о какой камерности, провинциальной элитности в данном случае и помина, конечно, нет: в зале и на страницах — знаменитости, тираж — пока, для разбега! — уже тридцатитысячный, стоимость номера — уже 25 рублей.

Но и масштабы, надо сказать, разные. «Воум!» демонстративно, подчеркнуто элитарен. В.Сафранский и его друзья движимы надеждой на то, что найдутся в огромной стране три тысячи человек, которым интересны проблемы свободного стиха. Если опыт нулевого номера покажет, что этих любителей меньше, то и тираж сократится: вплоть до тысячи, до ста экземпляров, но обязательно в шикарном конвертике. Будет маленькая, но своя ниша в культуре — и довольно.

А вот «Русской визе» — прямо наоборот — не прожить без массовой, хорошо бы многомиллионной, аудитории. Тут претензия не свое застолбить, а чу-

жое отвоювать, чтобы, заменив (а в идеале — погубив и отменив) постылый «Огонек», дать, наконец, стране журнал иллюстрированный, но респектабельный, идеологически выдержанный, но веро- и вкусотерпимый, обращенный вроде бы к одному, отдельно взятому читателю, но рассчитанный на то, чтобы понравиться всем и каждому.

Получилось ли? Пока, по-моему, не очень — и именно благодаря явственному желанию, во-первых, перешибить, переплюнуть «Огонек», Коротича и Гущина, а во-вторых, всем и каждому понравиться. Гражданская и эстетическая позиция соредкторов В.Вигилянского и О.Хлебникова вызывает устойчивую приязнь, дизайн «Русской визы» великолепен, тексты по большей части не хуже, чем у людей, а журнала — как именного журнала — пока, мне кажется, нет.

Будет ли? Понятия не имею, как не имею понятия и о том, выйдет ли когда-нибудь еще один номер калужского «Воума», реализуются ли мечты другой бригады энтузиастов о выпуске журнала «Палиндром», оживет ли снова широко разрекламированный и, кажется, уже погибающий «Дар», будет ли на что-нибудь стоящее похожа «Росинка», долгие ли окажется век петербургско-екатеринбургского «Лабиринт-Экцентра», аукнется ли еще раз с публикой «СОС» и т.д., и т.п., и пр.

Сейчас поручиться ни за что нельзя. Будущее непредсказуемо. Но я ведь не о будущем. И даже не о том, что какое печатное издание, пусть даже и неудачное, пусть даже и пересекшееся на уровне благих намерений, оставляет свой след в культуре, делает ткань культурной, общественной жизни в стране чуть-чуть более плотной, чуть-чуть более узорчатой.

Я сейчас о другом. О том, что, сколь бы ужасной ни была наша жизнь, не переводятся в стране энтузиасты, готовые постоять за успех своего безнадежного дела.

Уже само их существование, равно как и неистребляемость русского энтузиазма, поднимает настроение. Становится совестно ныть и плакаться. Становится ясно, что гораздо вернее и полезнее для здоровья вслед Валерию Сафранскому и его товарищам сказать «Воум!» и вбить гвоздь в доску глупости.

Или — вместе с создателями «Русской визы» — держаться слов, написанных Андреем Платоновым в начале страшных 30-х годов: «Страна темна, а человек в ней светится».

Устаешь не от трудов. Жухнешь не от неудач, а от безнадеги. Поэтому я и смотрю на еженедельно, чуть ли не каждодневно появляющиеся новые издания именно как на повод в очередной раз набраться терпения и оптимизма, в очередной раз поверить, что все мы, видит Бог, выживем.

Не сможем не выжить. ■

ЗАКОН КЛУБНИКИ

О новом журнале «ТВ-ревью»

Закон этот впервые обнародовал советский разведчик-перевертыш, работающий под псевдонимом Виктор Суворов, в книге «Аквариум» (раскрывшей, помимо закона, еще прорву секретов советской военной разведки).

Про клубнику там написано так: «Пятый закон вербовки — это закон клубники. Я люблю клубнику. Я люблю ловить рыбу. Но если рыбу я буду кормить клубникой, то не поймаю ни одной. Рыбу надо кормить тем, что она любит, — червяками. Если ты хочешь стать другом кому-то, не говори о клубнике, которую ты любишь. Говори о червяках, которые любит он».

Журнал «ТВ-ревью» не знал этого закона. По крайней мере, до сегодняшнего дня. В редакционной статье, открывающей первый номер, он сразу отрекся от дешевки. Как можно выпускать журнал о телевидении и с ходу отречься от того, что все смотрят, не знает никто. Кроме телекритиков Юрия Богомолова и Андрея Зоркого, но их мнение нам хорошо известно и без «ТВ-ревью». Эти люди мир меряют Верховным Советом, больше всего ценят эмигрантов, и странно, что оба до сих пор здесь. Еще им кажется, будто не все здесь до конца прочувствовали, как нам 70 лет было плохо и какая Сталин сука. С такими оба критика проводят разъяснительную работу — но это общая беда наших кинематографических журналов, в которых оба начинали и продолжают по сей день.

Если б тоталитаризм, Бабурин и слово «командно-казарменная» (о которых они не перестают петь и в новом журнале) не настолько застили им глаза — оба могли бы сделать кучу полезных выводов. Например, что 90 процентов советского населения — ослы. Что телевидение существует именно для них. Что на такое огромное многомиллионное стадо необходимо заготавливать уйму духовных кормов — той самой дешевки. И что читать журнал «ТВ-ревью» это стадо будет в той же пропорции, что смотрит ящик: девять к одному.

А значит, на него надо работать. Мастеровито, с огоньком, не особенно удручаясь пропастью между собственным и его интеллектом. Как это и делает телефаворит Леонид Якубович. Человек, судя по блистательному интервью в 1-м номере «ТВ-ревью», куда более интересный и умный, нежели кажется на голубом экране».

Но ни А.Зоркий, ни Ю.Богомолов таких выводов не делают. И Зоркий, и Богомолов, и В.Кисунько, и глубоко уважаемый

мною за стихи А.Аронов, сочиняющий ту же лабуду для «Московского комсомольца», от своего слова не отступятся. Ибо все они пожилые и заслуженные персонажи. И потому давно не выходят на улицу. И потому людей, кроме Ельцина, Ростова, Невзорова и Хасбулатова, для них в принципе не существует. Еще они хорошо помнят Кравченко. И тщательно отговаривать их писать о политике, как это пытался сделать главный редактор «ТВ-ревью» Сергей Воловец (в прошлом, кстати, — заместитель Егора Яковлева в «Московских новостях»).

Все остальное на месте. Дневниковая созерцательность, как у любого прижизненного классика — от Толстого до Солженицына. Сегодня прочитал газету и посмотрел телевизор. Что говорят, гады. Вечером лежал на диване. Хорошо. (Материал М.Липскерова, еще одного кинопишущего человека, в 1-м номере «ТВ-ревью». Ни о чем. О диване и секундной стрелке.)

Воловец напрасно попытался сделать ставку на телекритиков: в телекритики нынче идут те, кому совершенно не о чем писать, кто много пил и читал во времена застоя и никогда не простит этого режиму. Здесь ловить уже нечего. Ельцин-Ельцин-Ельцин, сессия-сессия-сессия, Жириновский-Жириновский-Жириновский. Спикер, президент, Гоголь, патриот, Гомер, КГБ, Олейников дурак.

Однако у Воловца есть засадный полк, спасающий оба первых номера журнала и дающий некоторую надежду на будущее. Это отряд журналистов четвертого поколения, способных за деньги и без подписи:

— во-первых, делать настоящие рейтинги популярности (по результатам опроса зрителей, а не друзей главного редактора). Согласно им, первое место среди телеведущих занимает глубоко ненавистный мне и всем телекритикам А.Невзоров. Это дельная информация к размышлению. О народе и тернистом пути к его загадочному сердцу;

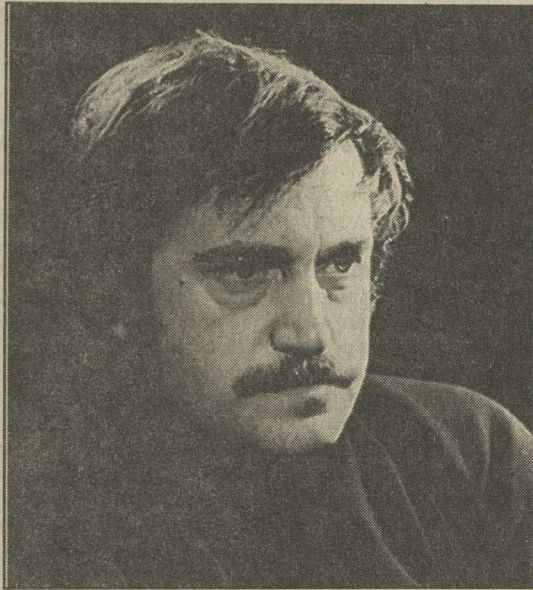
— во-вторых, расшифровывать глубоко непонятные названия телепередач (не бойтесь повторяться — сразу все объяснения запомнить невозможно);

— просто программу давать, с картинками. С датами выпуска художфильма и сплетнями об авторах.

В общем, делать грубую черновую работу, интересующую людей куда больше, нежели мнение телекритиков и автора этих строк об А.Невзорове.

Денис ГОРЕЛОВ

Василий АКСЕНОВ

АНТРАКТ II. НИЧТРУСЫ — ТУДА!

Кот профессора Гординера любил стоять на одной ноге. То есть не то что он на ней просто-напросто стоял, забыв о трех остальных конечностях, или, скажем, кружился на одной ноге, как балерина Лепешинская, однако он любил положить две передних лапы на подоконник и созерцать происходящее на дальней стороне улицы, на углу переулка, на крышах низких домов и на карнизах высоких, и в эти минуты поджимал к пузу то левую, то правую ногу, уподобляясь тем редким людям, у которых иногда возникает желание постоять на одной ноге.

Все-таки не зря я его назвал Велимиром, думал профессор Гординер. Сидя в глубоком кресле у батареи отоп-

ления в ожидании ареста, завернувшись в толстый плед верблюжьей шерсти, он созерцал кота, созерцающего объективный мир. Он вспоминал того, в честь кого семь лет назад назвал толстого боевого котенка, принесенного ему в подарок любовницей Оксаной. Смешно, но в мякани котенка почудилась ему какая-то веселая хлебниковская заумь. Тогда и возникло имя кота. Настоящий Велимир, конечно, не обиделся бы, наоборот, был бы польщен, тем более, что у кота с возрастом появилась хлебниковская манера стоять на одной ноге. То есть, прости-те, на одной лапе.

Бронислав Гординер когда-то входил в футуристическую группу «Центрифуга» и по этой линии не раз встречался с Хлебниковым. Тот был старше его на несколько лет; мифическая фигура поэта-странника, словотворца и вычислителя истории. Молодой критик благоговел, хотя по групповой принадлежности полагалось не благоговеть, а задирать основателя «Гилеи», одного из ведущих кубо-футуристов, нагло предъявлявших права на все движения.

Хлебникова, надо сказать, групповая политика мало занимала, как мало его занимали молодые, благоговенные перед ним критики. В разгаре бурной дискуссии и посре-

Глава из последней части только что законченного В.Аксеновым большого романа о жизни интеллигенции «Московская сага», действие которого охватывает период с 20-х годов по март 1953-го (смерть Сталина).

Первая часть романа «Московская сага» опубликована в журнале «Юность» (№№ 5—11 за 1991 г.); вторая и третья будут напечатаны там же в конце этого года и начале следующего.

ди какого-нибудь места, на суарэ ли у сестер Сinyaковых, в толпе ли у Сухаревской башни, он мог замереть, обкрутив праздную ногу вокруг другой, рабочей, с выражением лица полнейшего идиота что-то бормотать пухловатыми губами под вечно несоккойным носом. В такие минуты вокруг поэта возникало разреженное пространство: творит, не мешайте!

Ах, как здорово жилось тогда! Все эти полуголодные вернисажи! Головокружительное ощущение принадлежности к новому веку, к творителям новой культуры! Давно все это уже ушло. Сначала перестали хохотать, потом прекратили улыбаться, наконец, бросили собираться вместе, отошли от групп, то есть разобрали их до нуля общим отходом, потом, эх, потом вообще настали времена, когда о группах старались забыть, да и личные дружбы прежних грешных лет не особенно афишировались, а если где-нибудь, в неподходящем месте, вдруг выплывало чье-нибудь некогда славное имя, прежний групповщик лишь бормотал «ах, этот» и тут же переключал стрелку на главную магистраль. Хлебников, измученный возвратным тифом, недоеданием, а в основном персидской анашой, умер еще в 1922-м. Центрифуга поэзии, которой надлежало, по замыслу ее теоретиков Сергея Боброва и Ивана Аксенова, поднимать на поверхность крем словесного мастерства, пошла наперекосяк, взбаламутила на дне безобразный осадок. Лучше тем, кто ушел заблаговременно, как Иван; чтобы он делал сейчас со своими «Елизаветинцами», со своим «Пикассо»? Плачевны мы, оставшиеся, Сергей, я, Николай, даже Борис... Вот так, десятилетие за десятилетием, сидеть в маленьком холодном потцу, ждать ареста, не высовывать носа, Велимир, сжиматься в комочки, что твои мышки, строчить аккуратненькие, благонамеренные рецензийки, рифмовать версты подстрочного перевода; плачевны мы, Велимир. Я знаю, что ты сейчас скажешь...

«Времыши-камыши! Жарбог, Жарбог!» — отозвался кот.

«Вот-так-так, — сказал Гординер. — Нет, не зря я назвал тебя Велимиром».

Кот отпрыгнул от окна и даже, как показалось Гординеру, перед тем, как заскочить ему на колени, сделал некий однолапный пируэт. Копашась, устраиваясь на коленях любимого Бронислава, копя его плед и вельветовые штаны колючими лапами, бодая подвздошие ему крутою головою, кот мурчал: «Пинь, пинь, пинь, тарарахнул зензи-вер, О, лебедиво! О, озари!»

Говорят, что коты любят не человека, а свое место, ду- мал недавно разоблаченный критик-космополит. Может быть, может быть, но меня Велимир любит явно больше, чем нашу комнату. То есть в этой комнате он больше всего любит меня. Мне отдает предпочтение даже перед диваном. Бесконечно следует за мной, лижет мне пятку во время совокуплений с Оксаной. Вполне возможно, он видит во мне не человека, а свое место, такое свое ходячее место... Эдакое покряхтывающее, бормочущее матершинку, покуривающее, попукивающее, писающее в ведро, когда лень идти в коммунальный туалет, скрипящее перышком, шевелящее страницы любимое место. Только тяга к законному пространству соперничает в нем с привязанностью ко мне, только поэзия кошачьего космоса...

«Ну, что ты там лицеизрел сегодня, в своем законном пространстве, Велимир?» Кот посмотрел на него снизу вверх, как заговорщик, и, словно убедившись, что подвоха нет, возбужденно запел:

«Сияющая вольза желаемых ресниц и ласковая доляза ласкающих десниц. Чезоры голубые и нравы своенравия. О, право! Моя моролева, на озере синем — мороль. Ничтрусы — туда! Где плачет зороль»...

«Эка хватил, — пробормотал Гординер. — Мы все обманываем себя, дружиче Велимир. Красоты в объектив-

ном мире не существует, есть только ритм. Наш мир — лишь жалкий заговор культуры...»

Он вспомнил, как они вот в этой же комнате, еще в 1934-м, говорили на эти темы с Иваном Аксеновым, только тот, естественно, сидел не на его коленях, а вон на той, тогда еще не протертой до мездры шкуре медведя. Хотя бы обоим переклеить первый раз с тех пор, хотя бы выветрить когда-нибудь запах холостяцкой мизантропии!

Привычное советское многолетнее вялое ожидание ареста недавно сменилось у профессора Гординера более ощутимым, то есть до некоторых спазмов в кишечнике, его ожиданием. После нескольких упоминаний его имени в списках других людей с неблагозвучными для русского уха именами все его статьи в журналах завернули, а самого его вычистили из профессуры ГИТИСа, где он читал курс по Шекспиру. Хотя никого еще из отъявленных мерзавцев-космополитов не посадили, однако в печати все чаще появлялись требования трудящихся разоблачить до конца, а это означало, что общий знаменатель приближается.

Все это было еще окрашено чудовищной иронией. На фоне бесконечных требований «раскрыть скобки» Гординер являл собой парадоксальный выверт литературы и судьбы. Дело в том, что у него-то в скобках как раз скрывалось самое что ни на есть великолепное нееврейское, белорусское благозвучие, а именно — Пупко. В далекие футуристические годы юный критик Бронислав Пупко решил, что с такой фамилией в авангард не поедешь, вот и выбрал себе псевдоним, в котором, как ему казалось, звучала как бы славянская стрела, перелетающая немецкую твердыню. К имени этому в литературных кругах скоро привыкли, и он сам к нему привык до такой степени, что про Пупко своего изначального даже и забыл, даже и паспорт получил в начале тридцатых на фамилию Гординер. Кто же думал тогда, что придется отвечать за такое легкомыслие, что такое неизгладимое еврейство приклеется к его седым бакенбардам и пегим усам вместе с этим псевдонимом? Что же теперь делать? Не вылезать же на трибуну, не бить же себя в грудь, не вопить же: «Я Пупко, я Пупко!» Нет, до такого падения он все-таки не дойдет! Отказываться от Гординера — это все равно что отказываться от всей жизни, перечеркнуть свое место в литературе, оплевать все свое творческое наследие! Нет уж, пусть приходят и берут Гординера, Пупко отсюда не убежит, в комсомол возвращаться постыдно!

«А ты уходи, — говорил он Велимиру. — Когда они явятся, я открою форточку, ты прыгай туда и сразу уходи по крышам. Ты знаешь, где живет Оксана, немедленно отправляйся к ней один или со своей мороловой. Им в руки не давайся!»

«Проум, прдум, преум, ноум, взум, роум, заум», — отвечал кот.

Ближе к вечеру приехала Оксана и прямо с порога начала снимать юбку. Их связь тянулась уже много лет, и, как они оба говорили друг другу и сами себе, она заполняла собой их «кулуары романтики». Оксана когда-то, естественно, была студенткой Гординера по шекспировскому курсу, тогда-то и выяснилось, что оба они не могут говорить о «пузырях земли» без волнения. С годами она из девчонки с задраным носиком превратилась в статную даму с чуть поблескивающим меж по-прежнему дивных губ металло-керамическим мостом. В лице у нее иногда уже мелькало что-то мрачновато-величественное, и Гординер во время свиданий прилагал все усилия, чтобы хоть на миг сквозь обычную для московской женщины усталость выглянула та прежняя, с шекспировской лекции, восторженная девчонка. Свидания, увы, становились все более деловитыми, как бы рассчитанными до минуты. Семья обременяла Оксану: муж, сотрудник Минтяж-

Рис. П. Стюенко

прома, и трое детей, из которых среднее дитя, дочь Тамара, была, по ее убеждению, зачата вот в этой самой комнате, на этом самом протертом кожаном диване.

Довольно часто в конце свиданий Гординер вспоминал эго-футуриста Игоря Северянина и начинал канючить:

Ты ко мне не вернешься даже ради Тамары,
Ради нашей малютки, крошки вроде крола,
У тебя теперь дачи, за обедом омары,
Ты теперь под защитой вороного крыла.

Хохоча, собирая белье и тайком то и дело поглядывая на часы, Оксана возражала: «Хороши омары! Питаемся одними «микояновскими котлетками», к вашему сведению».

Так вот и сейчас, едва переступив порог, сбросив заляпанные боты и расстегнув юбку, Оксана уже бросила косяка на часы. Одиночество — удел критика-космополита, думал Гординер, с кривой улыбкой вылезая ей навстречу из своего кресла. Кот между тем, по-светски покрутившись вокруг быстро обнажающейся Оксаны, решительно направился к окну. В последнее время он резко сократил свое участие в «заполнении кулуаров романтики», то есть облизывание папиных пяткок. Оксанины визиты начали его раздражать, потому что женщина отказывалась жить с ними постоянно.

«Галагала гэгэг! Гракахата гророро!» — потребовал он.

Гординер открыл форточку. «Возвращайся до темноты!» Велимир выпрыгнул на карниз, спустился на низлежащую крышу и прошел к трубе, держа перпендикулярно колеблющийся, словно гвардейский султан, хвост. Помимо всего прочего он был флагманом здешнего флота. Лучи заката просвечивали сквозь густой пух хвоста, отчетливо выделяя стержневую мощную пружину.

...Заполнив кулуары романтики, Оксана и Бронислав еще некоторое время лежали в объятиях друг друга. Профессор нажатием на лопатки подавлял внутреннюю суету возлюбленной. «Перестань смотреть на часы!» Она гладила его по голове, нежнейшим образом пощипывала славно поработавший старый орган. «Да-да, ты прав, Броня, не будем наблюдать сей странной механизм». Она вздыхала. «Вчера он искал папиросы, залез в мою сумку, нашел ключ от твоей квартиры. Разумеется, скандал. В который раз? Ах, это почти невыносимо!»

Гординер молчал. Обычно после таких сообщений он начинал бурно требовать, чтобы она немедленно ушла от докучливого Минтякпрома, чтобы все они начали новую, романтическую жизнь, без всякой фальши и тягомотины. Сейчас молчал. «Что же ты молчишь?» — спросила она. Все-таки хотелось, чтобы поклянчил, хоть и знала, что никогда к нему не уйдет.

«Молчу потому, что мне теперь нечего тебе предложить. За мной, наверное, скоро придут. Вчера на открытии партсобрания секции критики опять требовали полного разоблачения. Позаботься о коте, Оксана, не дай ему пропасть».

Кот между тем несся по конькам крыш. Домой — с благой вестью! Последние закатные лучи ударили в открывающиеся форточки, пьянили и слепили, как когда-то, в незапамятной жизни, в плавнях Волжского устья, ослепляли и пьянили мальчонку закатные, сквозь камыши, блики, когда-то за каким-то папенькой-орнитологом поспешал, волоча калмыцкий челнок с выводком окольцованных птиц. Экое счастье было, экое счастье — сейчас! Вперед, вперед, на молодых или, ну, еще не старых там, мускулах, страшная железобетонная радиосхема последней наркотической ночи в Санталово еще впереди, или уже позади, а может, ее и совсем нет, хоть и присутствует, а главное — эти блики, этот полет любви, главное — как можно быстрее сообщить любимому ходячему мещечку, а именно папочке Брониславу Григорьевичу Гординеру, в прошлом Пупко, о том, что он не будет арестован!

Откуда взял это кот Велимир, с какого панталыку? Высокочастотную связь, что ли, подслушал? В эфире ли произошел какой-то сдвиг, что улавливают коты и что недоступен людям? Во всяком случае, вдруг озарило, и он понял, что всем их страхам теперь конец: папа уцелеет! Скорей! Скорей! Теперь самое главное — как передать эту новость Гординеру? Поймет ли он универсальный язык, унаследованный из глубин онтологии?

Оксана рыдала. Только сегодня она поняла, что Гординер обречен. Рыдала не только от горя, но и от стыда, ибо знала, что не останется с ним даже сегодня, что он ей давно уже *немного* в тягость, а также потому, что, невзирая на все благородное сострадание там и даже скромные потуги самопожертвования, в предательских мыслях то и дело возникает молодой сослуживец по библиотеке ВТО — совсем молодой, на 15 лет ее младше, — который давно уже дает понять, что не прочь заполнить ее «кулуары романтики». Гординер ее не утешал.

Вдруг за окном бурно возникла фигура кота во весь рост, в распушившейся шубе, с огнем в глазах. Барабанил передними лапами по стеклу, требовал впуска. Вот кто никогда не предаст, подумал Гординер, бросаясь к окну.

Впрыгнув в комнату, кот заколесил, хвост трубой, меж ног своего папы и его любовницы. Громко и торжествующе он пытался донести до них свою новость:

Лили эги, ляп, ляп, бэмь.

Либибибинираро

Синоано цацириц.

Хию хмапа, хир зэнь, ченч

Жури кака син сонэга.

Хахотири эсс эсэ.

Юнчи, энчи, ук!

Юнчи, энчи, пипока.

Клям! Клям! Эпс!

«Что это с ним случилось? — перепугалась Оксана. — Валерьянки, что ли, где-нибудь насосался или мышьяку перехватил?»

Профессора вдруг осенило. «Да как же ты не понимаешь? Велимир где-то узнал, что меня не арестуют! Правда, Велимир?»

Кот в восторге вдруг сделал пируэт на одной ноге.

Иверни выверни,

Умный игрени!

Кучери тучери,

Мучери ночери,

Точери тучери, вечери очери.

Четками чуткими

Пали зари.

Иверни выверни,

Умный игрени!

Оксана смотрела, мучительно не понимая. Старый ее любовник, которого она всегда из-за его возраста немного стеснялась, хоть и не замечала, что в последнее время народ на улице уже не видел в их редких совместных прогулках никакого несоответствия, теперь стоял на одной ноге посреди комнаты, балансировал руками и бормотал: «Хоть здесь и нет объективной красоты, но все-таки есть ритм, а это немало. Ну что ж, ну что ж, пусть еще потянется этот заговор культуры, пусть пройдет вся игра»...

Аркадий ИППОЛИТОВ

БИТВА ПРИ КОРАБЛЯХ

(гомеровский эпос)

Зевс дарует кратковременную победу троянцам для того, чтобы слава Ахилла засияла еще ярче. Им удастся прорвать оборонительную стенку лагеря ахейцев, и битва ведется за корабли. Греки находятся на грани поражения. Все главные герои — Агамемнон, Диомед, Одиссей — ранены и вынуждены покинуть битву. Гектор, не встречая достойного противника, крушит налево и направо ахейские войска.

Битва у Гомера — это битва героев. Как в древнегреческой трагедии, выступает вперед то один, то другой главный персонаж для того, чтобы произнести свой монолог и убить десяток любовно поименованных, но лишенных каких-либо индивидуальных черт воинов. Хор служит только для того, чтобы быть методично зарезанным великими.

Между двумя художниками, Джулио Романо и Максом Слефоггом, лежат четыре столетия. Оба берут очень редко встречающиеся в изобразительном искусстве батальные сцены из «Илиады». Оба при этом удивительно похожи: для того чтобы передать стремительный натиск троянцев, избирается диагональное движение, под-

Дж. Романо. Подвиги Гектора

черкнутое в том и другом случае движением воина, вонзающего копье в противника. За четыреста лет формальная структура изображения не меняется.

Зато полностью меняется осознание смысла гомеровской битвы. У Джулио Романо, как и у Гомера, битва — это поединок условных героев, в то время как у Слефогга — безликий клубок человеческих тел, толпа, где не отличить Ахилла от Терсиса. В разнице двух иллюстраций к «Илиаде» заключен путь, проделанный западным гуманизмом в восприятии войны и убийства от XVI до XX века: от воспевания

красоты подвига в индивидуальной схватке до показа жестокости бесформенного убийства. Разница эта не временная, а стадийная.

В сталинской живописи кровавожадная красота героизма была воскрешена в гениальной картине Дейнеки «Оборона Севастополя». Скорее всего, неосознанно Дейнека создал новый вариант битвы при кораблях. Тема картины — сопротивление отчаяния: отступление невозможно, сражение происходит на краю земли в буквальном смысле, но в героических фигурах гибнущих советских воинов видно знание

грядущей победы. Как ахейцы знали, что победа будет дарована им свыше в любом случае, так обреченные и покинутые защитники Севастополя уверены, что их победа предрешена высшей справедливостью. Поэтому смерть и война в картине Дейнеки осены ореолом величия, который не свойствен современному либеральному европейскому сознанию. Сталинский стиль возвращает искусство к нравам архаической Греции, а Дейнека становится современником Джулио Романо, хотя и не одевает своих героев в античные одежды. Правда, у них есть одно важное различие: для Дейнеки существует четкий образ врага, в то время как у Джулио Романо не сразу разберешь, где троянцы, где ахейцы. Только после пристального разглядывания понимаешь, что Гектор и его соратники изображены в шлемах, похожих на фригийские колпаки, и в штанах варваров в отличие от более западных греков в панцирях и юбочках.

Одним из важных троянских героев был Сарпедон. Ему далеко до Гектора, Париса и Энея, но он замечателен тем, что его отцом был сам Зевс. Сарпедон чем-то напоминает Герак-

ла: именем, в котором слышится что-то добродушное, и тем, что Гомер постоянно сравнивает его со львом. Многим досадив грекам, в 16-й песне он погибает от руки Патрокла, Зевс позволяет убить своего сына, но в наказание за это должен погибнуть и сам Патрокл.

Покрытое грязью и кровью тело Сарпедона валяется под ногами сражающихся. Зевс призывает Аполлона и приказывает этому союзнику троянцев послать Сон и Смерть на поле боя для того, чтобы перенести тело сына в его родную Ликию. Единственная картина на этот сюжет была создана Фюсли в конце XVIII века.

Швейцарец по происхождению, Фюсли был тесно связан с английским искусством, так что его включают в историю английской живописи. Он создал странный и выразительный стиль, в котором гипертрофированный героизм неоклассицизма наполнялся романтической тревогой. Его произведения, написанные на сюжеты из Шекспира и «Сказания о Нибелунгах», похожи на античные драмы, а сюжеты из «Илиады» — на иллюстрации к Байрону. Смерть Сарпедона Фюсли представляет как вознесение, используя хорошо известную иконографическую схему Троицы, когда Бог-сын представлен как распятый Христос в объятиях Бога-отца. Кошунственное смешение христианской и языческой иконографии позволяет создать в живо-

Дж. Романо. Битва за тело Патрокла

М.Слефогт. Битва у кораблей

писи образ, близкий к гомеровской поэзии: Фюсли передает строгую печаль Бога о смерти божественного сына.

Вступление в битву Патрокла является кульмина-

цией в действии «Илиады». Ахилл склоняется к мольбам своего друга и разрешает ему надеть свой доспех, чтобы отразить троянцев. В пылу битвы троянцы принимают Патрокла за

Ахилла и, уstraшенные появлением знаменитого героя, обращаются в бегство. Все бы было хорошо, но Аполлон открывает глаза Гектору и помогает ему убить Патрокла. Над телом убитого разгорается битва, в которой участвуют все знаменитые герои с той и с другой стороны. Ахилл ничего не знает о смерти дру-

га. Джулио Романо изображает момент, когда Аякс на руках выносит из боя тело Патрокла. Прототипом рисунка Джулио Романо было изображение на античном саркофаге. Античный образ юного героя, которого прикрывает старший соратник, стал типичным для всех новоевропейских милитаристских памятников. Очень распространен был этот мотив в фашистской скульптуре. Как только война начинала восприниматься как нечто великое и прекрасное, европейская традиция сразу же, сознательно или бессознательно, обращалась к прототипам, выработанным «Илиадой».

«Марсельеза» Рюда, скульптурный символ Франции, так же как и наша Родина-мать Вучетича в Сталинграде, похожи как родные сестры на богиню Вржду из 11-й песни «Илиады», которая криком своим «...каждому в сердце вдохнула //Бурную силу, без усталости вновь воевать и сражаться://Всем во мгновенье война им кровавая — сладостней стала...»

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Юрий БОГОМОЛОВ: «С вхождением в рынок появилась особая валюта — лица уважаемых людей или людей забавных». («Конвертируемое лицо»)

Репортаж нашего специального корреспондента **Кирилла РЫБАКА**, нелегально пересекшего российско-эстонскую границу.

Отрывок из книги всемирно известного скульптора **Вадима СИДУРА**, получившего признание на родине лишь после смерти.

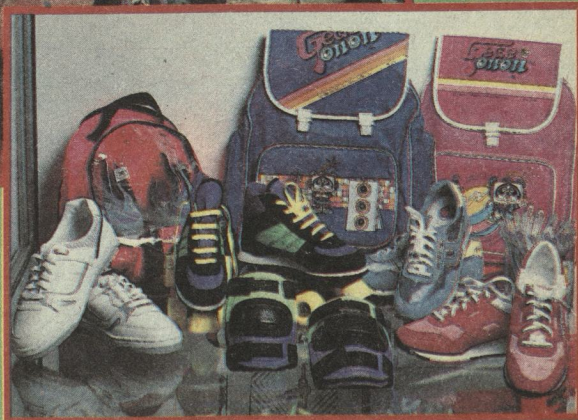
Фюсли. Смерть Сарпедона

«INTERCOMCENTER» — «FORMULA-7»
CONCERN
«SINEKS» enterprise

индекс 73746 Концерн
«Интеркомцентр» — «Формула-7»
Предприятие «СИНЕКС»

ВЫСТАВКА-РАСПРОДАЖА ТОВАРОВ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ЦЕНЫ НИЖЕ РЫНОЧНЫХ НА 30 %

Продажа за полный безналичный расчет
Рассматриваем предложения по бартеру
и контрактной основе.
Сроки поставок не более 10 дней

Ждем Вас по тел.: 181-54-81
с 10 до 18 ч. без выходных
с 18 до 23 ч. по тел.: 152-66-39

Эксклюзивный дистрибьютор «CHRISTIAN
LORENZKG»